



ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

JOURNAL OF ECONOMIC SOCIOLOGY = EKONOMICHESKAYA SOTSIOLOGIYA

**Журналу
25 лет**

Читайте в номере:

Интервью с Татьяной Черкашиной

«Наш интерес к теме экономического неравенства был предопределён»

Черкашина Т. Ю., Богомолова Т. Ю.

Трансферты экономических ресурсов внутри семьи как источник формирования нефинансового богатства населения в России

Зёргель Ф. Эмоциональные драйверы инноваций: исследования моральной экономики прототипов (фрагмент)

**Анфимова К. С., Бондарьков С. В.,
Бочаров Т. Ю., Калинина Е. М.,
Чистякова Д. А.** Профессия арбитражного управляющего в России: роль типа должника в структурировании сообщества

**Экономическая
социология**
Т. 26. № 4
Сентябрь 2025

Электронный журнал
www.ecsoc.hse.ru
ojs.hse.ru/index.php/ecsoc

ISSN 1726-3247

Адрес редакции

101000, Россия,
г. Москва,
ул. Мясницкая,
д. 11, комн. 530
тел.: +7 (495) 628-48-86
email: ecsoc@hse.ru



**Journal of
Economic Sociology**
Vol. 26. No 4.
September 2025

Electronic journal
www.ecsoc.hse.ru
ojs.hse.ru/index.php/ecsoc
ISSN 1726-3247

Contacts

11 Myasnitskaya str.,
room 530
101000, Moscow,
Russian Federation
phone: +7 (495) 628-48-86
email: ecsoc@hse.ru

Электронный журнал «Экономическая социология» издаётся с 2000 г. Учредителями являются Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (с 2007 г.) и Вадим Валерьевич Радаев (главный редактор).

Цель журнала — утверждать международные стандарты экономико-социологических исследований в России, представлять современные работы российских и зарубежных авторов в области экономической социологии, информировать профессиональное сообщество о новых актуальных публикациях и исследовательских проектах, а также вовлекать в профессиональное сообщество молодых коллег.

Журнал представляет собой специализированное академическое издание. В нём публикуются материалы, отражающие современное состояние экономической социологии и способствующие развитию данной области в её современном понимании. В числе приоритетных тем: теоретические направления экономической социологии, социологические исследования рынков и организаций, социально-экономические стратегии индивидов и домашних хозяйств, неформальная экономика. Также публикуются тексты из смежных дисциплин — неоинституциональной экономической теории, антропологии, экономической психологии и других областей, которые могут представлять интерес для экономсоциологов.

Журнал публикует пять номеров в год: в январе, марте, мае, сентябре и ноябре. Доступ ко всем номерам журнала постоянный, свободный и бесплатный по адресу: <http://www.ecsoc.hse.ru>. Каждый номер содержится в едином файле (10–12 п. л. в PDF).

Журнал входит в список ВАК России, индексируется в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ), Emerging Sources Citation Index (ESCI) из Web of Science Core Collection и Scopus (2-й квартиль).

Требования к авторам изложены по адресу: http://ecsoc.hse.ru/author_requirements.html

В журнале применяется двойное анонимное рецензирование статей. Все материалы проходят через полный цикл редакторской обработки и корректуры.

Плата с авторов журнала не взимается. Ускоренные сроки публикации статей не предусмотрены.

Journal of Economic Sociology was established in 2000 as one of the first academic e-journals in Russia. It is funded by HSE University.

Journal of Economic Sociology promotes international standards of research in economic sociology, presenting new research carried out by Russian and international scholars, introducing new books and research projects, and attracting young scholars into the field.

Journal of Economic Sociology is a specialized academic journal representing the mainstreams of thinking and research in international and Russian economic sociology. Journal of Economic Sociology provides a framework for discussion of the following key issues: major theoretical paradigms in economic sociology, sociology of markets and organizations, social and economic strategies of households, informal economy. Journal of Economic Sociology also welcomes research papers written within neighboring disciplines — new institutional economics, anthropology, economic psychology and related fields, which can be of interest for economic sociologists.

Journal of Economic Sociology has a wide Russian speaking audience, living both in Russia and abroad. Its main target group comprises research scholars, university professors, policy-makers, post-graduates, undergraduates and others who are interested in economic sociology.

Journal of Economic Sociology is indexed by Emerging Sources Citation Index (ESCI) from Web of Science™ Core Collection and Scopus (Q2).

Journal of Economic Sociology is a bimonthly journal released in five issues (January, March, May, September, and November). Journal of Economic Sociology provides permanent free access to all issues in PDF. Journal of Economic Sociology applies blind peer-review procedures (two referees for each research paper). All papers are subject to editing, proofreading, and professional design layout.

Guidelines for authors: http://ecsoc.hse.ru/author_requirements.html

**Экономическая
социология**
Т. 26. № 4.
Сентябрь 2025

Электронный журнал
www.ecsoc.hse.ru
[ojs.hse.ru/index.php/
ecsoc](http://ojs.hse.ru/index.php/ecsoc)

ISSN 1726-3247

Журнал выходит
пять раз в год

Учредители:

- Национальный
исследовательский
университет
«Высшая школа эконо-
мики»
- В. В. Радаев

Издаётся с 2000 года



НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

Редакция

Главный редактор:

Редактор выпуска:

Вёрстка:

Корректор:

**Ответственный
секретарь:**

Сотрудники редакции:

Радаев Вадим Валерьевич (НИУ ВШЭ, Россия)

Соколова Татьяна Виленовна (Россия)

Мишина Мария Евгеньевна (Россия)

Андрианова Надежда Викторовна (НИУ ВШЭ, Россия)

Котельникова Зоя Владиславовна (НИУ ВШЭ, Россия)

Конрой Наталья Викторовна (НИУ ВШЭ, Россия)

Редакционный совет

**Богомолова
Татьяна Юрьевна**

**Веселов
Юрий Васильевич**

**Волков
Вадим Викторович**

**Гимпельсон
Владимир Ефимович**

**Козырева
Полина Михайловна**

**Косалс
Леонид Янович**

**Малева
Татьяна Михайловна**

**Овчарова
Лилия Николаевна**

**Радаев
Вадим Валерьевич**
(главный редактор)

**Тихонова
Наталья Евгеньевна**

**Хахулина
Людмила Александровна**

Чепуренко Александр Юльевич

НГУ, Институт экономики и организации промышленного
производства СО РАН (Россия)

Санкт-Петербургский государственный
университет (Россия)

Европейский университет
в Санкт-Петербурге (Россия)

НИУ ВШЭ (Россия)

НИУ ВШЭ (Россия)

Университет Торонто (Канада)

Институт социального анализа
и прогнозирования РАНХиГС (Россия)

НИУ ВШЭ (Россия)

НИУ ВШЭ (Россия)

НИУ ВШЭ (Россия)

(Россия)

НИУ ВШЭ (Россия)

**Journal of
Economic Sociology**

Vol. 26. No 4.

September 2025

Electronic journal

www.ecsoc.msses.ru

[ojs.hse.ru/index.php/](http://ojs.hse.ru/index.php/ecsoc)

ecsoc

ISSN 1726-3247

Journal of Economic
Sociology is a bimonthly
journal released in five
issues in annual volume

Establishers

- HSE University
- Vadim Radaev

Editors

Editor-in-Chief:

Vadim Radaev (HSE University, Russia)

Editor:

Tatyana Sokolova (Russia)

Design and Layout:

Maria Mishina (Russia)

Proofreader:

Nadezda Andrianova (HSE University, Russia)

Managing Editor:

Zoya Kotelnikova (HSE University, Russia)

Editorial Staff:

Natalia Conroy (HSE University, Russia)

Editorial Council

Tatyana Bogomolova

Institute of Economics and Industrial
Engineering of the Siberian Branch
of Russian Academy of Sciences (Russia)

Alexander Chepurenko

HSE University (Russia)

Vladimir Gimpelson

HSE University (Russia)

Lyudmila Khakhulina

(Russia)

Leonid Kosals

University of Toronto (Canada)

Polina Kozyreva

HSE University (Russia)

Tatyana Maleva

Institute of Social Analysis and Forecasting,
The Russian Presidential Academy
of National Economy and
Public Administration (Russia)

Lilia Ovcharova

HSE University (Russia)

Vadim Radaev (Editor-in-Chief)

HSE University (Russia)

Natalya Tikhonova

HSE University (Russia)

Yuriy Veselov

Saint Petersburg State University (Russia)

Vadim Volkov

European University at Saint Petersburg
(Russia)



NATIONAL RESEARCH
UNIVERSITY

Содержание

Тексты на русском языке

Вступительное слово главного редактора (*В. В. Радаев*) 9

Интервью

Интервью с Татьяной Черкашиной «Наш интерес к теме экономического неравенства был предопределён» 14

Новые тексты

Т. Ю. Черкашина, Т. Ю. Богомолова

Трансферты экономических ресурсов внутри семьи как источник формирования нефинансового богатства населения в России 32

Новые переводы

Ф. Зёргель

Эмоциональные драйверы инноваций: исследования моральной экономии прототипов (фрагмент) 69

Расширение границ

К. С. Анфимова, С. В. Бондарьков, Т. Ю. Бочаров, Е. М. Калинина, Д. А. Чистякова

Профессия арбитражного управляющего в России: роль типа должника в структурировании сообщества 83

Р. С. Мухаметов

Взаимосвязь православной религиозности и готовности граждан РФ участвовать в коллективных политических действиях: анализ данных «Всемирного исследования ценностей» за 2011 и 2017 гг. 121

Ю. О. Корешкова, Д. О. Тимошкин, А. А. Волошин, Н. Н. Зборовицкая

Деревня — городу, город — деревне: транслокальные сети внутренних мигрантов как фактор социально-экономической конвергенции регионального центра и периферии. На примере Иркутска и Красноярска. 152

Новые книги

М. О. Тушинолובה

Новая история кредита: как понять, кому доверять?

Рецензия на книгу: Carruthers B. G. 2022. *The Economy of Promises:*

Trust, Power, and Credit in America. Princeton: Princeton University Press. 408 pp. 176

Конференции

Д. Р. Лебедева

Промежуточная конференция исследовательской сети по экономической социологии Европейской социологической ассоциации (ESA RN09). 186

Contents

Texts in Russian

Editor's Foreword (<i>Vadim Radaev</i>)	9
---	---

Interviews

Interview with <i>Tatyana Cherkashina</i> . Our Research Interest in Economic Inequality Was Predetermined.....	14
--	----

New Texts

<i>Tatyana Cherkashina, Tatyana Bogomolova</i> Transfers of Economic Resources within the Family as a Source of Formation of Non-Financial Wealth of the Population in Russia.....	32
--	----

New Translations

<i>Franziska Sörgel</i> Emotional Drivers of Innovation. Exploring the Moral Economy of Prototypes (excerpt)	69
---	----

Beyond Borders

<i>Ksenya Anfimova, Sergey Bondarkov, Timur Bocharov, Elena Kalinina, Diana Chistyakova</i> The Profession of Bankruptcy Trustee in Russia: The Role of Debtor Type in Structuring the Community	83
--	----

<i>Ruslan Mukhametov</i> The Relationship Between Orthodox Religiosity and the Willingness of Russian Citizens to Participate in Collective Political Action: Evidence from the 2011 and 2017 "World Values Survey"	121
--	-----

<i>Iulia Koreshkova, Dmitry Timoshkin, Andrey Voloshin, Nastassya Zborovitskaya</i> From Village to City and Back: Translocal Networks of Internal Migrants as a Driver of Socio-Economic Convergence Between Regional Centers and Peripheries. A Case Study of Irkutsk and Krasnoyarsk.....	152
---	-----

New Books

<i>Maria Tushnolobova</i> A New Credit History: How to Understand Whom to Trust? Book review: Carruthers B. G. 2022. <i>The Economy of Promises: Trust, Power, and Credit in America</i> . Princeton: Princeton University Press. 408 pp.....	176
--	-----

Conferences

<i>Daria Lebedeva</i> Mid-term Conference of the European Sociological Association, Research Network 09 Economic Sociology	186
--	-----

25 ЛЕТ**В. В. Радаев****Журналу «Экономическая социология» 25 лет****Фрагменты истории**

В сентябре 2000 г. вышел первый номер журнала «Экономическая социология», которому сегодня исполняется 25 лет. Принимаем поздравления!

Это был один из первых российских электронных журналов, который никогда не имел бумажной версии. Он принципиально создавался и продвигался именно как электронный журнал, чтобы доказать, что данный формат не только не является вторичным, но может состязаться с лучшими бумажными журналами, соблюдая все академические и издательские требования. Сейчас это доказывать уже никому не надо.

Журнал создавался на рубеже нового тысячелетия, «на вырост», ещё в то время, когда российская интернет-аудитория была весьма ограниченной. В 2000 г. число интернет-пользователей составляло 3,6% городского населения России, а 56% горожан, по данным Фонда «Общественное мнение», вообще не слышали об Интернете. Время скачивания файла в 1 Мб составляло до 10 минут (приходилось удерживать объём номера в пределах 1,2 Мб и делать выносные приложения). Основным средством переноса информации были 3,5-дюймовые дискеты. Сейчас многое из перечисленного уже воспринимается с улыбкой. А четверть века назад приходилось все эти рамки учитывать.

Первоначально у журнала был единственный учредитель — его главный редактор. В 2007 г. в состав учредителей вошёл Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Лишь с этого момента журнал финансировался университетом, до этого он существовал на средства внешних грантов.

Все 25 лет своего существования журнал выходит пять раз в год: январе, марте, мае, сентябре и ноябре. Летом, на июнь, июль и август, берётся перерыв. Нетрудно посчитать, что за весь период вышло 125 номеров. Все материалы журнала всегда были полностью открыты, никогда не взималась плата ни за публикации, ни за доступ к статьям.

В журнале с самого начала были введены постоянные рубрики — «Новые тексты», «Дебюты», «Профессиональные обзоры» и др. Практически в каждом номере предлагались новые переводы важных работ по экономической социологии, в основном речь шла о «современной классике». Во многих номерах можно найти интервью с ведущими учёными данной области социологии.

С 2008 г. в журнале введено обязательное двойное анонимное рецензирование всех статей. С 2009 г. журнал включён в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ). В 2010 г. в числе первой группы электронных журналов вошёл в список Высшей аттестационной комиссии (ВАК) РФ, а в 2015 г. — в международную базу цитирования Scopus и в список RSCI (Russian Science Citation Index) вместе с другими лучшими российскими журналами.

Журнал периодически проводил конкурсы научных работ, публикуя победителей на своих страницах. С 2019 г. журнал участвует в программе НИУ ВШЭ по поддержке региональных авторов, мы считаем это важным. Доля авторов из НИУ ВШЭ в журнале не превышает трети.

Одна из «фишек» журнала — скрупулёзная точность выхода. Каждый номер выходит в третью декаду заявленного месяца. Ни один номер за 25 лет не опоздал ни на один день. Журнал — это периодическое издание, и он должен выходить вовремя.

В заключение хочется поблагодарить коллег, которые в разные годы вели наш журнал, и в первую очередь — Сергея Ерёмину, Марию Добрякову и Зою Котельникову.

VR ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА



Уважаемые читатели,

представляем новый номер нашего журнала.

Мы возвращаемся к нашей некогда традиционной рубрике «**Интервью**», которую возобновляем в рамках проекта «Российская экономико-социологическая перспектива», инициированного научным сотрудником ЛЭСИ *Анитой Поплавской*. Цель проекта — представить разнообразие научных тем отечественной экономической социологии, «картографировать» и «портретировать» их. Где расположены «очаги» экономической социологии в России? Что интересует представителей экономико-социологического подхода или учёных, чьи темы стоят на стыке экономики и социологии?

В этом номере нас ожидает беседа с заведующей кафедрой общей социологии экономического факультета Новосибирского государственного университета (НГУ) кандидатом социологических наук *Татьяной Черкашиной*. Речь идёт об истории Новосибирской экономико-социологической школы, о десятилетнем опыте совместных исследований Т. Ю. Черкашиной и Т. Ю. Богомоловой имущественной стратификации в России и о текущей жизни кафедры общей социологии экономического факультета. В интервью подчёркивается тесная связь между экономикой и социологией, статистическим анализом и более объёмным пониманием социальных феноменов, академическими дисциплинами и практическими курсами. Беседу провела *Анита Поплавская* (ЛЭСИ НИУ ВШЭ).

В рубрике «**Новые тексты**» предлагается материал кандидатов социологических наук *Т. Ю. Черкашиной* (заведующая кафедрой общей социологии экономического факультета Новосибирского государственного университета) и *Т. Ю. Богомоловой* (декан экономического факультета Новосибирского государственного университета) «Трансферты экономических ресурсов внутри семьи как источник формирования нефинансового богатства населения в России». Авторы исследования оценивают масштаб и динамику вовлечённости российских домохозяйств во внутрисемейные трансферты экономических ресурсов, а также структурируют и описывают способы участия расширенной семьи в формировании портфеля собственности индивидов и (или) домохозяйств. Используются данные Всероссийского обследования домохозяйств по потребительским финансам (ВОДПФ) за 2013–2024 гг. и материалы полуструктурированных интервью с горожанами Новосибирской агломерации, проведённых в 2023–2024 гг. Выявлено, что не более четверти домохозяйств обладали хотя бы одним объектом жилой недвижимости или земельным участком, полученным по наследству или в дар.

В рубрике «**Новые переводы**» мы знакомим читателей с фрагментом книги *Франциски Зёргель* (доктор философии, постдок Технологического института Карлсруэ) «Эмоциональные драйверы инноваций: исследования моральной экономии прототипов». В книге выдвигается тезис о том, что идеи и их последующая материализация — следствие индивидуального опыта человека, выражение того, что он чувствует, что его заботит в нём самом, в окружающей среде или же будущем. Все эти взаимозависимости отражаются в том числе в биомедицинских технологиях. Журнал публикует первую главу книги «Чуткость к новому» («The Sensitivity of the New»), в которой Ф. Зёргель раскрывает замысел исследования и описывает структуру монографии. Книга на языке оригинала вышла в 2024 г. Фрагмент перевода публикуется с разрешения Издательства Института Гайдара.

В рубрику «**Расширение границ**» на этот раз вошли несколько статей. Первая из них называется «Профессия арбитражного управляющего в России: роль типа должника в структурировании сообщества». Её представили авторы из Института проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге и Московской высшей школы социальных и экономических наук *К. С. Анфимова, С. В. Бондарьков, Т. Ю. Бочаров, Е. М. Калинина, Д. А. Чистякова*. В статье рассматривается стратификация профессии арбитражных управляющих в России в зависимости от типа должника — корпоративного или персонального банкротства. Эмпирическую базу составили дезагрегированные биографические данные обо всех действующих арбитражных управляющих (более 10 тыс. специалистов), данные о банкротных процедурах (более 168 тыс. дел), полуструктурированные интервью с действующими специалистами, а также публикации в профессиональных медиа. Для анализа использовались описательная статистика и бета-регрессия, примененная к трансформированной доле дел юридических лиц в практике конкретного арбитражного управляющего. Полученные результаты позволяют по-новому взглянуть на внутреннюю организацию данной профессии.

Кандидат политических наук *Р. С. Мухаметов* (доцент кафедры политических наук Уральского федерального университета) провёл исследование, с результатами которого знакомит читателя в статье «Взаимосвязь православной религиозности и готовности граждан РФ участвовать в коллективных политических действиях: анализ данных “Всемирного исследования ценностей” за 2011 и 2017 гг.». В работе проверялась гипотеза, согласно которой религиозность граждан уменьшает индивидуальную склонность к протестным акциям. Однако данные социологических опросов «Всемирного исследования ценностей» (3500–3600 респондентов), к которым обратился автор, рабочей гипотезе исследования не дали эмпирического подтверждения.

Ю. О. Корешкова, Д. О. Тимошкин, доктор социологических наук (Лаборатория устойчивого развития Байкальского региона ИРИХ СО РАН, Иркутск), *А. А. Волошин* и *Н. Н. Зборовицкая* (все из Иркутского государственного университета) делятся результатами исследования «Деревня — городу, город — деревне: транслокальные сети внутренних мигрантов как фактор социально-экономической конвергенции регионального центра и периферии. На примере Иркутска и Красноярска». Опираясь на работу с пятью фокус-группами и 20 полуформализованных интервью с людьми, переехавшими в региональные центры из небольших поселений, авторы изучили, как эти сети складываются, поддерживаются и к каким социальным эффектам приводят. В заключении выводится гипотеза-следствие о том, что транслокальные сети сельских мигрантов способствуют снижению для сибирских деревень негативных последствий миграционного оттока, частично выравнивая инфраструктурные и экономические разрывы между региональными центрами и периферией.

В рубрике «**Новые книги**» публикуется рецензия на новую книгу *Брюса Каппутерса* «Экономика обещаний: доверие, власть и кредит в Америке» (*The Economy of Promises: Trust, Power, and Credit in America*. Princeton: Princeton University Press, 2022). В ней предлагается историко-социологический анализ эволюции кредитных отношений в США. Ключевой вопрос: как в разные периоды истории США кредиторы принимали решение о том, кому доверять? В рецензии раскрываются основные идеи книги, акцентируется внимание, с одной стороны, на проблеме асимметрии информации, которую решают кредитные рейтинги, с другой — на последствиях их использования. Затрагивается и этическая проблема, возникающая вследствие коммодификации сведений о кредитной истории. Рецензия подготовлена *М. О. Тушиноловой* (ЛЭСИ НИУ ВШЭ).

В рубрике «**Конференции**» *Д. Р. Лебедева* (ЛЭСИ НИУ ВШЭ) рассказывает об итогах Промежуточной конференции исследовательской сети по экономической социологии Европейской социологической ассоциации (ESA RN09), которая прошла 3–5 сентября 2025 г. в Берлине. Тема конференции была следующая: «Поиск решений актуальных вызовов нашего времени: позитивный поворот в экономи-

ческой социологии?» («Exploring Solutions to the Challenges of Our Time: A Positive Turn in Economic Sociology?»). Работа секций охватывала широкий спектр вопросов — от долговой нагрузки и финансового поведения домохозяйств до цифровых платформ труда, блокчейна и управления устойчивыми инвестициями.

VR INTRODUCTORY REMARKS

Dear colleagues,

Let us introduce a new journal issue.

We bring back our traditional rubric, “Interviews,” within the framework of the project “Russian Economic-Sociological Perspective,” initiated by Anita Poplavskaya (Research Fellow at the Laboratory for Studies in Economic Sociology). The goal of this project is to present the diversity of scientific topics in Russian economic sociology by “mapping” and “portraiting” them. Where are the “foci” of economic sociology in Russia? Which interests do the economic sociologists (or scientists whose interests belong to both economics and sociology) pursue? Are they oriented towards local contexts, presenting unique discourses and approaches, or are they integrated (and if so, how) into the global discussion of their subject area?

The first interview was recorded with Dr. *Tatyana Cherkashina* (Head of the Department of General Sociology, Novosibirsk State University). The conversation covers the history of the Novosibirsk School of Economic Sociology, describes the ten-year experience of Tatyana. Cherkashina and Tatyana Bogomolova’s joint research on wealth stratification with regard to property possession in Russia, and characterizes the current state of affairs at the Department of Sociology in the Faculty of Economics. The interview highlights the close connections between economics and sociology, statistical analysis and a more comprehensive understanding of social phenomena, academic disciplines and practical courses.

Dr. *Tatyana Cherkashina* (Head of the Department of General Sociology, Novosibirsk State University) and Dr. *Tatyana Bogomolova* (Dean of the Faculty of Economics, Novosibirsk State University) present their study, “Transfers of Economic Resources within the Family as a Source of Formation of Non-Financial Wealth of the Population in Russia.” The objectives of the study are: a) to assess the scale and dynamics of involvement of Russian households in intra-family transfers of economic resources and b) to describe the ways in which the extended family participates in forming the property portfolio of individuals and/or households. Data were collected from the All-Russian Household Survey on Consumer Finances for 2013–2024 and from the series of semi-structured interviews with city residents, mainly from the Novosibirsk agglomeration, conducted in 2023–2024. It was revealed that no more than a quarter of households owned at least one residential property or land plot received by inheritance or as a gift.

Next, we publish a translation from a book written by *Franziska Sörgel* (Doctor of Philosophy, Post-Doc, Institute for Technology Assessment and Systems Analysis (ITAS), Karlsruhe Institute of Technology), titled *Emotional Drivers of Innovation. Exploring the Moral Economy of Prototypes*. The book posits that ideas and their later materialisation are an expression of what one feels and cares about (as a result of individual experience), be it oneself, the environment, or the future and that this is a relationship that takes place in mutual dependence, whether in the context of biomedical technologies or beyond. The *Journal of Economic Sociology* publishes the first chapter, “The Sensitivity of The New,” in which the author explains the main ideas of the research and describes in detail the structure of the monograph.

A team of authors from the Institute for the Rule of Law of the European University in St Petersburg and Moscow School of Social and Economic Sciences—*Ksenya Anfimova*, *Sergey Bondarkov*, Dr. *Timur Bocharov*, *Elena Kalinina*, and *Diana Chistyakova*—present their study “The Profession of Bankruptcy Trustee in Russia and Its Fragmentation: The Role of Debtor Type in Structuring the Community.” This article examines the stratification of the profession of bankruptcy trustees in Russia, distinguishing those who deal with business bankruptcies from those handling personal bankruptcies. The empirical base consists of disaggregated bio-

graphical data on all active bankruptcy trustees (more than 10 thousand specialists), data on bankruptcy procedures (over 168 thousand cases), semi-structured interviews with current practitioners, as well as publications in the professional media. The results offer a new perspective on the internal organization of the profession.

Dr. *Ruslan Mukhametov* (Associate Professor, Department Political Sciences, Ural Federal University) presents his paper, “The Relationship Between Orthodox Religiosity and the Willingness of Russian Citizens to Participate in Collective Political Action: Evidence From the 2011 and 2017 World Values Survey.” The article formulates a hypothesis according to which Orthodox religiosity reduces the individual propensity to protest. For empirical verification, the author turned to data from the World Values Survey. The final sample consisted of 3,500–3,600 respondents. According to the results, the working hypothesis did not receive empirical confirmation.

Yulia Koreshkova, Dr. *Dmitry Timoshkin* (Laboratory for Sustainable Development of the Baikal Region, Institute for Regional Research of the Irkutsk Scientific Center, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences), *Andrey Voloshin*, and *Nastassya Zborovitskaya* (all from the Irkutsk State University) came out with their research, “From Village to City and Back: Translocal Networks of Internal Migrants as a Driver of Socio-Economic Convergence Between Regional Centers and Peripheries (A Case Study of Irkutsk and Krasnoyarsk).” Drawing on five focus groups and twenty semi-structured interviews with individuals who moved to these regional centers from small rural settlements, the authors explore how such networks are formed, maintained, and what social effects they produce. It is concluded that translocal networks of rural migrants contribute to reducing the negative effects of outmigration for Siberian villages by partially bridging the infrastructural and economic gap between regional centers and the periphery.

Maria Tushnolobova (LSES) reviews a new book by *Bruce Carruthers* “The Economy of Promises: Trust, Power, and Credit in America” (Princeton: Princeton University Press, 2022). The book is devoted to a historical and sociological analysis of the evolution of credit relations in the United States. The key question is: how did creditors decide whom to trust in different periods of U. S. history? The review reveals the main ideas of the book, focusing, firstly, on the problem of information asymmetry, which is solved by credit ratings, and secondly, on the consequences of their use. The review also touches upon the ethical problem that arises as a result of the commodification of credit history information.

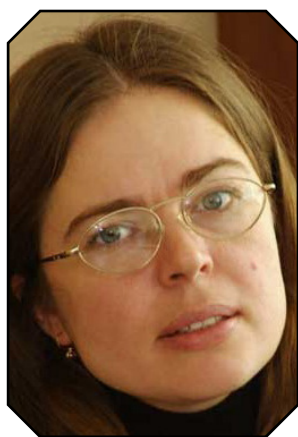
Finally, *Daria Lebedeva* shares her experience participating in the Mid-term Conference of the European Sociological Association, Research Network 09 Economic Sociology (September 3–5, 2025, Weizenbaum Institute in Berlin). The title of the conference was “Exploring Solutions to the Challenges of Our Time: A Positive Turn in Economic Sociology?” Conference sessions covered a wide range of topics, from household indebtedness and financial behavior to digital labor platforms, blockchain, and sustainable investment governance. Key discussions also addressed industrial policy, the green transition, digital payment systems, and new forms of cooperation.

ИНТЕРВЬЮ

Интервью с Татьяной Черкашиной

«Наш интерес к теме экономического неравенства был предопределён»

Беседовала Анита Поплавская



ЧЕРКАШИНА Татьяна Юрьевна — кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН; заведующая кафедрой общей социологии экономического факультета, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет. Адрес: 630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Пирогова, д. 1.

Email: touch@nsu.ru

Беседа с заведующей кафедрой общей социологии экономического факультета Новосибирского государственного университета (НГУ) Татьяной Черкашиной открывает цикл интервью в рамках проекта «Российская экономико-социологическая перспектива», инициированного научным сотрудником ЛЭСИ Анитой Поплавской. Цель проекта — представить разнообразие научных тем отечественной экономической социологии, «картографировать» и «портретировать» их. Где локализуется экономическая социология в России? Что интересует представителей экономико-социологического подхода или учёных, чьи темы стоят на стыке экономики и социологии? Ориентированы ли исследователи на описание локальных контекстов, представляя уникальные для страны дискурсы и подходы, или встраиваются (и как) в мировую дискуссию своего тематического поля? Как развивались научные интересы интервьюируемых учёных, какие статьи и книги они считают ключевыми в своих биографиях, какими литературными источниками вдохновляются, какие данные используют, как их анализируют и какие исследовательские результаты считают наиболее значимыми? На эти и другие вопросы мы ищем ответы в беседах с коллегами.

Кейс Новосибирской экономико-социологической школы (НЭСШ) неслучайно становится первым. Именно в Новосибирске в 1970–1980-е гг. зарождалось новое для России исследовательское направление — экономическая социология, а в 1989 г. было создано одно из первых отделений социологии в СССР. Парадоксально, но именно в Новосибирске факультет социологии так и не был создан, социологи продолжают работать и учить студентов на экономическом факультете¹.

В основу текста интервью положена трёхчасовая беседа с заведующей кафедрой общей социологии Татьяной Черкашиной. Разговор проходил в неформальной обстановке за чашкой чая на кафедре НГУ. Настоящая публикация является краткой выжимкой наиболее важных повествований по следующим темам: (1) история Новосибирской экономико-социологической школы, в том числе преемственность интереса к исследованиям благосостояния и неравенства в России, организация обучения в НГУ, преимущества и перспективы использования открытых данных в исследованиях; (2) 10-летний опыт совместных исследований Т. Ю. Черкашиной и

¹ См. подробнее об истории отделения социологии экономического факультета НГУ: Электронный ресурс [код доступа]: <https://www.nsu.ru/n/economics-department/about/history/> (дата обращения: 9 сентября 2025 г.).

Т. Ю. Богомоловой имущественной стратификации в России (с учётом обладаемой собственности), трилогия авторских статей, методология измерения имущественного неравенства; (3) текущая жизнь кафедры общей социологии экономического факультета, которая, помимо традиционных для социологии дисциплин, интегрирует в преподавание курсы бизнес-практиков, выпускников факультета, подчёркивая важность отражения и понимания работы современных рынков и разбора реальных бизнес-кейсов. В интервью подчёркивается тесная связь между экономикой и социологией, статистическим анализом и более объёмным пониманием социальных феноменов, академическими дисциплинами и практическими курсами. Беседа может быть интересна молодым учёным, находящимся в поиске собственного пути в науке, тем, кто интересуется темами социологии неравенства и стратификации, а также экспертам предметного поля.

Ключевые слова: экономическая социология; Новосибирская экономико-социологическая школа; Новосибирский национальный исследовательский государственный университет; богатство; неравенство по богатству; социологическое образование.

Связь экономики и социологии в исследованиях и образовании: кейс Новосибирской экономико-социологической школы

— *Вводный вопрос про Ваш путь в науке. Когда Вы поступали в НГУ, была ли у Вас чёткая ориентация стать учёным, исследователем?*

— Мне кажется, я сделала всё так, как не рекомендовала бы делать сейчас нашим студентам. Я приехала поступать в Новосибирский университет в 1989 г. Поступление тогда было немного иначе устроено, чем сейчас, в том числе и информационно. Были печатные справочники для поступающих в вузы с указанием городов, университетов, специальностей. Но у меня был справочник не на 1989-й г., а на предыдущий — на 1988-й. И мне в голову не могло прийти, что что-то кардинально может измениться. Я хотела поступать на экономический факультет НГУ по единственной тогда специальности — экономическая кибернетика. Но по приезду выяснилось, что открыто отделение социологии, и я, на ходу изменив решение, поступала на новую специальность. Это был первый набор на отделение социологии, то есть я из первого набора. Не готовилась быть социологом, но с тех пор ни разу не пожалела.

— *Насколько мне известно, социологического образования не было в советское время, структурные подразделения, ведущие подготовку в области социологии, появились примерно в начале 1990-х?*

— Я постараюсь сейчас найти... [Показывает книгу.] Вот легендарная книжка «Контурсы социологического образования в вузе. Проект», написанная под редакцией Инны Владимировны Рывкиной [Рывкина 1989]. В ней есть Приказ Государственного комитета СССР по народному образованию, изданный в 1988 г., об открытии в следующем учебном году социологических факультетов и отделений в некоторых советских городах. Факультеты были созданы, например, в Московском, Ленинградском, Киевском, Белорусском государственных университетах. В Новосибирском государственном университете и в нескольких других вузах были открыли отделения социологии. До этого момента только в МГУ в формате переподготовки обучали прикладной социологии.

— *Удивительно, что именно в Новосибирске возникла инициатива открытия социологических факультетов в стране, а в университете по сей день функционирует только отделение социологии при экономическом факультете.*

— Да, мы были не единственным отделением, но потом другие отделения становились факультетами, а мы остались частью экономического факультета, воплощая историческую связь экономики и социологии, какая и была.

— Как развивалось экономико-социологическое образование на факультете, кто разрабатывал и преподавал курсы? Знаю, что многие наши коллеги из ВШЭ раньше здесь работали.

— Всё верно. У нас преподавали Григорий Ханин, Ирина Давыдова. Инна Рывкина у нас вела «Введение в специальность», Леонид Косалс преподавал методологию и методы социологического исследования, Марина Шабанова вела семинары по этому курсу, Алёна Леденёва вела семинары по истории социологии. Они успели в нас вложиться, прежде чем уехать из Новосибирска. Понимание значимости этих имён в социологии пришло уже потом. Тогда казалось, что это вполне нормально, обычно, что они у нас преподают.

Что касается связки экономики и социологии, то исходно она возникла в Институте экономики и организации промышленного производства (ИЭиОПП СО АН СССР; сейчас — ИЭОПП СО РАН), а не в НГУ. Нужно понимать особенности организации образования в нашем университете, где каждая кафедра и факультет связаны с каким-то академическим исследовательским институтом. И Новосибирская экономико-социологическая школа (НЭСШ) — это прежде всего отдел социальных проблем в ИЭОПП [Заславская, Калугина 1999; 2003; Заславская, Калугина, Бессонова 2008; Котельникова 2004; Горяченко et al. 2024]. Именно этот отдел «отвечал» за социологическую специализацию на экономическом факультете. В дипломе была строчка о специальности «экономист-математик», а то, что была специализация по социологии, можно было понять по прослушанным курсам и теме диплома.

— Не могли бы Вы кратко рассказать, с чего начинались социологические проекты в НЭСШ?

— Это были социолого-статистические обследования — крупный проект, организованный совместно с Центральным статистическим управлением (ЦСУ) РСФСР, под руководством Т. И. Заславской, В. Д. Миркина и К. Ф. Ершовой. До возникновения данного проекта, в 1964–1966 гг., были исследования, связанные с проблематикой миграции. Например, в Новосибирске опрашивали бывших сельских жителей, работавших на промышленных предприятиях, а в сёлах — семьи, члены которых уехали в город. Новое обследование было лонгитюдным, и подобных исследований никто до того момента не проводил. Первый замер в рамках проекта организовали в 1967 г. в Новосибирской области. Помимо анкет для сельских жителей, инструментарий включал подробные «анкеты» об объектах инфраструктуры сельских населённых пунктов: школах, больницах, других учреждениях. Исследование повторялось в 1972, 1977 и 1982 гг. Четвёртая волна охватывала и Алтайский край. Эти четыре крупных исследования были проведены по сопоставимой методике, а собранные данные стали эмпирической основой для исследований множества направлений. Постепенно от изучения сельско-городской миграции отдел перешёл к анализу деревни как социальной подсистемы (сейчас сельскую тематику развивает прежде всего Ольга Фадеева), но некоторые исследования концентрировались на более частных, но не менее важных феноменах. Например, исследование шабашничества (то есть сезонной трудовой миграции), которое выполнила Марина Шабанова. Возможно, её статья была одной из первых в советской социологии, в которой откровенно обсуждались вопросы неформальной экономики [Шабанова 1986], а позднее вышла книга с материалами её диссертации по этой теме [Шабанова 1991].

Из совокупности этих исследований выросла книга «Социология экономической жизни» [Заславская, Рывкина 1991]. А первая монография о первом социолого-статистическом обследовании была не с результатами, а с описанием методики, и отдельный параграф был посвящён организации социологических экспедиций (см. подробнее: [Заславская, Миркин, Ершов 1969]).

— Какие темы были традиционными для Новосибирской экономико-социологической школы? Какое развитие они получили сегодня? Можно ли сказать, что тема неравенства являлась и остаётся основной?

— Если говорить о 1960–1970-х гг., основное направление — это исследования деревни как сложной социальной подсистемы, что подразумевало оценку условий жизни, выявление миграционных намерений сельских жителей и того, как они реализуются, хозяйственных практик (формальных и неформальных); также изучали динамику сельского расселения, социально-территориальную структуру села. Миграция населения оставалась объектом исследований, но менялись методология, предмет исследований. ИЭиОПП СО АН СССР был одним из эпицентров математизации советской социологии. Социальное моделирование начиналось в институте с моделей сельско-городской миграции, прогнозирования миграционных потоков. Миграционным биографиям и адаптации мигрантов на новом месте были посвящены исследования Людмилы Корель. Миграция населения вполне с позиций экономической социологии представлена в книге «Миграция и жилище» [Корель, Тапилина, Трофимов 1988]. «Миграция» и «жилище» увязывались друг с другом понятием «миграционная ёмкость региона», которая зависела от наличия в регионе вакантных рабочих мест и свободного жилищного фонда, точнее, — перспектив строительства нового жилья. Но названная книга — о межрегиональных переездах, которые подразумевали обмен жильём, заменяющий тогда, при отсутствии рынка жилья, его куплю-продажу. И квадратные метры становились платёжным средством в таких обменах, так как уезжающие из Сибири переезжали в города европейской части страны с ухудшением жилищных условий, теряя в размере жилплощади.

Знаковыми направлениями были исследования трудовой мобильности, которая проблематизировалась через «текучесть рабочей силы», исследования бюджетов времени (см. подробнее обзор в кн.: [Заславская, Калугина 1999]). Последнее направление, исследования бюджетов времени, к сожалению, не представлено в современных исследованиях школы, да и другие направления не неизменны. К примеру, сместился фокус с миграции населения на пространственную мобильность, которую мы рассматриваем как индикатор агломерационных процессов, территориального неравенства, связанности территорий [Горяченко et al. 2024].

Что касается исследований уровня жизни и экономического неравенства, стоит вспомнить, что у Татьяны Ивановны Заславской работы «первого московского периода» были о вознаграждении труда в сельском хозяйстве, о причинах различий в оплате труда в совхозах и колхозах. А в исследованиях миграции населения, которые выполнял отдел социальных проблем, факторы переездов, конечно же, включали характеристики занятости, уровень оплаты труда и доходов в целом, жилищные условия на прежнем и новом месте. В советской статистике стали публиковать показатели доходной дифференциации населения только в конце 1980-х гг., тем не менее по материалам социолого-статистических обследований не только были рассчитаны коэффициенты дифференциации доходов сельского населения Новосибирской области, но и определено, что за их изменение «отвечают» различия в темпах роста оплаты труда на низко- и высокооплачиваемых рабочих местах.

В 1980-е исследования дифференциации по материальному благосостоянию вполне оформились в отдельное направление, оно было одним из основным. Исследования выполнялись под руководством Александра Николаевича Шапошникова (сельское население) и Людмилы Александровны Хахулиной (городское население). С 1990-х это направление поддерживалось прежде всего Верой Сергеевной Тапилиной и Татьяной Юрьевной Богомоловой; их работы были посвящены финансовому поведению домохозяйств [Тапилина, Богомолова 1998], новому слою богатых [Тапилина 1998], бедности [Богомолова, Тапилина 2004; 2006], экономической стратификации в субъективном измерении [Богомолова, Тапилина 1997], экономической мобильности [Богомолова, Тапилина 1999; Богомолова, Тапилина, Ростовцев 2002] и другим темам. В 2010-е ярким вкладом в направление были исследования потребления, которые выполняла Ольга Ечевская [Ечевская 2011].

Интерес к исследованиям в области материального благосостояния и открытые всероссийские данные

— *Как развивался Ваш интерес к социологии, к теме экономического неравенства, благосостояния?*

— Во время моего студенчества Татьяна Юрьевна Богомолова вела у нас курс по социологии благосостояния, а затем по социальной стратификации. Собственно, до конца обучения в университете она была моим научным руководителем, затем научным руководителем при подготовке кандидатской диссертации. И сейчас мы продолжаем быть коллегами в исследованиях.

Мой диплом был посвящён субъективным оценкам материального благосостояния. А когда я выбирала тему диссертации, было модно изучать, как всё сломалось и как мы адаптируемся к этим сломам, в том числе социально-экономическим. Когда я стала глубже погружаться в проблематику социально-экономической адаптации, появилась идея исследования того, как домашнее хозяйство приспосабливается к внешним кризисам. Домашние хозяйства, если мы берём большинство из них, включают супружеские пары, в которых выстраиваются общие, семейные, «микроколлективные» стратегии приспособления к кризисам. Может быть, кто-то из супругов больше «на себе тянет»... Или подстраховывает в трудные моменты... Мне был интересен такой тематический поворот. Тогда только начала распространяться гендерная тематика в экономической социологии, появились книги, концентрирующиеся на экономических аспектах отношений в семье. Интересные книги по этой теме переводил и издавал Московский центр гендерных исследований (МЦГИ).

Значимыми для меня были работы британских социологов по экономике домашних хозяйств, прежде всего Джонатана Гершуни, работы Жан Пал, Кэролин Воглер о финансовой организации супружеских домохозяйств. Отголоски интереса к этой теме появлялись и у нас. У Вадима Радаева в учебнике была глава «Человек в домашнем хозяйстве» [Радаев 2005]. Тема эта висела в воздухе, и я, как мне кажется, естественным образом пришла к мысли, что тема моей диссертации будет про внутрисемейные экономические отношения. Диссертация была о том, как супруги участвовали в формировании семейного бюджета в динамичные 1990-е гг. Мне помогло наличие первых волн Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ), данные которых Татьяна Юрьевна Богомолова привозила в Новосибирск на дискетах или на флешке.

С одной стороны, 1990-е были трудным временем для школы в том плане, что кадры таяли. И финансово как бы не очень... Но с другой стороны, было два противоположных и мощных, наверное, условия. Во-первых, появились открытые данные, и всё началось с РМЭЗ. В конце 1990-х появляются открытые всероссийские данные, и теперь наши исследования могли эмпирически больше не ограничиваться обследованиями в Новосибирской области.

РМЭЗ в этом плане стал красной нитью в моей исследовательской биографии. Всероссийские открытые данные РМЭЗ, микроданные обследований домохозяйств, которые стал публиковать Росстат, — все это очень значимая часть данных, с которыми мы работаем. К сожалению, не так много коллег задействуют эти данные для исследования внутрисемейных финансовых отношений. Среди авторов по этой теме назвала бы Диляру Ибрагимову, Полину Жидкову.

Во-вторых, в 1990-е заработали фонды, проводящие конкурсы, по которым можно было получить гранты на исследования.

— *Можно ли сказать, что появление РМЭЗ кардинально изменило понимание того, как делать исследования?*

— Моё знакомство с данными РМЭЗ в чём-то продолжало тему диплома. В анкетах были вопросы наподобие «доход какой величины для Вашей семьи Вы сочли бы нормальным?»; были вопросы про субъективные представления о доходе, который ассоциируется с богатством и бедностью, и я подробно сравнивала «денежный эквивалент» нормальной жизни в представлениях разных групп респондентов. Когда поступала в аспирантуру, я уже знала немного эти данные и примерно понимала, как их можно использовать. Но мне хотелось уйти от работы с отдельными файлами, перегруппировать, переструктурировать данные так, чтобы соединить друг с другом ответы супругов. Кстати, для одной из курсовых работ, которая недавно выполнялась под моим руководством, также создавала новый файл данных, в котором к анкетам подростков присоединила ответы каждого из родителей. То есть организация данных РМЭЗ позволяет изучать согласованность ответов, характеристик членов семьи, заглянуть в тот самый «чёрный ящик домохозяйства».

Начало исследовательской работы у меня практически совпало с появлением возможности работать с РМЭЗ, так что мне не пришлось что-то революционно менять в своих практиках. Отличие, наверное, в том, что в студенчестве работала с «местными», локальными данными, собранными в Новосибирской области или соседних регионах. Например, наши студенческие экспедиции были в Алтайском крае. Мы и сейчас, уже без экспедиций, проводим опросы в качестве студенческой практики. Например, несколько лет подряд в партнёрстве с «ИнфоСканом»² мы проводили телефонные опросы о мобильности населения в Сибири — в Новосибирской, Томской областях, в Алтайском крае; студенты используют эти данные в своих курсовых работах. Но всё же РМЭЗ — это общероссийские, более масштабные данные, размер выборки которых позволяет видеть широкий круг социально-экономических явлений в подробностях.

Десять лет совместных исследований собственности российских домохозяйств

— В декабре 2024 г. Вы с Татьяной Юрьевной Богомоловой выступали у нас, на семинаре Лаборатории экономико-социологических исследований, с результатами изучения внутрисемейной передачи собственности в России. Расскажите, как Вы пришли к данной теме? Когда вышла в свет Ваша первая публикация о собственности?

— Первая публикация с результатами исследования собственности российских домохозяйств вышла у нас с Татьяной Юрьевной в январе 2015 г., то есть 10 лет назад [Богомолова, Черкашина 2015]. Потом мы написали много статей на эту тему и до сих пор не можем остановиться. Тема кажется бездонной.

Если смотреть ретроспективно, наш интерес к этой теме был предопределён. У Т. Ю. Богомоловой диссертация была про стратификацию по материальному благосостоянию населения крупного города. Как она сама замечает, первая в СССР и России диссертация со словом «стратификация», использованном не в ругательном смысле. В 1992 г. в ИЭОПП вышла книга Виктора Лисова «Богатые и бедные в сибирской деревне» [Лисов 1992]. Название очень даже смелое для тех времён, в таком ключе мало кто говорил про материальные различия. Александр Николаевич Шапошников и Виктор Лисов работали типологию материального благосостояния для сельского населения, уникальность которой в том, что она была построена на денежных оценках стоимости разных объектов личной собственности и имущества, в том числе жилья. Собирали данные по этой методике в середине 1980-х гг. Для Советского Союза это было уникальнейшее исследование!

Это означает, что связанный с НЭСШ бэкграунд наших исследований помогал нам изучать экономическое благосостояние структурно, через выделение иерархически организованных групп домашних хозяйств, семей, по накопленному имуществу, жилищным условиям.

² Независимая исследовательская компания. См. о ней подробнее: Электронный ресурс [код доступа]: <https://www.infoskan.ru/about/> (дата обращения: 11 сентября 2025 г.).

У Т. Ю. Богомоловой и В. С. Тапилиной были исследования о мобильности населения по доходам, об измерении доходной бедности. Но ни у нас, ни в других исследовательских коллективах практически ничего не писали про имущество, собственность современных российских домашних хозяйств. Наверное, наиболее значимой книгой в этой теме была «Собственность и бизнес в жизни и восприятии россиян». Одним из её редакторов был Александр Юльевич Чепуренко (см.: [Горшков, Тихонова, Чепуренко 2006]). К этой книге я периодически обращаюсь. В ней подведён итог десятилетия реформ, показано введение частной собственности с точки зрения россиян: как они относятся к ней, что понимают под частной собственностью. Эмпирические данные свидетельствовали о положительном отношении к частной собственности, но для большинства она включала имущественные материальные объекты, то есть жильё, дачу, автомобиль, земельный участок. В этом плане частная собственность рассматривалась как зона личной свободы, то, чем можно самостоятельно распоряжаться. И уже тогда было зафиксировано, что важнейший объект собственности для россиян — жильё; в отношении к нему воплощается восприятие частной собственности в целом. Это была значимая книга, но издана она в середине нулевых, а после неё — большое белое пятно...

Мы с Татьяной Юрьевной начали этот пробел заполнять. Как раз тогда Росстат стал публиковать микро-данные своих обследований. Например, Комплексное наблюдение условий жизни населения (КОУЖ) за 2011 г. Росстат открыл в 2013 г. Я в это время вдохновилась книгой Елены Шоминой про квартиросъёмщиков [Шомина 2010] и очень удивилась, почему нет никаких российских публикаций про масштабы съёма квартир, эмпирического описания этого явления в новых, рыночных условиях.

Когда Росстат открыл данные КОУЖ за 2011 г., я предложила тему о квартиросъёмщиках Елене Караваевой для дипломной работы, в которой количественные данные КОУЖ были дополнены качественными данными интервью с квартиросъёмщиками. Эта работа стала призёром конкурса ВЦИОМа, а результаты потом мы опубликовали в «Мониторинге общественного мнения» в 2015 г. [Караваева, Черкашина 2015].

Наличие данных РМЭЗ и КОУЖ и совокупный опыт подталкивали к изучению имущества в собственности домохозяйств. Но все эти данные не содержали денежных оценок собственности, а, скорее, фиксировали факты о ней — наличие и отдельные характеристики (размер; новизна; если дом, площадь и благоустроенность; если автомобиль, то куплен подержанным или новым). Характеристики были разные, но не было основной оценки этих активов — финансовой. Статья 2015 г. строилась на балльной оценке совокупного имущества домохозяйств, но мы в дальнейшем отказались от этого и стали более систематично воспроизводить иное методическое решение — «кластеры на факторах», как бы оно ни критиковалось [Крыштановский 2005]. Мы его воспроизвели на каждой волне КОУЖ, увидев устойчивость имущественной стратификации больше, чем за десятилетие.

— *Какие статьи Вы рекомендовали бы прочесть, чтобы ознакомиться с Вашими исследованиями, разработанной методологией?*

— Наверное, можно сказать, что у нас появилась трилогия в журнале «Мир России». После самой первой статьи и отказа от сугубо балльной оценки имущественной обеспеченности мы обратились к другому методическому решению и стали более серьёзно пытаться выстраивать типологию домашних хозяйств по имущественной обеспеченности, используя данные КОУЖ. Но любые типологии не висят в безвоздушном пространстве. Нас интересовали институциональные и экономические условия для формирования собственности домашних хозяйств, которые мы описали в первой статье в «Мире России» [Богомолова, Черкашина 2018], и на данных РМЭЗ показали динамику прироста имущества в собственности российских домохозяйств в 1994–2014 гг.

Во второй статье, в 2020 г., мы описали собственно эту типологию и на данных КОУЖ 2011–2018 гг. показали, какова доля домохозяйств, владеющих разным жильём, автомобилями, земельными участками, и какие имущественные кластеры получаются от их сочетания [Богомолова, Черкашина 2020]. Нам по-прежнему был интересен поселенческий разрез: мы сравнивали имущественную обеспеченность по макрорегионам, городам и другим населённым пунктам.

В третьей статье в нашу периодизацию экономических и институциональных условий мы добавили третий период, связанный с распространением государственных программ, стимулирующих прирост собственности домохозяйств, затронули вопрос налогообложения [Богомолова, Черкашина 2021]. И в этом случае государство, сначала грамотно формирующее собственность населения, а потом реформирующее систему налогообложения так, чтобы собирать имущественные налоги, заслуживало комплимент.

— *Как Вы бы могли соотнести Вашу методологию по измерению нефинансового богатства населения с международными подходами?*

— В рекомендациях Организации экономического сотрудничества и развития (Organisation for Economic Co-operation and Development, OECD) благосостояние населения при его изучении раскладывается на три группы индикаторов, связанных с доходами, имуществом, которое находится в собственности, и потреблением. В хрестоматии OECD всё великолепно расписано [OECD 2013]. Там же есть рекомендации по изучению богатства населения на микроданных обследований домашних хозяйств. Имущество домохозяйств, которое мы изучаем, в классификации OECD определяется как нефинансовое богатство и включает прежде всего жилую и нежилую недвижимость, земельные участки, автотранспортные средства, некорпоративные активы. На РМЭЗ мы посмотрели, какая доля домашних хозяйств владеет производственными активами; точнее, домохозяйств, члены которых владеют или совладеют предприятиями. Оказалось, примерно 2–3% домохозяйств, то есть очень маленький процент, поэтому мы отказались включать в анализ этот актив и сфокусировались на ядре из жилой недвижимости, земли и автотранспорта. Тем не менее мы всё равно продолжаем ориентироваться на ту рамку исследования богатства домохозяйств, которую рекомендует OECD.

— *Какие выводы Вы считаете наиболее значимыми, парадоксальными или развивающими обыденные и Ваши представления о собственности в России, её передаче внутри семьи?*

— Мы привыкли к тому, что, когда смотришь на доходную стратификацию, сельские семьи концентрируются преимущественно в нижних слоях, а на верхних этажах находятся жители из городов-миллионников и столиц. Но в нашей имущественной типологии были группы семей (как мы их назвали, «с сельским профилем»), которые находились не только внизу имущественной стратификационной лестницы, но и вверху. Иначе говоря, есть крупные домашние хозяйства, которые могут быть сложными по составу (к примеру, двухпоколенные), и они владеют большим «портфелем» накопленного имущества. Получалось, что наверху имущественной стратификации можно выделить группу домашних хозяйств именно сельских. И это было несколько неожиданно.

Потом возник ещё один сюжет. Как показал анализ, ключевой характеристикой, которая определяет, окажетесь ли вы наверху имущественной стратификации или в её нижней части, стала семья. Если главой домашнего хозяйства является человек, чей брак распался, он, скорее всего, будет внизу имущественной стратификации, и наоборот. Стабильный и долгий брак существенно повышает вероятность того, что вы окажетесь в верхних имущественных слоях. Семейный сюжет мы продолжили в исследовании, о котором рассказывали на семинаре ЛЭСИ, но иначе расставили акценты, подчёркивая роль семьи в формировании собственности прежде всего молодого поколения, в возможности пользоваться имуществом, которым не владеешь непосредственно.

Откуда вообще может возникнуть собственность, ваша или вашей личной, нуклеарной семьи? Вы лично или вместе с супругом или супругой можете её приобрести на свои доходы, зачастую растянув во времени накопление средств или погашение кредита для покупки; государство задаёт институциональные и экономические условия для такой «конвертации» доходов в имущество. Также вы можете стать собственником, получив имущество по наследству или в дар, как правило, от старших родственников; либо получив от родственников денежную поддержку в приобретении объектов собственности. В предыдущих своих работах мы фиксировали контекст на макроуровне, периодически обновляли периодизацию государственной политики в отношении собственности населения в современной России, систематизировали институциональные инструменты, которыми государство «подталкивало» население к статусу собственника. И вполне закономерно, что наш исследовательский интерес вызвали микроуровневые практики участия родственников, расширенной семьи в формировании имущественного портфеля.

— Кого Вы бы рекомендовали читателям журнала из авторов, кто занимается в России темой передачи имущества по наследству?

— Работ по этой теме не так много. Это серия исследований Ивана Климова с коллегами из Центра управления благосостоянием (позже — Центр управления благосостоянием и филантропии) «Сколково» [Агеев, Климов 2021]. Это качественные исследования, кажется, на основе 36 интервью с обеспеченными людьми, которые собираются передавать бизнес в наследство. Также было написано несколько работ Марией Стариковой, когда она работала в Вятском государственном университете, — про жилищные условия, жилищную стратификацию и неравенство [Старикова 2018], про наследуемое жильё [Старикова 2015]. Оказалось, что не для всех полученное по наследству жильё обладает ценностью; оно, скорее, объект для продажи и вложения в покупку нового жилья, которое устраивало бы молодых, то есть не все готовы жить в унаследованном жилье. Анна Стрельникова и Елизавета Полухина участвовали в коллективном исследовании, одной из тем которого была жилищная мобильность. Смена жилья рассматривалась как пространственная проекция социальной мобильности [Стрельникова 2015; Полухина 2017]. Можно сказать, что эти работы стали источниками вдохновения для наших исследований. Например, идея жилищной мобильности была реализована в одном из дипломных исследований (работа Ирины Бородихиной «Динамичность институциональных и экономических условий как предпосылка жилищной мобильности россиян», 2018 г.). При этом выделялись траектории не просто смены места жительства, но смены статусов собственника и пользователя жилья.

К сожалению, такой масштабный проект, как Всероссийское обследование домашних хозяйств по потребительским финансам, который организуют Минфин и Центробанк, имеет небольшой набор переменных о тех, кто покупал квартиру при поддержке государства, например, с помощью материнского капитала, льготной ипотеки. Обследование лишь фиксирует наличие такой поддержки. Это и есть вся информация, которую оттуда можно извлечь о государственной поддержке. Плюс характеристики этого жилья. Эти данные дополняются ответами на несколько вопросов о семейной поддержке в приобретении собственности.

Хотелось бы чуть глубже изучить, например, минимальную имущественную обеспеченность. Вячеслав Бобков и его коллега написали несколько статей про жилищную бедность [Бобков, Одинцова 2021]. Кажется, это всё... Словом, какие-то точечные очаги интереса к теме собственности, собственного жилья есть, но хочется к ним что-то добавить... Например, сейчас интересно увидеть самим и другим показать, как родственные отношения поддерживают отношения собственности или воспроизводятся в них.

Кадры не только для академии: участие бизнес-практиков в социологическом образовании

— *Расскажите, пожалуйста, как сегодня организовано обучение в Новосибирском университете на отделении социологии экономического факультета? Есть ли здесь особенности социологического образования?*

— Про организацию образования у нас можно много рассказывать, но как отличительные особенности отметила бы следующие. Во-первых, всё же мы на экономическом факультете, для нас это естественная, исторически сложившаяся ситуация, поэтому наши студенты проходят серьёзные курсы макро- и микроэкономики, большой блок математических дисциплин, и только после этого наступает время анализа социологических данных. В этом плане мы преимущественно «количественники». Во-вторых, в курсовых работах на каждом курсе последовательно формируются у студентов навыки выполнения исследований: на первом курсе учат аналитически реферировать источники; на втором — составлять программу социологического исследования, что также подразумевает обзор публикаций; третий курс — это анализ социологических данных, преимущественно вторичный, но он, естественно, включает разработку программы исследования. На четвёртом курсе всё это воплощается в дипломных исследованиях, которые подразумевают формирование уникальной информационной базы. В магистратуре эти этапы сжаты до двух лет. Так что у студентов есть возможность с третьего, а иногда со второго курса рассказывать на конференциях о своих исследованиях, эмпирическая база которых больше, чем доступные опросы студентов своего вуза. В-третьих, есть преимущество в том, что НГУ — не большой вуз; на нашем направлении, к примеру, 25 бюджетных мест в бакалавриате и 10 — в магистратуре. У студента с первого курса есть научный руководитель, под контролем которого фактически реализуется индивидуальное обучение. Кто-то из студентов выбирает нового руководителя каждый год, а кто-то может все четыре года выполнять свои исследования под руководством одного преподавателя. В-четвёртых, это то, что я назвала бы «балансированием между академией и “реальным” сектором». Наш университет, как уже отмечалось, тесно связан с институтами Сибирского отделения РАН. Для трети сотрудников кафедры основное место работы — ИЭОПП СО РАН. По примерам, которые я приводила, видно, что мы предлагаем студентам темы исследований, близкие к тому, чем занимаемся сами. Хотя противопоставление академических институтов и «реального сектора», скорее, ложное, так как через включённость студентов в научные исследования мы учим универсальным навыкам поиска информации, работы с данными, их социологической интерпретации. Тем не менее нам важно готовить студентов к тому, что академией исследовательская работа не ограничивается.

— *Где работают выпускники отделения? Взаимодействует ли кафедра с ними после выпуска?*

— Нет смысла закрывать глаза на то, что в маркетинг, другие исследовательские направления идёт гораздо больше наших выпускников, чем в науку. Студентов надо готовить к реальности. Первым явно «практико-ориентированным» курсом был «Полевой этап маркетинговых исследований», который работали и преподавали Антон Карпов и Елена Кузьминых, совмещая преподавание в университете с работой в сфере коммерческих исследований. Когда курс «запускали», на кафедре обсуждали, нужно ли учить студентов тому, «как надо», или лучше рассказывать им о том, «как есть на самом деле».

А позднее, в 2014 г., на конференции, посвящённой 25-летию отделения социологии, провели два круглых стола. Один был посвящён собственно социологическому образованию, а второй — профессиональной занятости социологов, тех, кто уже получил диплом социолога, и чему в такой перспективе стоит учить студентов. Был огромный эффект после участия в этих круглых столах наших выпускников. В дополнение к «Полевому этапу маркетинговых исследований» появился курс «Исследовательские технологии в решении маркетинговых задач», который очень долго читали Рада Малышева и Елена Бабина, а сейчас

«подхватила» Анна Орлова. Какие-то курсы, к сожалению, читаются только два-три года. Например, были «Статистические методы маркетинговой аналитики» Арины Комаровой, «Методы продуктовой аналитики» Евгении Ольбиковой. Но, к счастью, пока получается пополнять линейку таких курсов, которые несут знания не из учебников, а из собственного обширного опыта преподавателей, находящихся на позициях исполнителей и руководителей в исследовательских агентствах и подразделениях. Считаем, что какой бы мощной ни была академическая база, на выпускных курсах бакалавриата и в магистратуре нужны прикладные вкрапления, то есть «исполнение» учебных дисциплин «реальными» практиками. Ценность этих курсов может быть в систематизации материала и описании широкого контекста для исследовательских навыков. Взрослый человек с опытом привносит систематизацию в то, что студенты (пускай и работающие) отрывочно и обрывочно знают по своему небольшому опыту, предлагает описание более широкого контекста, учит более объёмно и глубоко смотреть на рутинные бизнес-процессы.

Но мы не только через преподавание или какие-то мероприятия обращаемся к опыту наших выпускников. В 2012 г. мы провели первую «перепись» выпускников отделения социологии ЭФ НГУ, в 2021 г. — вторую. По всем доступным каналам обращались к выпускникам с просьбой сообщить, где и кем они работают, но в каждой переписи была и исследовательская часть. В первой переписи мы оценивали карьерный рост наших выпускников, сравнивая характеристики текущей работы с характеристиками первого после получения диплома места работы; во второй сконцентрировались на оценке полученного образования, его востребованности. Такие переписи дают представление о коллективном профессиональном опыте обладателей диплома социолога. И я сказала бы, что выпускники отделения социологии — это наш социальный капитал.

— Большое спасибо за уделённое время и за беседу! Надеемся, что данное интервью и последующие публикации в рамках нашего проекта привлекут интерес в том числе молодых учёных к теме, стимулируют интерес к межрегиональному взаимодействию и вдохновят на научно-исследовательский карьерный трек.

Новосибирск, февраль 2025 г.

Литература

- Агеев Д., Климов И. 2021. Опыт преемственности глазами «первого» и «второго» поколения. Портрет владельцев капитала в России. *Центр управления благосостоянием Московской школы управления «Сколково»*. Электронный ресурс [код доступа]: <https://www.skolkovo.ru/researches/opyt-preemstvennosti-glazami-pervogo-i-vtorogo-pokoleniya/> (дата обращения: 12 сентября 2025 г.).
- Бобков В. Н., Одинцова Е. В. 2021. Материальное благосостояние россиян: межпоколенная дифференциация. *Мир новой экономики*. 15 (2): 16–28.
- Богомолова Т. Ю., Тапилина В. С. 1997. Экономическая стратификация: объективное и субъективное измерение. *Социологические исследования*. 9: 28–40.
- Богомолова Т. Ю., Тапилина В. С. 1999. Мобильность населения России по доходам в середине 90-х годов. *ЭКО*. 10: 81–94.
- Богомолова Т. Ю., Тапилина В. С. 2004. Миграция бедности: масштабы, воспроизводство, социальный спектр. *Социологические исследования*. 12: 17–29.
- Богомолова Т. Ю., Тапилина В. С. 2006. Бедность в современной России: измерение и анализ. *Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология: 4М)*. 22: 90–113.

- Богомоллова Т. Ю., Тапилина В. С., Ростовцев П. С. 2002. Влияние мобильности населения по доходам на изменение неравенства. *Экономическая социология*. 3 (1): 72–86. Электронный ресурс [код доступа]: <https://ecsoc.hse.ru/2002-3-1/26594916.html> (дата обращения: 12 сентября 2025 г.).
- Богомоллова Т. Ю., Черкашина Т. Ю. 2015. Регионально-поселенческие аспекты структуры нефинансового богатства российских домохозяйств. *Регион: экономика и социология*. 1: 79–107.
- Богомоллова Т. Ю., Черкашина Т. Ю. 2018. Институционально-экономический контекст формирования нефинансового богатства российских домохозяйств: от приватизации к приобретению. *Мир России. Социология. Этнология*. 27 (2): 62–89.
- Богомоллова Т. Ю., Черкашина Т. Ю. 2020. Стратификация по нефинансовому богатству российских домохозяйств: высота, профиль, детерминанты. *Мир России. Социология. Этнология*. 29 (4): 6–33.
- Богомоллова Т. Ю., Черкашина Т. Ю. 2021. Нефинансовое богатство российских домохозяйств: ответственность и налоги. *Мир России. Социология. Этнология*. 30 (3): 51–77.
- Горшков М. К., Тихонова Н. Е., Чепуренко А. Ю. (отв. ред.) 2006. *Собственность и бизнес в жизни и восприятии россиян*. М.: Наука.
- Горяченко Е. Е. et al. 2024. Человек на территории: пространственный анализ в исследованиях Новосибирской экономико-социологической школы. *Регион: экономика и социология*. 1: 258–288.
- Ечевская О. Г. 2010. Практики потребления и различия в контексте социально обусловленных оправданий бедности и богатства. *Регион: экономика и социология*. 1: 129–148.
- Ечевская О. Г. 2011. *Потребление и различие: социальные значения практики потребительского поведения горожан* (под ред. Т. Ю. Богомолловой). Новосибирск: ИЭОПП СО РАН.
- Заславская Т. И., Калугина З. И. 1999. *Социальная траектория реформируемой России: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы*. Новосибирск: Наука (Сибирское отделение).
- Заславская Т. И., Калугина З. И. 2003. *Россия, которую мы обретаем: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы*. Новосибирск: Наука (Сибирское отделение).
- Заславская Т. И., Калугина З. И., Бессонова О. Э. (отв. ред.) 2008. *Россия и россияне в новом столетии: вызовы времени и горизонты развития: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы*. Новосибирск: Изд-во СО РАН.
- Заславская Т. И., Миркин В. Д., Ершов К. Ф. (отв. ред.) 1969. *Методика выборочного обследования миграции сельского населения*. Новосибирск: Наука.
- Заславская Т. И., Рывкина Р. В. 1991. *Социология экономической жизни: Очерки теории* (отв. ред. А. Г. Аганбегян). Новосибирск: Наука (Сибирское отделение).
- Караваева Е. Ю., Черкашина Т. Ю. 2015. Жилищные отношения, политика и условия. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 6: 118–135.
- Корель Л. В., Тапилина В. С., Трофимов В. А. 1988. *Миграция и жилище*. Новосибирск: Наука.

- Котельникова З. В. 2004. Новосибирская экономико-социологическая школа. *Экономическая социология*. 5 (1): 91–104. Электронный ресурс [код доступа]: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208204952/ecsoc_t5_n1.pdf#page=94 (дата обращения: 12 сентября 2025 г.).
- Крыштановский А. О. 2005. «Кластеры на факторах» — об одном распространённом заблуждении. *Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология:4М)*. 21: 172–187.
- Лисов В. А. 1992. *Богатые и бедные в сибирской деревне*. Новосибирск: Изд-во Института экономики и организации промышленного производства СО РАН.
- Лисов В. А., Шапошников А. Н. 1988. Методика и результаты построения типологии семей по уровню материального благосостояния. *Известия СО АН СССР. Серия «Экономика и прикладная социология»*. 8 (2): 56–66.
- Полухина Е. В. 2017. Жилищная мобильность: направления социологического анализа. *Журнал исследований социальной политики*. 15 (4): 589–602.
- Радаев В. В. 2005. *Экономическая социология: учебное пособие для вузов*. М.: Изд. дом ВШЭ.
- Рывкина Р. В. (отв. ред.) 1989. *Контуры социологического образования в вузе*. Проект. Методическая разработка. Новосибирск: Новосибирский гос. ун-т им. Ленинского комсомола; Институт экономики и организации промышленного производства СО АН СССР.
- Старикова М. М. 2015. Жилищный вопрос в межпоколенном контракте. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 6: 105–117.
- Старикова М. М. 2018. Жилищное неравенство в городах как форма социального расслоения: критерии выделения жилищных классов и страт. *Урбанистика*. 3: 71–98.
- Стрельникова А. В. 2015. Пространственные проекции социальной мобильности: переезды как доминантные события биографического повествования. *Интеракция. Интервью. Интерпретация*. 7 (10): 39–46.
- Тапилина В. С., Богомолова Т. Ю. 1998. Кто на что тратит... *Финансовое поведение российских домохозяйств*. ЭКО. 10: 119–128.
- Шабанова М. А. 1986. Сезонные строители в сибирском селе. *Известия Сибирского отделения Академии наук СССР. Сер. Экономики и прикладной социологии*. 7 (2): 48–57.
- Шабанова М. А. 1991. *Сезонная и постоянная миграция населения в сельском районе: Комплексное социолого-статистическое исследование*. Новосибирск: Наука.
- Шомина Е. С. 2010. *Квартиросъемщики — I наше «жилищное меньшинство»: российский и зарубежный опыт развития арендного жилья*. М.: Изд. дом ВШЭ.
- OECD. 2013. *OECD Guidelines for Micro Statistics on Household Wealth*. Paris: OECD Publishing. Available at: <http://dx.doi.org/10.1787/9789264194878-en> (accessed 12 September 2025).
- Tapilina V. 1998. The Rich in Postsocialist Russia. *Sociological Research*. 37 (1): 32–47.

INTERVIEWS

Interview with Tatyana Cherkashina

Our Research Interest in Economic Inequality Was Predetermined

Interviewed by Anita Poplavskaya

CHERKASHINA, Tatyana Yu. — Abstract

Candidate of Sciences (Sociology), Leading Researcher, the Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; Head of the Department of General Sociology, Novosibirsk State University. Address: 1 Pirogov str., 630090, Novosibirsk, Russian Federation.

Email: touch@nsu.ru

A conversation with the head of the Sociology Department of Novosibirsk State University (NSU) Tatyana Cherkashina opens a series of interviews within the framework of the project “Russian Economic-Sociological Perspective” initiated by Anita Poplavskaya (Research Fellow at the Laboratory for Studies in Economic Sociology). The goal of the project is to present the diversity of scientific topics in Russian economic sociology, to “map” and “portrait” them. Where Russian economic sociology is located? Which interests do the economic-sociologists (or scientists whose interests belong to both economy and sociology) pursue? Are researchers oriented at exploring local contexts, presenting unique discourses and approaches for the country, or they are integrated (and how) into the global discussion of their subject area. How did the scientific interests of the interviewed scientists have been developing, what articles and books do they consider as key and most significant in their biographies, which literature inspires them, what data do they use, how do they analyze it and what research results do they consider the most significant? We seek answers to these and other questions in the conversations with colleagues.

It is no coincidence that the case of the Novosibirsk School of Economic Sociology (NESS) is the first. It was in Novosibirsk in the 1970-1980s where economic sociology was born in Russia as a research field, and in 1989 one of the first departments of sociology was opened in the Soviet socialist republics. Paradoxically, the Faculty of Sociology was never created here and sociologists continue to work and teach students at the Faculty of Economics.

The interview initially consisted of a three-hour conversation with the head of the Department of Sociology Tatyana Cherkashina. The conversation took place in an informal setting over a cup of tea in the NSU department room. This publication is a brief summary of the most important stories: (1) the history of the Novosibirsk School of Economic Sociology, including stories about the continuity of interest in research on welfare and inequality in Russia, about the organization of education at NSU, the advantages and prospects of using open statistical data in research; (2) the ten-year experience of T. Yu. Cherkashina and T. Yu. Bogomolova's joint research on wealth stratification with regard to property possession in Russia, trilogy of their articles, author's recommendations of the literature and methodology of measuring wealth inequalities; and (3) the current state of affairs at the Department of Sociology in the Faculty of Economics, which, in addition to traditional sociology disciplines, integrates courses taught by business practitioners, graduates of the faculty, emphasizing the importance of reflecting and understanding the work of modern markets and analyzing real business cases. The interview highlights the close connection between economics and sociology, statistical analysis and a more comprehensive understanding of social phenomena, academic disciplines and practical

courses. The conversation may be of interest to both young researchers searching for their own path in science, interesants and experts in the field of sociology of inequality and stratification.

Keywords: economic sociology; the Novosibirsk School of Economic Sociology; Novosibirsk State University; wealth; wealth inequality; education in Sociology.

References

- Ageev D., Klimov I. (2021) Opyt preemstvennosti glazami “pervogo” i “vtorogo” pokoleniya. Portret vladeltsev kapitala v Rossii [The Experience of Continuity through the Eyes of the “First” and “Second” Generations. Portrait of Capital Owners in Russia]. *Tsentr upravleniya blagosostoyaniem Moskovskoy shkoly upravleniya Skolkovo*. Available at: <https://www.skolkovo.ru/researches/opyt-preemstvennosti-glazami-pervogo-i-vtorogo-pokoleniya/> (accessed 12 September 2024) (in Russian).
- Bobkov V. N., Odintsova E. V. (2021) Materialnoe blagosostoyanie rossiyan: mezhpokolennaya differentsiatsiya [The Material Well-Being of Russians: Intergenerational Differentiation]. *The World of New Economy = Mir novoy ekonomiki*, vol. 15, no 2, pp. 16–28 (in Russian).
- Bogomolova T. Yu., Tapilina V. S. (1997) Ekonomicheskaya stratifikatsiya: obektivnoe i subektivnoe izmerenie [Economic Stratification: Objective and Subjective Measurement]. *Sociological Studies = Sotsiologicheskie Issledovaniya*, no 9, pp. 28–40 (in Russian).
- Bogomolova T. Yu., Tapilina V. S. (1999) Mobilnost naseleniya Rossii po dokhodam v seredine 90-kh godov [Population Mobility in Russia by Income in the Mid-90s]. *ECO = EKO*, no 3, pp. 60–81 (in Russian).
- Bogomolova T. Yu., Tapilina V. S. (2004) Migratsiya bednosti: masshtaby, vosпроизводство, sotsialnyy spektr [Poverty Migration: Scale, Reproduction, Social Spectrum]. *Sociological Studies = Sotsiologicheskie Issledovaniya*, no 12, pp. 17–29 (in Russian).
- Bogomolova T. Yu., Tapilina V. S. (2006) Bednost’ v sovremennoj Rossii: izmerenie i analiz. [Poverty in Modern Russia: Measurement and Analysis]. *Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling (Sociology: 4M) = Sociologiya: metodologiya, metody i matematicheskoe modelirovanie (Sociologiya: 4M)*, iss. 22, pp. 90–113 (in Russian).
- Bogomolova T. Yu., Tapilina V. S., Rostovcev P. S. (2002) Vliyanie mobil’nosti naseleniya po dohodam na izmenenie neravenstva [The Impact of Income Mobility on Changes in Inequality]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya Sotsiologiya*, vol. 3, no 1, pp. 72–86. Available at: <https://ecsoc.hse.ru/2002-3-1/26594916.html> (accessed 17 August 2025) (in Russian).
- Bogomolova T. Yu., Cherkashina T. Yu. (2015) Regionalno-poselenchesknye aspekty struktury nepfinansovogo bogatstva rossiyskikh domokhozyaystv [Regional and Settlement Aspects of the Structure of Non-Financial Wealth of Russian Households]. *Region: Economics and Sociology = Region: ekonomika i sociologiya*, no 1, pp. 79–107 (in Russian).
- Bogomolova T. Yu., Cherkashina T. Yu. (2018) Institutsionalno-ekonomicheskiy kontekst phormirovaniya nepfinansovogo bogatstva rossiyskikh domokhozyaystv: ot privatizatsii k priobreteniyu. [The Institutional and Economic Context of the Formation of Non-Financial Wealth in Russian Households: From Privatization to Acquisition]. *Universe of Russia = Mir Rossii*, vol. 27, no 2, pp. 62–89 (in Russian).

- Bogomolova T. Yu., Cherkashina T. Yu. (2020) Stratifikatsiya po nephinansovomu bogatstvu rossiyskikh domokhozyaystv: vysota, prophil, determinanty [The Stratification of Russian Households by Non-Financial Wealth: Volume, Structure and Correlates]. *Universe of Russia = Mir Rossii*, vol. 29, no 4, pp. 6–33 (in Russian).
- Bogomolova T. Yu., Cherkashina T. Yu. (2021) Nephinansovoe bogatstvo rossiyskikh domokhozyaystv: sobstvennost' i nalogi [The Non-Financial Wealth of Russian Households: Property and Taxes]. *Universe of Russia = Mir Rossii*, vol. 30, no 3, pp. 51–77 (in Russian).
- Echevskaya O. G. (2010) Praktiki potrebleniya i razlicheniya v kontekste sotsial'no obuslovlennykh opravdaniy bednosti i bogatstva [Consumption and Distinction Practices in the Context of Socially Determined Justifications of Poverty and Wealth]. *Region: Economics and Sociology = Region: ekonomika i sociologiya*, no 1, pp. 129–148 (in Russian).
- Echevskaya O. G. (2011) *Potreblenie i razlichie: sotsial'nye znacheniya praktiki potrebitel'skogo povedeniya gorozhan* [Consumption and Distinction: Social Significances of Urban Consumer Behavior Practices] (ed. T. Yu. Bogomolova), Novosibirsk: Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).
- Gorshkov M. K., Tikhonova N. E., Chepurenskiy A. Yu. (eds) (2006) *Sobstvennost' i biznes v zhizni i vospriyatii rossiyan* [Property and Business in the Life and Perception of Russians], Moscow: Nauka (in Russian).
- Goryachenko E. E., Cherkashina T. Yu., Mosienko N. L., Malov K. V., Fadeeva O. P. (2024) Chelovek na territorii: prostranstvennyy analiz v issledovaniyakh Novosibirskoy ekonomiko-sotsiologicheskoy shkoly [Man on the Territory: Spatial Analysis in the Research of the Novosibirsk Economic-Sociological School]. *Region: Economics and Sociology = Region: ekonomika i sociologiya*, no 1, pp. 258–288 (in Russian).
- Karavaeva E. Yu., Cherkashina T. Yu. (2015) Zhilishhnye otnosheniya, politika i usloviya [Housing Relations, Policies and Conditions]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes = Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, no 6, pp. 118–135 (in Russian).
- Korel' L. V., Tapilina V. S., Trofimov V. A. (1988) *Migratsiya i zhilishche* [Migration and Housing], Novosibirsk: Nauka (in Russian).
- Kotelnikova Z. V. (2004) Novosibirskaya ekonomiko-sotsiologicheskaya shkola [Novosibirsk Economic-Sociological School]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya Sotsiologiya*, vol. 5, no 1, pp. 94–107. Available at: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208204952/ecsoc_t5_n1.pdf#page=94 (accessed 12 September 2025) (in Russian).
- Kryshtanovskiy A. O. (2005) “Klastery na phaktorakh” — ob odnom rasprostranennom zabluzhdenii [“Clusters on Factors” — About One Common Misconception]. *Sociology: methodology, methods, mathematical modeling (Sociology: 4M) = Sotsiologiya: metodologiya, metody, matematicheskoye modelirovaniye (Sotsiologiya: 4M)*, no 21, pp. 172–187 (in Russian).
- Lisov V. A. (1992) *Bogatye i bednye v sibirskoy derevne* [Rich and Poor in a Siberian Countryside], Novosibirsk: Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).
- Lisov V. A., Shaposhnikov A. N. (1988) Metodika i rezultaty postroeniya tipologii semey po urovnyu materialnogo blagosostoyaniya [Methodology and Results of Building a Typology of Families According to the

Level of Material Well-Being]. Region: Economics and Sociology = *Izvestiya SO AN SSSR. Seriya "Ekonomika i prikladnaya sotsiologiya"*, vol. 8, no 2, pp. 56–66 (in Russian).

OECD (2013) *OECD Guidelines for Micro Statistics on Household Wealth*, Paris: OECD Publishing. Available at: <http://dx.doi.org/10.1787/9789264194878-en> (accessed 17 August 2025).

Polukhina E. V. (2017) Zhilishchnaya mobilnost: napravleniya sotsiologicheskogo analiza [Housing Mobility: Approaches for Sociological Analysis]. *The Journal of Social Policy Studies = Zhurnal issledovaniy social'noj politiki*, vol. 15, no 4, pp. 589–602 (in Russian).

Radaev V. V. (2005) *Economic Sociology: Handbook for Universities*, Moscow: HSE Publishing House (in Russian).

Ryvkina R. V. (Ed.) (1989) *Kontury sotsiologicheskogo obrazovaniya v vuze. Proekt. Metodicheskaya razrabotka* [Outlines of Sociological Education in Higher Education Institutions. Project. Methodological Development], Novosibirsk: Novosibirsk State University named after Lenin Komsomol, Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences (in Russian).

Shabanova M. A. (1986) Sezonnye stroiteli v sibirskom sele [Seasonal Builders in a Siberian village]. *Region: Economics and Sociology = Izvestiya SO AN SSSR. Seriya "Ekonomika i prikladnaya sotsiologiya"*, vol. 7, no 2, pp. 48–57 (in Russian).

Shabanova M. A. (1991) *Sezonnaya i postoyannaya migratsiya naseleniya v selskom rayone: Kompleksnoe sotsiologostatisticheskoe issledovanie* [Seasonal and Permanent Migration of the Population in a Rural Area: A Comprehensive Sociological and Statistical Study], Novosibirsk: Nauka (in Russian).

Shomina E. S. (2010) *Kvartirosemshchiki — nashe "zhilishchnoe men'shinstvo": rossiyskiy i zarubezhnyy opyt razvitiya arednogo zhil'ya* [Tenants — Our "Housing Minority": Russian and Foreign Experience of Rental Housing Development], Moscow: HSE Publishing House (in Russian).

Starikova M. M. (2015) Housing Issue in Intergenerational Contract. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes = Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, no 6, pp. 105–117 (in Russian).

Starikova M. M. (2018) Zhilishchnoe neravenstvo v gorodakh kak forma sotsialnogo rassloeniya: kriterii vydeleniya zhilishchnykh klassov i strat [Housing Inequality in Cities as a Form of Social Stratification: Criteria for Identifying Housing Classes and Strata]. *Urban Studies = Urbanistika*, no 3, pp. 71–98 (in Russian).

Strelnikova A. V. (2015) Prostranstvennye proektsii sotsialnoy mobilnosti: perezdy kak dominantnye so-bytiya biographicheskogo povestvovaniya [Social Mobility and Its Spatial Projections: Moving as Significant Event in the Biographical Narration]. *Interaction. Interview. Interpretation = Interakciya. Interv'yuu. Interpretatsiya*, vol. 7, no 10, pp. 39–46 (in Russian).

Tapilina V. (1998) The Rich in Postsocialist Russia. *Sociological Research*, vol. 37, no 1, pp. 32–47.

Tapilina V. S., Bogomolova T. Yu. (1998) Kto na chto tratit... Phinansovoe povedenie rossiyskikh domokho-zyaystv [Who Spends What... Financial Behavior of Russian Households]. *ECO = EKO*, no 10, pp. 119–128 (in Russian).

Zaslavskaya T. I., Kalugina Z. I. (eds) (1999) *Sotsial'naya trayektoriya rephormiruyemoy Rossii: Issledovaniya Novosibirskoy ekonomiko-sotsiologicheskoy shkoly* [The Social Trajectory of Reforming Russia: Research of the Novosibirsk Economic-Sociological School], Novosibirsk: Nauka (Siberian Branch) (in Russian).

Zaslavskaya T. I., Kalugina Z. I. (eds) (2003) *Rossiya, kotoruyu my obretayem: Issledovaniya Novosibirskoy ekonomiko-sotsiologicheskoy shkoly* [The Russia We Are Finding: Research of the Novosibirsk Economic-Sociological School], Novosibirsk: Nauka (Siberian Branch) (in Russian).

Zaslavskaya T. I., Kalugina Z. I., Bessonova O. E. (eds) (2008) *Rossiya i rossiyane v novom stoletii: vyzovy vremeni i gorizonty razvitiya: Issledovaniya Novosibirskoy ekonomiko-sotsiologicheskoy shkoly* [Russia and Russians in the New Century: Challenges of the Time and Horizons of Development: Research of the Novosibirsk Economic-Sociological School], Novosibirsk: Publishing House of the SB RAS (in Russian).

Zaslavskaya T. I., Mirkin V. D., Ershova K. F. (eds) (1996) *Metodika vyborochnogo obsledovaniya migratsii selskogo naseleniya* [Methodology of a Sample Survey of Rural Population Migration], Novosibirsk: Nauka (in Russian).

Zaslavskaya T. I., Ryvkina R. V. (1991) *Sotsiologiya ekonomicheskoy zhizni: Ocherki teorii* [Sociology of Economic Life: Essays on Theory], Novosibirsk: Nauka (Siberian Branch) (in Russian).

Received: July 23, 2025

Citation: Intervyu s Tatyany Cherkashinoy “Nash interes k teme ekonomicheskogo neravenstva byl predopredelyon” [Interview with Tatyana Cherkashina. Our Research Interest in Economic Inequality Was Predetermined] (2025). *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 26, no 4, pp. 14–31 doi: [10.17323/1726-3247-2025-4-14-31](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2025-4-14-31) (in Russian).

НОВЫЕ ТЕКСТЫ

Т. Ю. Черкашина, Т. Ю. Богомолова

Трансферты экономических ресурсов внутри семьи как источник формирования нефинансового богатства населения в России¹



ЧЕРКАШИНА Татьяна Юрьевна — кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН; заведующая кафедрой общей социологии экономического факультета, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет. Адрес: 630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Пирогова, д. 1.

Email: touch@nsu.ru

За постсоветский период российские домохозяйства в массовом порядке стали собственниками финансовых и нефинансовых активов, то есть накопили (хотя и неравномерно) богатство, которое можно передать по наследству или в дар последующим поколениям. Исследование сфокусировано на внутрисемейных межпоколенных трансфертах накопленных экономических ресурсов — нового для отечественного обществоведения объекта изучения. Задачи исследования: (1) оценить масштаб и динамику вовлечённости российских домохозяйств во внутрисемейные трансферты экономических ресурсов; (2) структурировать и описать способы участия расширенной семьи в формировании портфеля собственности индивидов и (или) домохозяйств. Для решения первой задачи используются данные Всероссийского обследования домохозяйств по потребительским финансам (ВОДПФ) за 2013–2024 гг.; для решения второй — материалы полуструктурированных интервью с горожанами, преимущественно из Новосибирской агломерации, проведённые в 2023–2024 гг. Теоретико-методологический фундамент исследования составили публикации зарубежных учёных о вовлечённости домохозяйств в межпоколенные трансферты богатства, процессе рефамилизации, отражающей возрастающую роль расширенной семьи в формировании экономической обеспеченности младших поколений в современных условиях.

Анализ данных ВОДПФ выявил, что за последнее десятилетие при позитивной динамике вовлечённости российских домохозяйств в межпоколенные трансферты экономических ресурсов эти последние, как и в других странах, не являются широко распространённым источником формирования портфеля собственности домохозяйств: в каждый год на момент обследования не более четверти домохозяйств (26,7% в 2024 г.) обладали хотя бы одним объектом жилой недвижимости или земельным участком, полученным по наследству или в дар. Передача нефинансовых активов по наследству — более частый вид трансферта, чем дар, а основной передаваемый актив — жильё. Помимо прямой передачи собственности, среди практик содействия формированию имущества домохозяйств у расширенной семьи — предоставление жилых помещений родственникам для проживания без взимания арендной платы для осуществления аккумуляции сэкономленных средств и приобретения нефинансовых активов (примерно 8% домохозяйств занимают без арендной платы

¹ Исследование выполнено в рамках проекта «Нефинансовое богатство россиян: «биография» собственности и собственников» (грант РНФ № 23-28-01171). Авторы признательны коллегам по проекту, которые участвовали в сборе и обработке первичных данных для этого исследования, — Кристине Мошковой и Анне Ненашевой.



БОГОМОЛОВА Татьяна Юрьевна — кандидат

социологических наук, декан экономического факультета, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет. Адрес: 630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Пирогова, д. 1.

Email: bogtan@rambler.ru

жильё, принадлежащее не им, а родственникам или знакомым), задействование финансовых средств родственников, полученных в дар или по наследству для приобретения (или строительства) жилья и других активов.

На материалах интервью была прослежена цепочка взаимосвязанных явлений: событие, выступающее триггером экономического трансферта, — способ осуществления трансферта — результат (не-)акцептации трансферта. Также представлены эмпирические иллюстрации репрезентации каждого из элементов, предложено контурное описание механизма влияния внутрисемейных межпоколенных трансфертов экономических ресурсов на формирование нефинансового богатства домохозяйства.

Ключевые слова: нефинансовое богатство; трансферты богатства; собственность; семья; межпоколенные трансферты; наследство.

Введение

В настоящее время в мировой повестке изучения растущего экономического неравенства ещё более актуализировался и так никогда не терявший своей важности вопрос о роли межпоколенных внутрисемейных трансфертов как источника формирования богатства домохозяйств и фактора, работающего на воспроизводство неравенства и увеличение концентрации богатства в обществе. В экономически развитых странах в пору, предполагающую наибольшую вероятность передачи наследства, входит поколение рождённых после Второй мировой войны бэби-бумеров² — наиболее многочисленное и состоятельное в силу относительно благоприятной экономической конъюнктуры в течение их жизни.

В январе 2022 г. консалтинговый центр Cerulli Associates опубликовал пресс-релиз отчёта об исследовании «Рынки США с высоким и сверхвысоким уровнем чистого богатства в 2021 г.» («U. S. High-Net-Worth and Ultra-High-Net-Worth Markets 2021»), в котором представил прогноз, что «к 2045 г. объём передаваемых средств составит 84,4 трлн дол.: 72,6 трлн будут переданы наследникам в виде активов, а 11,9 трлн дол. будут пожертвованы благотворительным организациям. Богатства на сумму более 53 трлн дол., или 63% от всех трансфертов, будут переданы из домохозяйств поколения бэби-бумеров. Домохозяйства поколения миллениалов и старше [предшествующего миллениалам поколения X. — Т. Ч., Т. Б.] передадут 15,8 трлн дол., и это в основном произойдёт в течение следующего десятилетия»³. Консалтинговый центр Cerulli Associates призывал финансовых консультантов к тому, чтобы они не упустили возможность оказаться под «золотым дождём» и в соответствии с прогнозом оперативно перестроили свои бизнес-модели для учёта запросов клиентов, которые получают наследство и будут заинтересованы в оптимизации

² В США принято обозначать индивидов, родившихся в 1946–1964 гг., как поколение бэби-бумеров; родившихся в 1965–1979 гг. как поколение X; тех, кто родился в 1980–1994 гг., называют миллениалами, а родившихся в 1995–2012 гг., поколением Z; когорта родившихся после 2012 г. ещё не получила своего поколенческого наименования [Twenge 2023].

³ См.: Cerulli Anticipates \$ 84 Trillion in Wealth Transfers Through 2045. 2022, January 20. Электронный ресурс [код доступа]: <https://www.cerulli.com/press-releases/cerulli-anticipates-84-trillion-in-wealth-transfers-through-2045> (дата обращения: 23 августа 2025 г.).

своих налогов. Журналисты же сделали другие акценты, назвав описанное явление в чисто американском стиле Великим перераспределением богатства («The Greatest Wealth Transfer»): «В Америке происходит передача богатства от одного поколения к другому, и она превзойдёт всё, что было раньше <...> Большинство из 73 млн бэби-бумеров оставит после себя тысячи долларов, дом или вообще ничего. Другие оставят своим наследникам сотни тысяч, миллионы или миллиарды долларов в виде различных активов <...> И это уже влияет на экономику в целом, облегчая социальную мобильность для одних и создавая препятствия для других по мере роста стоимости жизни, жилья и воспитания детей» [Smith 2023].

В России обращение к проблематике межпоколенческих передач экономических ресурсов тоже актуально. У нас в пору, предполагающую наибольшую вероятность передачи наследства, входит поколение, родившееся после Второй мировой войны, чьё взросление пришлось на социальный и экономический застой советского общества, а в зрелом возрасте оно оказалось участником и свидетелем слома старой социальной системы, распада СССР и формирования рыночной российской экономики через приватизацию государственной собственности. Это поколение родившихся в 1947–1967 гг. и взрослых в 1967–1984 гг., В. В. Радаев в классификации российских поколений назвал поколением застоя, а последующее за ним поколение родившихся в 1968–1981 гг. и взрослых в 1985–1999 гг. — реформенным поколением [Радаев 2020], которое сейчас как раз находится в ситуации возможного получения наследства. Эти образные обозначения как нельзя лучше отражают отечественный исторический контекст и подтекст темы межпоколенных передач экономических ресурсов. В нашем случае речь идёт не столько о величине возможного общего размера экономического межпоколенного трансферта, сколько от том, что и у российских домохозяйств есть запас экономических ресурсов, который можно передать, то есть богатство как совокупность финансовых (вклады, ценные бумаги) и нефинансовых (движимое и недвижимое имущество) активов в собственности членов домохозяйства. Стартовавшая в России в 1990-е гг. приватизация жилья, земли, производственных активов, развитие в 2000-х потребительского кредитования, реализация государственных программ по увеличению жилищного строительства и производства автомобилей способствовали становлению статуса российских домохозяйств как собственника.

Исследования показали, что с 2010-х гг. более 90% российских домохозяйств владеют одним и более объектом собственности. В настоящее время самый распространённый объект в собственности — это занимаемое жильё (около 90% домохозяйств живут в домах или квартирах, принадлежащих членам домохозяйства); больше половины домохозяйств владеют автотранспортом; свыше 30% являются собственниками земли; доля имеющих дополнительное жильё превысила 10%. За новейшую историю в России существенно уменьшилась доля домохозяйств, не обладающих нефинансовыми активами. Но рост общего благосостояния сопровождался ростом экономического неравенства. Материалы репрезентативных национальных обследований обнаружили тенденцию к имущественной поляризации: росла относительная численность домохозяйств с одним активом в собственности и домохозяйств, имеющих более трёх активов [Богомолова, Черкашина 2018]. Профиль стратификации был явно смещён в сторону низкой обеспеченности нефинансовыми активами: самыми наполненными являются слои домохозяйств, у которых в собственности не более двух активов, что вместе с домохозяйствами без имущественных активов составляет 70% совокупности. Полнос относительного нефинансового богатства представляют четыре верхних слоя (остальные 30% совокупности), домохозяйства из которых по-разному сочетают в своих имущественных портфелях три и более актива [Богомолова, Черкашина 2020]. Очевидно, что представители разных имущественных групп могут передать последующим поколениям своих семей разный объём экономических ресурсов. Но каковы намерения и ожидания реальных и потенциальных участников семейных экономических трансфертов?

О них можно судить по данным нескольких опросов на тему внутрисемейных трансфертов. Так, в январе 2023 г. были опубликованы результаты опроса, проведённого совместно ювелирным брендом SOKOLOV и сервисом объявлений «Юла». Участвовавшие в нём россияне рассказали, что чаще всего

в наследство им доставались недвижимость (60% опрошенных), деньги (28%) и ювелирные украшения (14%); 10% респондентов ответили, что они получили автомобиль, 7% — предметы гардероба, 2% — бизнес. Более половины опрошенных (60%) наследовали имущество от родителей, ещё треть — от бабушек и дедушек, 12% — от близких родственников. Многие (37%) сообщили, что наследство изменило их жизнь. Что касается ожиданий, то 70% граждан в возрасте 18–24 лет хотели бы, чтобы от родственников им досталась квартира. Среди участников опроса 70% планируют оставить наследство своим детям, и только 4% опрошенных считают, что молодое поколение должно добиться всего самостоятельно⁴. По результатам опроса, проведённого «Группой Ренессанс Страхование» в начале 2025 г., почти четверть опрошенных (22%) планируют передать детям или близким родственникам квартиру и ещё 15% — загородный дом или дачу⁵. Иными словами, россияне в качестве наследства в основном получают и ожидают получить тот актив, который является наиболее распространённым и значимым в портфеле активов российских домохозяйств, то есть жилую недвижимость.

Но если говорить не о наследстве, а о «прижизненной» передаче собственности, какую роль в этом играют россияне расширенной семье? По данным опроса, опубликованным в феврале 2024 г. ВЦИОМ⁶, две трети россиян придерживаются мнения, что родители обязаны обеспечить детей собственным отдельным жильём или хотя бы помочь им с этим. Доля так считающих примерно совпадает в разных возрастных группах, лишь среди респондентов старше 60 лет она снижается до 59% за счёт увеличения тех, кто затрудняется с ответом.

Ещё в одном опросе ВЦИОМ, проведённом в 2022 г.⁷, выборка которого состояла из двух групп жителей городов-«миллионников» (молодёжь 18–34 лет и родители детей 7–24 лет), спрашивали о «денежном измерении» родительской ответственности в обеспечении детей жильём. Большинство респондентов из этих групп (56 и 51% соответственно) считают, что родители должны оплатить половину или больше от стоимости первого собственного жилья детей; вариант, что родители не должны оплачивать какую-либо часть стоимости жилья детей, выбрали в этих группах только 5 и 6% соответственно. Потенциальные доноры и реципиенты межпоколенных трансфертов впечатляюще единодушны.

Важный штрих: 56% россиян считают допустимым, что родители помогают самостоятельно живущим детям в аренде или приобретении своего жилья; 19% — в приобретении первого автомобиля. Из опрошенных получали такую помощь 14 и 31% соответственно⁸.

Согласно результатам представленных опросов, россияне принимают за норму участие расширенной семьи⁹ в обеспечении выросших детей собственностью, и прежде всего — жильём. Они выражают го-

⁴ Россияне рассказали, что им чаще доставалось по наследству. 2023. 28 января. *RT на русском*. Электронный ресурс [код доступа]: <https://russian.rt.com/russia/news/1102748-rossiyane-nasledstvo-opyt> (дата обращения: 23 августа 2025). Опрос проводился совместно с командой исследований VK, в нем приняли участие 1200 респондентов.

⁵ «Ренессанс Страхование»: 40% россиян отказались делить наследство поровну. 2025. *Агентство страховых новостей*. 14 февраля. Электронный ресурс [код доступа]: <https://www.asn-news.ru/news/88770> (дата обращения: 23 августа 2025). Опрошено свыше 1,4 тыс. жителей крупных городов России в возрасте старше 18 лет.

⁶ Квартира для детей — задача родителей? 2024. *ВЦИОМ Новости*. 22 февраля. Электронный ресурс [код доступа]: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/kvartira-dlja-detei-zadacha-roditelei> (дата обращения: 23 августа 2025).

⁷ Квартирный вопрос: каков будет ответ? 2022. *ВЦИОМ Новости*. 8 декабря. Электронный ресурс [код доступа]: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/kvartirnyi-vopros-kakov-budet-otvet> (дата обращения: 23 августа 2025).

⁸ Отцы и дети: финансовый вопрос. 2023. *ВЦИОМ Новости*. 29 марта. Электронный ресурс [код доступа]: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/otcy-i-deti-finansovyi-vopros> (дата обращения: 23 августа 2025).

⁹ Расширенная семья традиционно определяется как социальная единица, включающая родителей и детей, а также других родственников — бабушек и дедушек, дядей и тётей, возможно, но не обязательно, живущих под одной крышей. В контексте задач нашего исследования мы под расширенной семьёй понимаем сложносоставную многопоколенную семью с ядром из родительской семьи и производной(-ых) семьи (семей), образованных браками взрослого потомства

товность как передать, так и принять собственность в наследство или в дар внутри семьи. В контексте общественного мнения, лояльного к межпоколенному трансферту экономических ресурсов, в исследовании мы решили прояснить два момента:

- оценить масштаб и динамику вовлеченности российских домохозяйств во внутрисемейную передачу экономических ресурсов на данных Всероссийского обследования домохозяйств по потребительским финансам (ВОДФ);
- выявить, структурировать и описать способы участия расширенной семьи в формировании портфеля собственности своих членов, включая межпоколенные взаимодействия при получении и передаче в дар или по наследству экономических ресурсов, обратившись к опыту россиян, отражённому в полуструктурированных интервью.

Семейные трансферты экономических ресурсов в зависимости от характера родственных отношений между теми, кто передаёт ресурсы, и теми, кто их получает, разделяют на внутрипоколенные (ресурсы, в том числе объекты собственности, передаются между мужем и женой, братьями и сёстрами) и межпоколенные (ресурсы передаются между родителями и детьми; бабушками, дедушками и внуками и правнуками; дядями, тётями и племянниками — как в ту, так и в другую сторону). В контексте иерархии родственных связей межпоколенные трансферты от старших поколений к младшим определяют как нисходящие, а в обратном направлении, от младших поколений к старшим, как восходящие. Получатели передаваемых средств обозначаются как реципиенты трансфертов (иногда — акцепторы), а те, кто передаёт трансферты, как доноры трансфертов. В зависимости от состояния донора на момент передачи трансферты разделяют на прижизненные (*inter vivos*) в виде дара и посмертные (*post mortem*) в виде наследства. Прижизненные экономические трансферты осуществляются либо в виде прямой передачи активов в собственность или в распоряжение от дарителя к дарополучателю, либо в виде участия донора в расходах реципиента по приобретению актива в собственность. «Наследство — это имущество и имущественные права, в том числе долги, а также движимые и недвижимые объекты, которые принадлежали умершему человеку при жизни и которые после смерти их владельца делятся тем или иным образом между его наследниками»¹⁰.

Наше исследование сфокусировано на изучении межпоколенных трансфертов экономических ресурсов, в виде как дара, так и наследства в рамках расширенной семьи — дети, родители, бабушки и дедушки, другие родственники. Нас интересуют масштабы и способы участия расширенной семьи в формировании портфеля объектов собственности у домохозяйства, то есть в формировании его нефинансового богатства. Принимая во внимание, что нефинансовое богатство домохозяйств в основном определяется жилой недвижимостью, мы будем делать акцент на рассмотрение этого вида активов.

Обзор литературы

Масштаб распространённости межпоколенных экономических трансфертов и оценка их вклада в формирование богатства индивида и (или) домохозяйства в зарубежных странах

Начиная с 2010-х гг. редко в какой публикации, касающейся экономического неравенства в зарубежных странах, не упоминаются внутрисемейные межпоколенные трансферты как один из значимых источников формирования богатства домохозяйств и факторов роста неравенства по этому богатству, не

родительской семьи, а также с периферией из бабушек, дедушек, тётей, дядей, родных и двоюродных братьев, сестёр и др., которые могут не жить под одной крышей, но готовы проявлять в отношении друг друга родственную солидарность в виде социальной и экономической помощи.

¹⁰ Определение наследства Федеральной нотариальной палатой. См.: Электронный ресурс [код доступа]: <https://notariat.ru/sovety/statiy/nasledstvo/statya/nasledstvo> (дата обращения: 23 августа 2025 г.).

манифестируется задача оценки, в какой мере растущее неравенство по богатству определяется передачей накопленных экономических ресурсов от одного поколения к другому.

Одна из причин интереса к этой теме в том, что в индустриально развитых странах накопленное частное богатство по величине приближается к масштабам национального дохода [Leitner 2016: 14]. По Дж. Кейнсу, это означает, что в этих странах у домохозяйств как единого экономического актора были сильны мотивы к сбережению, и, похоже, они превалировали над мотивами потребления. Среди мотивов сбережения мотив «оставить состояние наследникам» Дж. Кейнс маркирует как Гордость [Кейнс 2021: 129–130], то есть делом чести является создать запас экономических активов, которого хватило бы и на самостоятельное обеспечение потребления даже тогда, когда иссякнет денежный поток вследствие выхода на пенсию и (или) потери трудоспособности, и для передачи следующим поколениям, чтобы поддержать их становление как собственников, оставить материальный след в их памяти и биографии, в том числе биографии как собственников. Между тем получение наследства — явление не гарантированное, а лишь вероятное, поэтому каждый индивид и (или) домохозяйство, так или иначе создавая резерв на непредвиденные и предвиденные ситуации и следуя этому мотиву, самостоятельно осуществляет накопление, формирует то, что Рой Харрод в 1948 г. называл, по свидетельству Франко Модильяни, горбом сбережений (*hump saving*). Как пишет Франко Модильяни, именно Р. Харрод сделал первую попытку определить важность вклада в богатство реципиента наследства или прижизненных даров от донора [Modigliani 1988: 16]. С того момента и по сей день такие попытки делались исследователями многократно. Оценки разнятся, но попытки не прекращаются.

С 2000-х гг. в ряде европейских стран, включая Россию, стали проводиться массовые обследования благосостояния населения по дизайну, сопоставимому с Обследованием потребительских финансов (Survey of Consumer Finances, SCF) в США¹¹. Сопоставимость дизайна такого рода обследований расширила возможности для межстрановых сравнений в исследованиях благосостояния населения, в том числе межпоколенческих трансфертов экономических ресурсов. Так, два исследования, проведенных практически одним и тем же международным коллективом учёных, показывают масштаб вовлечения населения в межпоколенные трансферты богатства (см. табл. 1) и другие характеристики вовлечённости в процессы межпоколенных передач богатства (см. табл. 2) в США и странах Европы. Были задействованы материалы специальных обследований 2010–2013 гг.: Обследование финансов и потребления домохозяйств (Household Finance and Consumption Survey, HFCS), проведенное в странах континентальной Европы; Обследование потребительских финансов (Survey of Consumer Finances, SCF), проведенное в США; Обследование богатства и активов (Wealth and Assets Survey, WAS), предпринятое в Великобритании. Показателем вовлечённости в межпоколенные передачи богатства был факт получения наследства и (или) дара в любой из моментов жизни респондента и членов домохозяйства респондентов, предшествующий опросу. Величина богатства определялась как разница между денежной оценкой всех, финансовых и нефинансовых, экономических активов, имеющих в собственности, и непогашенных обязательств. При такой оценке богатства через чистую стоимость некоторые домохозяйства могут иметь отрицательную величину богатства, а значит, от такого наследодателя потенциальные наследники в наследство могут получить долги.

Таблица 1

Доля домохозяйств, получивших межпоколенческие трансферты богатства (%)

Вид трансферта	Страны					
	Великобритания	Франция	Германия	Италия	Испания	США
Наследство	29,6	22,2	22,7	25,7	26,9	17,1
Подарки	8,6	17,4	12,6	7,1	3,3	2,4
Наследство и подарки	34,7	36,1	32,5	31,6	28,8	19,1

Источник: [Nolan at al. 2022: 187].

¹¹ См. об Обследовании потребительских финансов на сайте Федеральной резервной системы США. Электронный ресурс [код доступа]: <https://www.federalreserve.gov/econres/aboutscf.htm> (дата обращения: 23 августа 2025).

Во всех шести включённых в анализ странах как минимум пятая часть домохозяйств была вовлечена в трансферты богатства в качестве реципиентов, а наследование как форма трансферта распространено больше, чем дар (см. табл. 2). Если суммировать значения в двух первых строках таблицы 2 и соотнести сумму со значением, представленным в третьей строке, то можно увидеть, что не больше 4% домохозяйств в каждой стране получили одновременно и дар, и наследство. Что касается межстрановых различий, то в европейских странах вовлечённость домохозяйств в экономические трансферты заметно выше (32–43%), чем в США (20%). Соотнесение масштабов распространённости форматов экономических трансфертов делит страны на три группы: Испания и США составляют группу, где наследство в 7 и более раз распространено больше, чем дар; в Британии и Италии домохозяйства в 3,5 раза чаще получают экономические ресурсы в наследство, чем в дар; во Франции и Германии этот разрыв меньше двух раз, причём во Франции наблюдается самый большой (как абсолютный, так и относительный) масштаб дарений: в этой стране дар и наследование по масштабу максимально близки.

Получение межпоколенных экономических трансфертов как факт отмечено у домохозяйств всех доходных групп (см. табл. 2, верхняя часть: Доля в доходной группе тех, кто получил подарок или наследство...), но чем выше домохозяйства находятся на доходной лестнице, тем больше среди них тех, кто получал активы в дар или в наследство. Эта закономерность выражена во всех семи странах, хотя в США и Испании слабее, чем в остальных. Причём из семи стран Испания ближе всех к другой модели: факт получения экономического трансферта не зависит от того, к какой доходной группе относится домохозяйство — реципиент трансферта. Если же измерять трансферты не по факту получения, а по доле переданного богатства, доставшегося той или иной доходной группе, то различий по странам нет: на долю 50% высоко доходных домохозяйств приходится 60–75% от всего объёма переданного богатства. Во Франции, Британии и Италии 20% наиболее высокодоходных домохозяйств получают более 40% трансферта богатства своих стран (см. табл. 2, нижняя часть: Доля группы в совокупной величине полученных трансфертов...).

Таблица 2

Получение трансферта богатства домохозяйствами из разных доходных групп

Группы по доходам	Страны						
	Великобритания	Франция	Германия	Ирландия	Италия	Испания	США
Доля в доходной группе тех, кто получил подарок или наследство (%)							
Нижние 20%	20,7	23,3	21,6	21,9	26,2	26,5	23,4
21–50%	27,8	29,5	23,3	20,0	29,5	28,3	14,3
51–80%	39,7	39,3	40,8	24,1	31,9	28,6	18,9
Верхние 20%	51,4	53,7	45,2	33,5	40,3	31,9	24,2
Все домохозяйства	34,7	36,1	32,5	24,3	31,6	28,8	19,1
Доля группы в совокупной величине полученных трансфертов (%)							
Нижние 20%	7,3	12,3	6,5	17,9	8,2	9,4	8,3
21–50%	18,3	15,7	15,4	20,2	19,7	18,8	25,2
51–80%	30,8	23,9	41,7	28,7	29,4	38,9	21,5
Верхние 20%	43,6	48,1	36,4	33,2	41,2	33,0	37,3
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Источник: [Morelli at al. 2021: 537].

Представленные выше результаты исследования масштабов вовлечённости населения в межпоколенные экономические трансферты дополняют и иллюстрируют результаты, отражающие особенности практики осуществления таких трансфертов за рубежом:

- основная часть межпоколенных трансфертов поступает в семьи, у которых уже есть значительные ресурсы в форме как потока (доход), так и запаса (богатство). Именно состоятельные во всех измерениях (и по потоку, и по запасу) получают чаще и больше трансфертов [Feiveson, Sabelhaus 2018; Australian Government's Productivity Commission 2021; Central Statistics Office of Ireland 2022; Nolan at al. 2022];
- межпоколенные трансферты тесно связаны с жизненными событиями, которые, как правило, происходят в определённом возрасте (например, в период, когда статистически ожидаема смерть родителей). Во всех группах с разным уровнем дохода, образования и прочими различиями пик получения наследства приходится примерно на 60-летний возраст, что соответствует наблюдаемому разрыву в возрасте между поколениями (около 20 лет) и продолжительности жизни (около 80 лет) [Feiveson, Sabelhaus 2018; Central Statistics Office of Ireland 2022];
- этап жизненного цикла реципиента, когда он получает прижизненные (при жизни донора) *трансферты*, сильно отличается от этапа жизненного цикла при получении наследства. Вероятность получения экономических ресурсов в дар максимальна для людей в возрасте около 25 лет, когда многим молодым домохозяйствам оказывают помощь родители, после чего она снижается [Feiveson, Sabelhaus 2018; Australian Government's Productivity Commission 2021];
- помимо возрастных отличий, имеет значение экономический статус: вероятность получения наследства для тех, кто входит в 10% самых обеспеченных людей в стране, как минимум в 2 раза выше, чем для тех, кто входит в нижнюю половину распределения по доходу. В денежном выражении величина наследства и подарков в разы больше для тех, кто входит в верхнюю часть распределения по доходу, чем для тех, кто входит в нижнюю часть распределения. Аналогичная разница наблюдается в группах с разным уровнем образования и богатства [Australian Government's Productivity Commission 2021; Central Statistics Office of Ireland 2022; Nolan at al. 2022];
- инвестиции в образование и участие в прибыльном семейном бизнесе — два примера косвенных способов, с помощью которых богатые семьи готовят своих детей к будущему финансовому успеху [Feiveson, Sabelhaus 2018];
- домовладельцы получают наследство от родственников с большей вероятностью, чем те, кто арендует жильё [Central Statistics Office of Ireland 2022; Boileau, Sturrock 2023];
- реципиенты наследства и подарков эти экономические активы с наибольшей вероятностью получили от родителей. Причём среди всех видов внутрисемейных межпоколенных передач наследство и подарки от родителей были самыми значимыми по стоимости. Хотя среди межпоколенных экономических прижизненных трансфертов встречаются займы, в основном такие трансферты — это подарки [Australian Government's Productivity Commission 2021; Central Statistics Office of Ireland 2022; Boileau, Sturrock 2023].

В целом зарубежные исследования показывают, что получение наследства или прижизненных подарков в виде экономических активов — не массовый факт, и в любой совокупности опрошенных, репрезентирующей население любой из стран, о том, что на момент опроса он был в их жизни, сообщают 20–35% респондентов. Причём чётко прослеживается эффект Матфея (при упрощённой трактовке евангельской притчи — деньги к деньгам): по сравнению с менее состоятельными среди состоятельных индивидов доля тех, кто получал экономические трансферты, выше, а величина этих трансфертов в денежном выражении — больше.

Современная рефамилизация: парадокс усиления зависимости экономического благополучия индивида от семьи

Как и всегда, а в текущий период времени, изобилующий шоками, особенно, вопрос накопления запаса в виде экономических активов (богатство) — это вопрос выживания. Современные государства заинтересованы в том, чтобы домохозяйства накапливали собственность, не только из-за того, что таким образом создаётся база для имущественного налогообложения, но и потому, что приобретение собственности является одним из условий роста экономики [Adkins, Cooper, Konings 2022], а на накопленные домохозяйствами богатство возлагается функция минимизации рисков, связанных с нестабильностью занятости или уходом кого-либо из членов домохозяйства с рынка труда [Doling, Ronald 2010; Ronald, Lennartz, Kadi 2017; Вайс 2021]. Накопленные активы дают членам домохозяйств преимущества в противостоянии разнообразным шокам и шанс получить экономический трансферт в случае выделения в отдельное домохозяйство. Фиксируемое исследователями усиление зависимости экономического благополучия индивидов от семьи в мире, который во главу угла ставил и ставит личные достижения, вполне объяснимый текущей повесткой парадокс: значение роли семьи растёт в условиях вызовов, с которыми государство и сообщество справляются с большими трудностями или не считают это своей (или только своей) задачей.

В бывших социалистических странах наделение в 1990-е гг. домохозяйств собственностью через массовую приватизацию жилья, земли, некоторых производственных и инфраструктурных активов оказалось в русле процессов, охватывающих капиталистические страны, но «раздаточная» приватизация является определяющей чертой постсоциалистических жилищных систем, означая повсеместное отступление государства» [Stephens, Lux, Sunega 2015: 1230]. Бывшие социалистические страны стали ядром фамилистского (*familial*) кластера жилищных систем, в которых высокий уровень владения жильём сочетается с низким уровнем ипотечных долгов, а жильё является благом, обеспечиваемым семьёй, но не социальным правом [Schwartz, Seabrooke 2008]. Акцент на жилищных системах в контексте собственности не случаен, так как жильё — самый распространённый и крупнейший объект нефинансового богатства в портфеле собственности частных домохозяйств, а займы на покупку жилья — крупнейшие в портфеле частных финансовых обязательств. Значимость жилья для экономики проявляется в масштабах жилищного строительства, размерах рынка жилья и финансовой инфраструктуры жилищного кредитования и аккумулируется в обозначении современной экономической системы как «жилищный капитализм», которым оперируют Г. Шварц и Л. Сибрук. Именно в исследованиях жилищного неравенства, в том числе в поколенческом разрезе, зафиксирован феномен рефамилизации (*re-familiarization*).

Вторая половина XX века в европейских и североамериканских странах стала временем увеличения новых средних классов, владеющих собственностью, появления поколения собственников (*generation own*), но время показало хрупкость богатства среднего класса. В темпоральной проекции новой, имущественной стратификации выделяют (а) «накапливающие семьи», которые сохраняют или продолжают накапливать ценные активы из нескольких видов собственности на протяжении поколений, (б) «семьи, теряющие (рассеивающие) имущество», которые вынуждены использовать и уменьшать свои имущественные активы, накопленные в более благоприятное время, и (с) неимущие «семьи — вечные арендаторы» [Forrest, Hirayama 2018]. Современное молодое поколение с большей вероятностью оказывается среди этих последних. Так, к примеру, среди 20–39-летних в США и Австралии за десятилетие с середины 2000-х гг. доля не имеющих собственного жилья увеличилась примерно на 10 п. п., в Великобритании — на 20 п. п. [Ronald, Lennartz, Kadi 2017; Arundel, Ronald 2021]. В Италии, где «семья выступает в качестве механизма распределения жилья и устранения социального неравенства, возникающего на рынке», современная молодая когорта также отличается от таких же возрастных групп в предыдущие периоды более низким уровнем владения жильём. И трансферт жилья или финансового

богатства от родителей к детям осуществляется в нижних экономических слоях общества, как правило, лишь в момент отделения выросших детей, тогда как более обеспеченные родители поддерживают своих детей финансово и в другие периоды, и в других ситуациях [Gritti, Cutuli 2021].

Справиться с повышающимся порогом входа в круг собственников помогает расширенная семья. Р. Рональд и Р. Арундел начинают свой ответ рецензентам книги «Семья, жильё и богатство в неолиберальном мире» («Families, Housing and Property Wealth in a Neoliberal World?»), вышедшей под их редакцией¹², с тезиса, что «одной из наиболее неожиданных особенностей социальных и экономических изменений в XXI веке стало возрождение семьи» [Ronald, Arundel 2023: 847]. Казалось бы, либерализация требовала следовать этике индивидуализма, предполагала, что функции семьи будут выполнять государство и рынок, но именно семьи, смягчая последствия глобального финансового кризиса 2008 г., стали более заметными «единицами экономической организации и деятельности, особенно в сфере жилья» [Ronald, Arundel 2023: 847].

Для макроуровневого анализа того, как парадигма «жильё как актив» (*housing as asset*) повлияла на жилищную политику в Европе, Д. Бол и Л. Сибрук выбрали Ирландию, Данию и Венгрию, где, как и в других странах, с начала 1990-х гг. жилищный вопрос всё в большей мере решается через финансовые (ипотечные) инструменты. Анализ институтов жилищной политики показал, что все три страны демонстрируют сдвиг не к политике «жильё как право» (*housing as a social right*), а к политике «жильё как актив», но в связке с моделью «жильё как семейная ответственность, семейная собственность» (*housing as patrimony*). «В сочетании с ослаблением государства это означает, что потенциальные домовладельцы должны всё больше полагаться на свою семью, а более бедные социальные группы всё больше отстраняются от доступа к лестнице, ведущей к имущественной обеспеченности <...> Парадокс заключается в том, что неолиберальные рыночные программы привели к усилению зависимости от семейных уз, независимо от разновидностей жилищного капитализма» [Bohle, Seabrooke 2020].

Современное, экономически обусловленное, усиление значения расширенной семьи — рефамилизация — проявляется и в более продолжительном периоде проживания взрослых детей в родительской семье, участии родителей в покупке первых объектов собственности для них, что в целом свидетельствует о растущей финансовой зависимости младшего поколения от старшего. Но это происходит на фоне увеличения доли домохозяйств из одиночек, то есть ослабления страхующей функции брака. Второй «слабеющий» агент — государство благосостояния, которое не справляется с растущим давлением рынков, в том числе рынков жилья и финансов, так что рефамилизация — вынужденная реакция на ослабление государства благосостояния [Flynn, Schwartz 2017; Кобыща, Новокрещенов, Шепетина 2022: 354–355].

Российский опыт изучения внутрисемейных межпоколенных экономических трансфертов

В силу того, что богатство как совокупность экономических активов в собственности индивидов и домохозяйств в современной России является феноменом с относительно короткой историей существования и, следовательно, как объект исследования не устоялось, в отсутствие релевантных информационных источников отечественные исследователи не ставили и не решали задачи по оценке вклада внутрисемейных межпоколенных трансфертов в формирование богатства конкретных домохозяйств и вклада экономических трансфертов в воспроизводство экономического неравенства на уровне страны, но частные экономические трансферты в виде денежных средств, предметов потребления, продукции личного подсобного хозяйства были естественной частью социальной реальности и давно находятся в

¹² См.: Ronald R., Arundel R. (eds). 2023. *Families, Housing and Property Wealth in a Neoliberal World*. London: Routledge, 2023; 206.

поле зрения исследователей. С середины 1990-х гг. исследовательское внимание к таким трансфертам возросло, так как они стали рассматриваться как способ компенсации снижения уровня жизни при разрушении формальной хозяйственной организации. Но недвижимость и прочие накопленные экономические ресурсы в ряду частных экономических трансфертов стали рассматривать, похоже, не ранее 2010-х гг. [Миронова 2014].

Ещё на данных проекта «Таганрог-II» во второй половине 1970-х гг. было показано, что «от поколения к поколению материальная помощь родителей играет всё большую роль в формировании бюджета молодой семьи» [Римашевская, Оников 1991: 124]. Российские исследования зафиксировали, что, во-первых, родственные связи доминируют в сети частной экономической поддержки; во-вторых, основное направление межпоколенных денежных трансфертов — нисходящее, от старших поколений к младшим, что проявляется в более высокой доле экономических доноров среди поколения родителей и в сравнительно большем объёме средств, передаваемых вниз по родственной иерархии [Овчарова, Прокофьева 2000; Барсукова 2003; 2005; Гладникова 2009]. Частные финансовые трансферты «вступают в мир обмена в статусе дара, образуя иную реальность — так называемую экономику дара» [Барсукова 2003: 81], в которой «возвратные кредиты в отношениях родителей и детей мало распространены, долговые обязательства рассматриваются как компрометация кровных уз», а давать деньги в долг допустимо в случае запроса крупной суммы [Барсукова 2005: 41].

Несмотря на то что передача объектов собственности внутри расширенной семьи и (или) содействие расширенной семье в формировании богатства домохозяйств массовых слоёв в России целенаправленно не изучались, проблема межпоколенного трансферта собственности для российского слоя сверхбогатых уже нескольких лет находится в фокусе внимания исследователей. В частности, в 2015 г. стартовал первый из проектов цикла «Исследование владельцев капиталов в России»¹³, реализуемого Центром управления благосостоянием и филантропии «Сколково», который был призван выявить в том числе отношение российских предпринимателей и инвесторов к вопросам преемственности. В целом актуальность обращения к теме преемственности обусловлена тем, что «капиталистические реформы в России в начале 1990-х годов были осуществлены резко и стремительно <...> почти все российские миллиардеры и мультимиллионеры первого поколения столкнутся с проблемой передачи наследства одновременно» [Шимпфёссл 2022: 261].

Эта проблема, проявляется, во-первых, в поиске и конструировании нарративов, которые обоснуют легитимность наследования детьми из семей российской бизнес-элиты активов и состояний, созданных в том числе через приватизацию объектов советской экономики [Шимпфёссл 2022]. Во-вторых, в (не)готовности потенциальных наследников не только получить экономические активы, но и стать преемниками в управлении и развитии бизнеса [Рождественская 2019]. Как показывают исследования, высоки риски несовпадения ожиданий старшего и намерений младшего поколений, и текущие владельцы бизнес-собственности, понимая это, планируют оставаться собственниками и распорядителями активов как можно дольше [Агеев, Климов 2021]. Тем не менее анализ механизмов пополнения слоя сверхбогатых россиян на данных списков Forbes обнаруживает, что наследование пусть и в минимальном масштабе, но существует, а в дальнейшем, учитывая старение первого поколения крупных бизнесменов, доля наследников в этих списках будет выше [Агафонов, Лепеле 2016; Мареева, Слободенюк 2024].

Методология исследования и данные

Для выяснения масштаба и способов участия расширенной семьи в формировании нефинансового богатства российских домохозяйств мы обратились к двум источникам данных. Первый из них — Все-

¹³ См: Электронный ресурс [код доступа]: https://sk.skolkovo.ru/storage/file_storage/70d0da91-1fac-4f8d-9a4d-0165359dcab3/capitals.pdf (дата обращения: 25 августа 2025 г.).

российское обследование домохозяйств по потребительским финансам (ВОДПФ). Четыре первые волны обследования были организованы Министерством финансов РФ, пятая и шестая — Центральным банком РФ; координация и сбор данных во всех волнах выполнены ООО «Демоскоп»¹⁴. Метод сбора данных — личные интервью по месту проживания респондентов. Это панельное обследование; размер выборки в каждой волне 6000–6100 домохозяйств; в 2015–2020 гг. доля домохозяйств, впервые участвующих в обследовании, составляла 11–13%, в 2022 г. — 18%, в 2024 г. — 9%. «Заполнение вопросника домохозяйства проводилось с членом семьи, владеющим наиболее полной информацией о её доходах, расходах и других аспектах жизнедеятельности, связанных с финансами», при этом допускались консультации с другими членами домохозяйства¹⁵. Во всех волнах ВОДПФ 80–83% респондентов анкеты — женщины.

В вопроснике домохозяйства были блоки вопросов о каждом объекте недвижимости в собственности членов домохозяйства (жильё, гаражи, земельные участки), в том числе о способах обретения статуса собственника, включая наследование или дар. Кроме ответов на эти вопросы, представлены данные о численности домохозяйств, проживающих в жильё, принадлежащем родственникам; о привлечении денежных средств родственников на покупку или строительство занимаемого жилья. Данные ВОДПФ мы анализировали без взвешивания.

Второй источник данных — серия интервью, проведённых в 2023–2024 гг. с представителями возрастных групп, находящихся на разных этапах жизненного цикла: молодость, средний и старший возрасты. Информанты — горожане, в основном проживающие в Новосибирской агломерации. Гайд интервью после блока знакомства с респондентом включал вопросы о преимуществах наличия или, наоборот, отсутствия собственности; был блок вопросов и об истории собственности респондента до настоящего времени (чем владеет или владел ранее; при каких обстоятельствах становился собственником или переставал им быть; каковы планы в отношении собственности, в том числе о намерении приобретения новой). Мы не подталкивали респондентов указать роль родителей или других родственников в формировании их имущественных активов, но из историй приобретения объектов эту роль реконструировали. Из рассказов о разных объектах собственности, не только о жильё, выбраны ситуации, когда к приобретению, получению или использованию этой собственности были причастны члены расширенной семьи.

При анализе данных способы передачи собственности или ресурсов на её приобретение фиксировались по следующим параметрам: кто является донором и реципиентом ресурсов; что передаётся; каким образом осуществляется трансферт; какое событие выступало триггером для трансферта; какими были последствия и реакция на передачу или попытку передачи собственности. Способы были выделены с учётом сопряжённых этапов жизненных циклов разных поколений — детство, отделение детей от родительской семьи, «взрослая жизнь», старение и смерть представителей старшего поколения.

¹⁴ Данные, инструментарий и публикации с результатами обследования доступны на сайте Банка России. См.: Электронный ресурс [код доступа]: https://www.cbr.ru/ec_research/vserossiyskoe-obsledovanie-domokhozyaystv-po-potrebitel-skim-finansam (дата обращения: 25 августа 2025 г.).

¹⁵ Демоскоп. 2023. Всероссийское обследование домохозяйств по потребительским финансам (5-я волна). Технический отчёт. М.: Центральный банк Российской Федерации; 40. Электронный ресурс [код доступа]: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/145684/method_t.pdf (дата обращения: 25 августа 2025 г.).

Вовлечённость российских домохозяйств во внутрисемейную передачу накопленных экономических ресурсов (по данным ВОДПФ)

В материалах ВОДПФ информация об участии расширенной семьи в формировании портфеля собственности индивида или домохозяйства не лежит на поверхности. Но даже те крупницы, которые можно вычленивать, дают достаточно ёмкое представление об этом процессе в современной России. Начнём рассмотрение вопроса с жилищной собственности, поскольку это основной и самый ценный экономический актив домохозяйств как в мире, так и в России.

Согласно данным ВОДПФ, 6–9% российских домохозяйств проживают в жилье, среди собственников которых как члены, так и нечлены домохозяйства (см. табл. 3). Эта группа семей не отличается от остальной совокупности по возрастным характеристикам, но в ней существенно выше доля тех, кто занимает приватизированное жильё (см. табл. 4). Полагаем, что в большинстве случаев такая ситуация возникла из-за того, что члены семьи, ставшие совладельцами жилья в результате его приватизации, покидали домохозяйство, и, скорее всего, это выросшие дети, когда-то включённые родителями в состав собственников.

Роль родственных связей в решении жилищной проблемы явно прослеживается в ситуации, когда члены домохозяйства проживают в жилье, которое принадлежит родственникам или знакомым, но домохозяйство не платит аренду. И таких домохозяйств 6,3–8,3% (см. табл. 3). Сопоставимую численность домохозяйств, занимающих жильё, принадлежащее родственникам, в этот же период фиксирует и Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения: 4,0–5,4. Возрастной профиль данной группы домохозяйств сдвинут к молодым возрастам: если в 2024 г. во всей совокупности домохозяйств 8,2% квартировали на жилплощади, принадлежащей родственникам и знакомым, то среди молодых домохозяйств (члену домохозяйства, вносящему наибольший вклад в бюджет, не более 40 лет) таких уже 12,0%.

Однако наиболее распространённый вариант проявления родственных отношений в отношениях собственности — получение жилья в наследство. В 2013–2024 гг., то есть за десятилетие, доля домохозяйств, поселившихся в полученном в наследство жилье, выросла в полтора раза — с 8,4 до 14,2% (см. табл. 3). Параллельно за это же время доля тех, кто жил в приватизированном жилье, сократилась с 48,3 до 37,1%, а живущих в купленном или построенном жилье, наоборот, выросла с 32,7 до 41,3%. Эти цифры отражают, во-первых, поколенческую смену жильцов и разный статус жилья для разных поколений расширенной семьи: для старшего оно было, к примеру, приватизированным, а младшие получили его в наследство. Во-вторых, расширенные семьи не «выпускают» жилье наследодателей из своего совокупного имущественного портфеля, хотя сдерживающим фактором может быть низкий спрос на такое жильё, ограниченность локального рынка жилья. Так, наименьшая доля живущих в полученном по наследству жилье — среди московских домохозяйств: 12,8% в 2024 г. (из домохозяйств, проживающих в собственном жилье); в городах-«миллионниках» — 21,7%; в других крупных городах — 16,9%; в городских населённых пунктах с численностью населения до 100 тыс. чел. — 17,2%; в сельских населённых пунктах — 18,5%. Однако (в-третьих) жилищные межпоколенные трансферты не входят в число распространённых социальных практик доступа к собственному жилью.

Таблица 3

Численность российских домохозяйств, проживающих в жилье, полученном по наследству, в дар или принадлежащем родственникам

Характеристики жилищных условий	Годы					
	2013	2015	2018	2020	2022	2024
Проживают в жилье, принадлежащем как членам, так и нечленам домохозяйства, в % от всех домохозяйств	5,9	7,1	8,6	9,0	8,7	8,5
Проживают в жилье, которое принадлежит родственникам или знакомым, но домохозяйство не платит аренду, в % от всех домохозяйств	6,3	6,8	7,8	8,4	8,3	8,2
Получили занимаемое жильё по наследству, в % от всех домохозяйств	8,4	10,2	10,9	11,9	13,0	14,2
Получили занимаемое жильё по наследству, в % от домохозяйств, проживающих в собственном жилье	10,8	13,0	13,7	14,9	16,3	17,8
Получили занимаемое жильё в подарок, в % от всех домохозяйств	2,0	1,9	1,9	1,8	2,2	2,4
Получили занимаемое жильё в подарок, в % от домохозяйств, проживающих в собственном жилье	2,6	2,4	2,4	2,3	2,7	3,0

Источник: Расчёты авторов на данных ВОДПФ.

Таблица 4

Доля российских домохозяйств, разными способами ставших собственниками занимаемого жилья, % по столбцам, 2024 г.

Способ обретения домохозяйствами жилья в собственность	Жильё, в котором живёт домохозяйство, принадлежит:		Все домохозяйства, проживающие в собственном жилье
	только членам домохозяйства	как членам, так и нечленам домохозяйства	
Куплено или построено	43,2	25,7	41,3
Приватизировано	34,9	56,1	37,1
Досталось по наследству	18,0	15,9	17,8
Подарено	3,2	1,9	3,0
Затрудились, отказались ответить	0,8	0,4	0,8
Всего	100,0	100,0	100,0

Источник: Расчёты авторов на данных ВОДПФ.

В разных возрастных группах доля живущих в унаследованном жилье росла в период обследований по-разному. Точнее, в группе молодых домохозяйств (респонденту анкеты не более 40 лет)¹⁶ эта доля практически не изменилась, находясь в диапазоне 8,5–10,5% в разные волны обследования. А в домохозяйствах средней (респонденту анкеты домохозяйства 41–60 лет) и старшей (респонденту 61 год и более) возрастных групп эта доля выросла с 9,2 до 16,3% и с 6,8 до 14,1% соответственно.

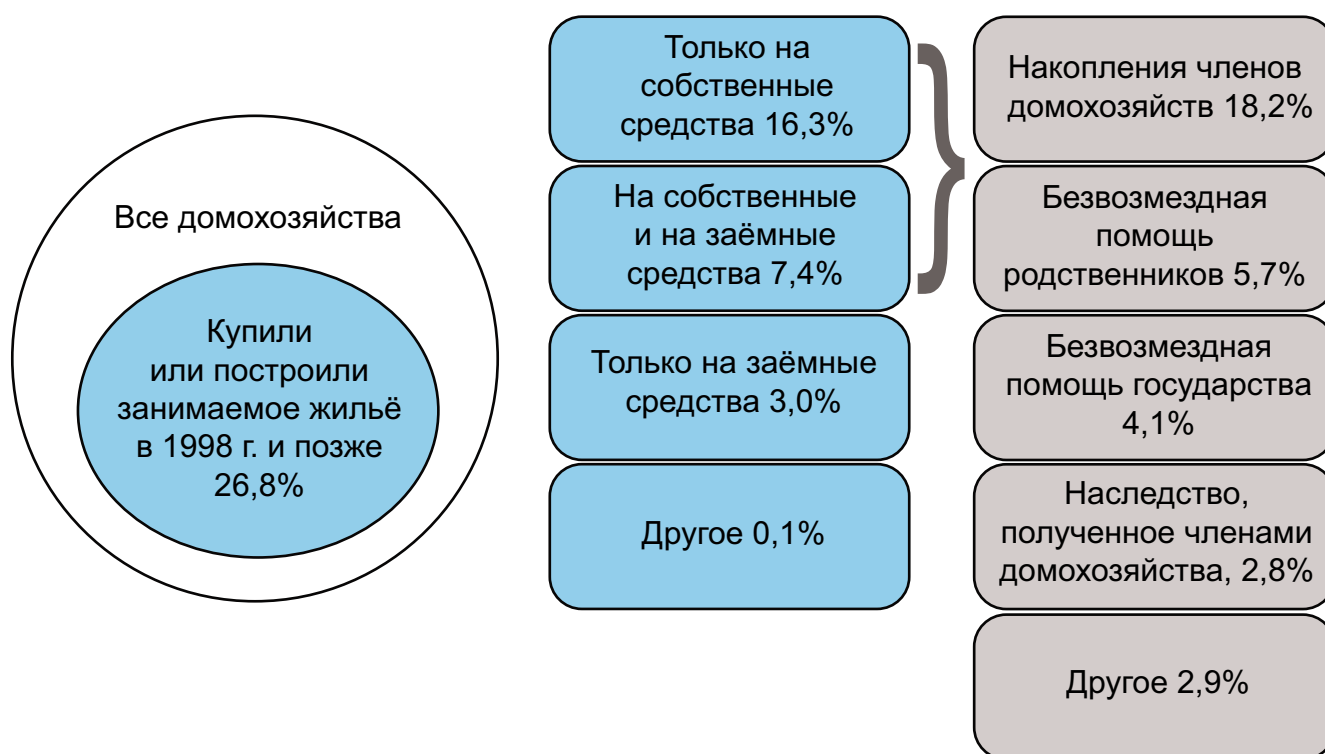
Дарение как способ передачи собственности, в том числе межпоколенной, в отношении занимаемого жилья распространено меньше, чем наследование, — так стали владельцами своего жилья примерно 2–2,5% российских домохозяйств. Доля обладателей подаренных квартир и домов выше среди молодых домохозяйств — 3–4%, среди представляющих среднюю возрастную группу их 2–3%, старшую возрастную группу — 0,7–1%.

¹⁶ Член домохозяйства, вносящий основной вклад в его финансовое благополучие, фиксировался только в 2022 г. и 2024 г., поэтому, когда требовалось сравнение всех волн обследования, в качестве возрастного маркера использовался возраст респондента анкеты домохозяйства.

Если члены домохозяйства не получили жильё в дар или по наследству, не пользуются жильём родственников, а купили или построили его самостоятельно, это не исключает участия родственников в ресурсном обеспечении этой покупки. На момент обследования в 2024 г. 26,8% российских домохозяйств занимали жильё, которое они купили или построили в 1998 г. или позже; 23,7% домохозяйств сделали это с использованием собственных средств, под которыми в обследовании подразумевается широкий круг ресурсов, за исключением банковских займов (см. рис. 1).

Домохозяйства могли комбинировать в составе собственных средств ресурсы из нескольких неальтернативных источников, представленных в правой части рисунка 1: среди них у 5,7% домохозяйств была безвозмездная помощь родственников, у 2,8% — наследство, полученное членами домохозяйств. Заметим, что домохозяйств, купивших или построивших занимаемое жильё с привлечением безвозмездной помощи государства — материнского (семейного) капитала, жилищных сертификатов и т. п., — 4,1%, то есть не больше, чем получивших средства от родственников.

Если рассматривать другие объекты собственности российских домохозяйств, то наблюдаются те же закономерности, что и в отношении основного жилья (см. табл. 5). Во-первых, наследование более распространено, чем дар: имеют дополнительные дома или квартиры, полученные в наследство, 7,4–8,6% домохозяйств, полученные в дар — 1,3–1,7%; земельные участки — 1,8–2,1% и 0,8–1,2% соответственно. Во-вторых, в течение периода обследования доля домохозяйств, владеющих полученным в наследство дополнительным жильём, также выросла — с 7,4 до 8,4–8,6%.



Источник: Расчёты авторов на данных ВОДПФ.

Рис. 1. Численность домохозяйств, использовавших различные средства на покупку или строительство занимаемого жилья (% от всех домохозяйств), 2024 г.

Получение финансовых активов в дар или по наследству среди представителей массовых слоёв — редкое явление: владельцы акций или долей предприятий, компаний, полученных по наследству или в дар, составляют 0,1–0,3% среди взрослых россиян.

Таблица 5

Доля российских домохозяйств и индивидов, владеющих отличными от основного жилья объектами собственности, полученными по наследству или в дар

Имущество, полученное членами домохозяйств в наследство или в дар	Годы					
	2013	2015	2018	2020	2022	2024
Доля домохозяйств, у членов которых есть (% от всех домохозяйств):						
дополнительное жильё (квартиры или дома), полученное в наследство	7,4	7,5	8,0	7,8	8,6	8,4
дополнительное жильё (квартиры или дома), полученное в дар	1,7	1,7	1,6	1,3	1,5	1,7
земельные участки, полученные в наследство	2,0	1,9	2,0	1,8	2,1	2,0
земельный(е) участок(ки), полученные в дар	1,2	1,0	1,0	0,8	0,8	0,9
гараж(и), полученный(е) по наследству или в дар	2,4	2,5	2,7	2,5	Вопрос не задавался	
Доля индивидов, владеющих акциями или долями предприятий, компаний, которые получены по наследству или в дар (без учёта акций и долей предприятий, на которых работают) (% от всех респондентов в возрасте 18 лет и старше)	0,3	0,2	0,2	0,1	0,1	0,2

Источник: Расчёты авторов на данных ВОДПФ.

Распространённость разных способов использования дополнительных объектов жилой недвижимости, полученных по наследству, примерно такая же, как и купленных или приватизированных. Так, в 2024 г. из унаследованных дополнительных квартир 21,2% (со слов респондентов) сдавались в аренду; 47,7% использовались для личных нужд домохозяйств; 29,2% никак не использовались; 1,5% таких квартир пытались продать. Если дополнительные квартиры были, к примеру, куплены, то чаще всего они использовались для личных нужд (59,1%); никак не использовались в 20,2% случаев и примерно с такой же частотой, как и полученные по наследству, сдавались в аренду (19,3%). Из дополнительного жилья в виде дома, в том числе дачи или садового домика, полученных по наследству, 87,5% использовались для личных нужд; 9,7% никак не использовались. Среди всех дополнительных домов эти показатели равны 91,3 и 6,3%. Существенная доля дополнительных объектов жилой недвижимости (6–7% домов и 27–29% квартир) оказывается не задействованной. Что стоит за такого рода «запасливостью», можно только предполагать: неликвидность объекта из-за низкого качества («убитые» квартиры); неспособность или нежелание собственника «активизировать» жилую собственность; жильё находится в «режиме ожидания» пока либо подрастут младшие члены семьи и обзаведутся собственной семьёй, либо истечёт минимальный срок владения недвижимостью, после которого не будет налога с его продажи.

Способы участия расширенной семьи в формировании индивидуального или семейного портфеля собственности

Чтобы выявить, структурировать и описать способы участия расширенной семьи в формировании портфеля собственности своих членов, была проведена серия полуструктурированных интервью с жителями Новосибирской агломерации. Мы проанализировали кейсы из 16 интервью, в которых информанты рассказали о фактах их биографии, связанных с вступлением в права собственности или отказом от таких прав в отношении различных активов, сосредоточившись на тех случаях, где имела место межпоколенная передача экономических активов; провели разбор ситуаций, когда в биографии собственника переплетались родственные отношения¹⁷ и отношения собственности во всех трёх пред-

¹⁷ Мы намеренно не акцентировали в контексте семейных отношений брачные отношения, так как обширность темы «Брак и собственность» требует отдельного исследования.

ставленных в Гражданском кодексе РФ (ст. 209, п. 1) аспектах — владение, пользование, распоряжение. Была прослежена цепочка взаимосвязанных явлений: событие(-я), выступающее(-ие) триггером экономического трансферта, послужило стимулом либо дало возможность или заставило членов расширенной семьи осуществлять трансферт; способ осуществления трансферта; результат (не-)акцептации трансферта в виде комбинации прав собственности, реализованных реципиентом в отношении экономического актива, который был передан.

Эмпирические иллюстрации способов внутрисемейных межпоколенческих трансфертов и возникающих в их результате комбинаций прав собственности у реципиентов

Включение детей в состав совладельцев собственности

Как правило, если речь идёт о жилье, то некоторые из молодых россиян стали и остаются совладельцами квартир родителей в результате массовой приватизации в 1990-е — начале 2000-х гг. В большинстве случаев в настоящее время выросшие дети совладеют, но не пользуются этим жильём:

Респондент. <...> Доля в родительской квартире, $\frac{1}{2}$ <...> Родился я в тот момент, когда ещё не было такого, ну, прям активного процесса приватизации. А потом уже в 2000-е, когда ввели приватизацию, уже начали оформлять доли, тогда.

Интервьюер. А в данный момент вы в ней проживаете?

Респондент. Нет, нет, я сейчас снимаю, потому что в родительской квартире, где у меня есть доля, там живёт мама.

(Респондент: мужчина, 24 года.)

Это доля от квартиры, в которой я жила, будучи ребёнком, то есть получила я её от своих родителей. Квартира была разделена на четыре части, потому что нас было четыре члена семьи, соответственно, у меня $\frac{1}{4}$ <...> Долей в квартире я не пользуюсь совсем, потому что там давным-давно не живу. Уже лет шесть как, но она числится за мной (женщина, 23 года).

Заметим, что первый фрагмент интервью отражает, скорее, восприятие респондентом приватизации через личный опыт, так как, если судить по ежегодному количеству приватизированных жилых помещений, «активный процесс приватизации» в России пришёлся на первую половину и середину 1990-х, а не 2000-е гг.¹⁸

Современный вариант правил использования материнского капитала в России выступает как институциональный инструмент, обязывающий родителей включать детей в перечень совладельцев, если собственность приобретается на средства материнского капитала. Так, законодательно определено, что при приобретении жилья с использованием этих средств в общей собственности на него должны быть выделены доли супругов и всех их детей¹⁹. Вот пример реализации такой практики из интервью:

Квартира у нас вместе с мужем, мы владельцы, там доля у детей есть <...> Вот материнский капитал, да, мы использовали, в том числе, когда покупали свою квартиру, помимо помощи от бабушки мужа, самой ипотеки ещё и материнский капитал туда вложили (женщина, 34 года).

¹⁸ См. подробнее: Росстат. Российский статистический ежегодник. Электронный ресурс [код доступа]: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/12994> (дата обращения: 25 августа 2025 г.).

¹⁹ См.: О Правилах направления средств (части средств) материнского (семейного) капитала на улучшение жилищных условий. Постановление Правительства РФ от 12 декабря 2007 г.), № 862 (редакция 5 августа 2024 г.), п. 15.1.

Предоставить собственность в пользование детям

Отделение повзрослевших детей от родительской семьи подразумевает тот или иной вариант решения квартирного вопроса и в целом выступает поводом для помощи со стороны родителей в приобретении детьми первых объектов собственности — жилья или автомобиля. Первый вариант обеспечить детей жильём — предоставить им в пользование собственность, юридически принадлежащую родителям:

В 2010-м папа купил квартиру в ипотеку, но «на котловане». Я в неё только в ноябре 2012-го въехал. Но это не была моя собственность. Квартира была записана на отца. Но по факту она была моей (мужчина, 32 года).

Не только отделение от родительской семьи, но и другие переходные, в том числе «брачно-нестабильные», ситуации могут оказаться причиной возвращения к родителям, пользования их собственностью:

Эта квартира у меня была взята в ипотеку. Первое время мы там жили с супругом. Потом произошёл печальный момент в жизни — мы с ним развелись, я осталась одна в этой квартире с ипотекой, и плюс ещё разные кредиты появились в такой ситуации. Платить это всё было тяжело. Мы с сыном уехали жить к моей маме. Эту квартиру мы сдавали года три-четыре. Я за это время погасила ипотеку, накопила сбережения, то есть мне прямо эти три года позволили полностью закрыть всё — все кредиты, все долги закрыть. А потом квартирантов я выселила, мы сделали глобальный ремонт в квартире и с сыном туда переехали (женщина, 40 лет).

В этой ситуации возвращение к матери на родительскую жилплощадь позволило респондентке использовать собственность для получения дополнительного дохода и решения финансовых проблем.

Покупка родителями «первой собственности» повзрослевшим детям

Ещё один вариант решения «квартирного вопроса» для повзрослевших детей — приобрести для них квартиру:

Родителям от предприятия дали квартиру. Жила вместе с родителями. Вышла замуж. Родители продали квартиру, купили две квартиры, отделили нам жилплощадь (женщина, 55 лет).

С учётом возраста респондентки и содержания её личной истории, описанные события происходили в конце 1980-х гг., когда не существовало рынка жилья в его современном виде. Родители, скорее всего, разменяли свою квартиру на две, возможно, с доплатой, но ретроспективно решение квартирного вопроса в условиях ресурсных и институциональных ограничений представлено современными средствами.

Квартиры, приобретённые родителями для детей, могут стать первым звеном в цепочке улучшения жилищных условий, выступить стартовым «жилищным капиталом»:

Респондент. <...> Это была квартира однокомнатная, которую мне купили родители. Это была первая моя собственность. Было такое чувство нереальное.

Интервьюер. Когда примерно по возрасту или в какой год, это произошло?

Респондент. Это был 2005 год, мне было 22 года <...> Квартира [в которой сейчас живём] куплена за счёт средств, которые получили от продажи однокомнатной квартиры, плюс добавили из собственных средств, не используя кредита.

(Респондент: женщина, 42 года.)

Конечно, участие родителей в приобретении первой собственности может быть не полным, а в формате «софинансирования»:

Респондент. *Когда мне был 21 год, появилась машина... В 2020 году мы купили машину. За полную стоимость; то есть сразу, без кредитов, без каких-то рассрочек.*

Интервьюер. *Получается, вы купили за собственные средства или с помощью родителей?*

Респондент. *Ну, часть заплатил я, другую часть — родители. То есть работал летом и подкопил, вложил, так сказать, долю в эту машину. Собственником являюсь я.*

(Респондент: мужчина, 24 года.)

Некоторые родители ещё не выросших детей обозначают в своих планах участие в стартовом формировании собственности детей:

Квартира, которая первой была куплена... Я хочу её подарить собственному сыну. Пока ему нет 18 лет, я этого делать не буду (женщина, 40 лет).

Вероятно, парадоксально, но помощь родителей в одном из значимых биографических событий и создание материальных условий для начала самостоятельной жизни детей может закреплять родительско-детскую модель отношений. Снизить градус покровительственности в этих отношениях могут автономные действия детей: как заметил один из респондентов, рассказывая о самостоятельной покупке по программе льготной ипотеки в 2020 г. однокомнатной квартиры, в которую он не переехал, а стал сдавать, оставаясь в двухкомнатной квартире, подаренной родителями, после этой покупки родители «как будто бы увидели во мне взрослого человека» (мужчина, 27 лет).

«Родительские добавки» и «родительские подарки»

Если ресурсы родителей позволяют, они софинансируют имущественные приобретения своих детей и в дальнейшем. В этом случае не старт самостоятельной жизни, а другие события будут триггером для привлечения родительских ресурсов, а от родителей будет исходить не столько инициатива, сколько согласие осуществить «межпоколенный трансферт»:

Потом случилось сильное ДТП. Эту машину списали, мне страховая заплатила. Родители добавили к страховым деньгам. Я купил ещё одну машину, уже более дорогую (мужчина, 32 года).

Если покупка первой собственности для детей не совпадала с их вступлением в брак, то объединение ресурсов двух родительских семей может произойти позднее, быть растянутым во времени. Один из респондентов жил в квартире, купленной родителями и принадлежавшей им. После вступления в брак с их разрешения он продал эту квартиру, чтобы приобрести новую совместно с супругой:

Респондент. *В 2017 году мы с женой расписались, и родители разрешили продать эту квартиру и купить совместную. Тёща, мама жены, дала миллион, и мы мою квартиру продали за 1 800 000, купили эту за 2 650 000.*

Интервьюер. *И тут вы являетесь собственниками с женой?*

Респондент. *С женой, да, собственники.*

(Респондент: мужчина, 32 года.)

И, конечно, участие родителей в формировании имущественного портфеля детей может происходить через дарение имущества:

Гараж достался от папы, просто подарил (женщина, 55 лет).

Взрослые дети предоставляют собственность в пользование родителям

По мере взросления детей увеличиваются их экономические ресурсы, что позволяет уже им приобретать имущество, которым будут пользоваться родители:

Респондент. *В личной собственности у меня ячейка погреба <...> Ячейка погребная куплена за собственные средства. Ну, собственно, это куплено для родителей <...>*

Интервьюер. *Есть ли какие-то планы на ближайшую перспективу в отношении этих объектов — поменять, продать, подарить?*

Респондент. *<...> Погребная ячейка остаётся, потому что там, по сути, владеют родители.*

(Респондент: женщина, 42 года.)

Родители могут остаться пользователями принадлежащего им имущества, формально передав его в дар детям, то есть трансфер собственности или её доли разделяет отношения владения или пользования, но продолжение пользования обеспечивается родственными обязательствами:

Потом есть квартира, в которой живёт моя мама, но оформлена она на меня, владелец я, но без мужа, там только я владею <...> Это от той квартиры, изначально в которой я была в доле. Эту квартиру, дом даже целый снесли, расселили жильцов. Вот и нам с мамой досталась квартира на [название улицы], и мы эту квартиру оформили в итоге на меня, так было маме проще, удобнее. Потом её продали, купили квартиру на другой улице <...> Если честно, я не помню, как мы это оформили все на меня, возможно, это было как раз-таки дар. Я вот эту её часть приняла, и все стало [оформленным] на меня (женщина, 34 года).

Оформление прав собственности на родственников

Участие родственников в формировании портфеля собственности может заключаться в осуществлении трансферта не материальных объектов или средств, а «нематериальных активов» в виде имени, возможно, демонстрируемой платёжеспособности, кредитной истории или чего-то подобного. Такой способ оформления собственности отличается от всех остальных. Процитированный фрагмент интервью далее описывает ситуацию, когда отец респондентки стал номинальным («по документам») владельцем квартиры, которая была приобретена дочерью и её супругом на их объединённые ресурсы (первую свою квартиру респондентка приобрела самостоятельно, без помощи родителей):

Интервьюер. *Чем в настоящее время Вы владеете?*

Респондент. *Именно владею? Фактически или официально, по документам? <...> Фактически — квартира, в которой живёт наша семья. Она будет как наша, но официально она оформлена на моего папу, потому что мы брали кредит на него. Ну, кредит мы уже выплатили, но пока мы ещё не переоформили, но и она будет, скорее, в собственности мужа <...> У меня была моя квартира в ипотеке, когда мы с мужем не были знакомы. У него было его*

имущество, мы все это продали и купили эту квартиру, в которой сейчас живём. Потому что, когда родился ребёнок в той маленькой студии, в которой мы жили, которая была моя, это было уже невозможно жить. Мы понимали, что с ребёнком нужно перебираться на площадь побольше.

(Респондент: женщина, 45 лет.)

Можно предположить, что круг причин номинального владения шире и включает в том числе причины разной степени легитимности, связанные с необходимостью демонстрировать отсутствие собственности (например, «переписывание» собственности на родственников лицами, по долгу службы обязанными подавать декларации о доходах и имуществе, или теми, кому угрожает уголовное преследование с конфискацией имущества и проч.).

Наследование

Не только в массовых представлениях, но и по результатам обследований, нацеленных на фиксацию фактической информации, наследование является наиболее распространённым способом межпоколенной передачи имущества. Ожидается, что его получение будет иметь благоприятные последствия для формирования портфеля собственности реципиента, когда наследуемое имущество либо становится его частью, либо продаётся, а вырученные средства используются как дополнительный ресурс при приобретении нового имущества. В ситуации, описанной ниже, женщина добавила средства, полученные от продажи унаследованного дома, к деньгам от продажи собственной квартиры, чтобы купить новую квартиру в Новосибирске и переехать ближе к дочерям:

Да, я получала наследство от отца в 2005 году <...> Это был земельный участок и дом, в Алтайском крае, в селе [название села]. Площадь участка семь соток была <...> В течение полугода мы подали на наследство, завещания не было. Вступили в итоге без проблем <...> Мы продали дом, поскольку не было возможности следить за ним. Ну, и деньги распределили поровну между всеми <...> Я их отложила. Затем вот как раз пустила на покупку квартиры (женщина, 68 лет).

Порой имущество, представляющее ценность для наследодателя, может не иметь такого значения для наследников и воспринимается ими, скорее, как бремя:

Сейчас есть вот эти два земельных участка в садовом товариществе. Вот они являются обузой, я бы их давно продал, но там от отца собаки две остались. Как бы собаки эти злые, но, несмотря на то что они злые, их жалко, поэтому пока, к сожалению, продать я их не могу. Я их как ферму использую, эти два участка (мужчина, 27 лет).

При получении наследства обременением могут оказаться и родственники, с которыми теперь связывают не только отношения родства, но и совладение одним объектом собственности, который проблематично продать, а совладение им не сопровождается использованием:

Интервьюер. То есть получилось, что вам досталась доля от бабушкиной квартиры: мама вам отдала свою долю в бабушкиной квартире, и у вас половина есть вот этой квартиры, да?

Респондент. Просто она мне её отдала, подарила, у меня доли в бабушкиной квартире вообще не было. Я к ней никакого отношения не имел <...>.

Интервьюер. А вот эта квартира бабушкина — сейчас там кто проживает?

Респондент. *Дядя. Потому что он считает, что это его квартира. То есть он не осознаёт, что он владеет только половиной. И вот из-за того, что нет понимания, вопрос никак не решается, потому что юридически, то есть по закону, так как у него это единственное жильё, мы с ним ничего не сделаем, здесь ничего не могу сделать. Я не могу даже принудить его к продаже, потому что [у него] это единственное жильё. А у меня это не единственное жильё, поэтому я как, так сказать, более обеспеченный собственник, проигрываю. Я проигрываю, потому что он может абсолютно не платить ни за коммуналку, ни за что, и эти долги будут все вешаться на меня.*

(Респондент: мужчина, 28 лет.)

Оставленное в наследство имущество может актуализировать прошлые родственные конфликты, хотя в описанной ниже ситуации наследование (точнее, участие в споре за наследование) имущества отца, вступившего во второй брак, оказывается проявлением солидарности респондентки с матерью, которая когда-то с отцом развелась:

Интервьюер. *Случалось ли вам получать собственность в наследство?*

Респондент. *Да. Ну, пока ещё не до конца все оформлено, но уже есть все документы об этом <...> Отец у меня умер в 2021 году. Так сложилось, что мы не общались, узнала случайно, не планировала никакого заявления на наследство подавать, уговорила мама, поэтому мы вместе, совместно с ней в это ввязались, судились с женой отца. Там два объекта, даже три, наверное: земля с домом вместе и квартира. Вот земля с домом были оформлены на отца, поэтому проблем не возникло $\frac{1}{4}$ оттуда оформить на меня, а с квартирой пришлось посудиться. Вот примерно два с половиной года мы судились. И суд на моей стороне.*

(Респондент: женщина, 34 года.)

Отказ от доли в наследстве в пользу других наследников

Все рассмотренные до этого способы участия родственников в формировании портфелей собственности предполагали, что передаваемая собственность принимается. Однако при вступлении в наследование можно отказаться от этой возможности. В кейсах, представленных в интервью, отказ от наследства в пользу других наследников обосновывался прижизненными договорённостями с наследодателем:

Респондент. *<...> Мамина квартира. Я отказалась, потому что такая была договорённость.*

Интервьюер. *Вы отказывались в принципе или в пользу кого-то?*

Респондент. *В пользу сестры, по договорённости ранее с мамой.*

(Респондент: женщина, 55 лет.)

Интервьюер. *А передавали ли вы что-то из собственности в дар?*

Респондент. *В исполнении отцовских договорённостей, да, передавал. У нас был обмен. Мне передали деньги от продажи старого дома в частном секторе, а я в ответ передал долю в квартире. Это была старая договорённость между отцом и тем, кто мне, собственно, деньги передал. Я при этой договорённости присутствовал, поэтому у меня вопросов никаких не было.*

(Респондент: мужчина, 27 лет.)

Отказ от собственности, предлагаемой старшими родственниками

Отказ от предлагаемой в дар собственности или от помощи в её приобретении может быть адресован живым дарителям. В одних случаях отказ может быть обусловлен неспособностью воспользоваться даром в силу законодательных ограничений:

Дедушка, мамин отец, отказался водить автомобиль. Он подошёл ко мне и сказал: «Внук, вот машина, вот ключи — забирай». А у меня на тот момент не было прав, и я отказался. Грубо говоря, прощёлкал, дед машину забрал обратно (мужчина, 32 года).

В других случаях отказ происходит из-за восприятия родительского участия в покупке собственности как предложения взять на себя неподъёмные обязательства, как предложения нежелаемого или отрицаемого образа жизни:

Когда училась в университете, у меня тоже была возможность стать владелицей квартиры. Папа раздумывал над вариантом взять ипотеку для меня. И я со слезами просила его этого не делать <...> Мне казалось, что ипотека — это очень большое долговое обязательство, я была не уверена в том, что мне это поможет или что я смогу с этим справиться. На тот момент отец был готов оплачивать её. Но это было бы так не всегда. И я попросила не вешать на меня долговое обязательство, потому что я не была уверена в том, что я смогу найти достаточно хорошую работу, чтобы обеспечивать полностью свою жизнь и ещё платить ипотеку. То есть мне кажется, что в молодом возрасте это очень отрезающая от своей жизни штука. В общем, ипотека, мне кажется, не позволяет тебе пользоваться всеми другими возможностями: пока ты свободен, у тебя нет детей, это обязательство мне кажется очень лишним, если ты не видишь какой-то конкретной цели, зачем тебе эта квартира, как ты можешь её использовать (женщина, 27 лет).

Как уже отмечали, гайд интервью не предполагал прямых вопросов о роли семьи в формировании собственности респондентов. Тем в исследовательском плане ценнее два умозаключения, сделанных респондентами и отражающие полярные точки зрения на экономические трансферты родственников, прежде всего родителей. В одном из интервью респондентом обозначена стартовая роль семьи в личном имущественном росте:

Мне повезло вообще, в принципе, с семьёй, и я богател поначалу только благодаря родителям. А потом уже сам (мужчина, 32 года).

Во втором интервью отражено дистанцирование от семьи, выразившееся в неприятии общесемейного отношения к собственности:

Папа считал, что собственность должна быть. Что это даёт какую-то почву под ногами, потому что у моего брата квартира появилась достаточно рано. Мне кажется, раньше, чем в моём текущем возрасте. Ещё у него есть машина, тоже появилась достаточно рано. И то, и другое покупалось при участии моего папы, финансовом <...> В моей семье, мне кажется, в целом такое отношение, что если ты в чём-то уверен, то нужно пускать корни. Но я немножко просто выбиваюсь из образа жизни моей семьи (женщина, 27 лет).

Структурирование элементов процесса внутрисемейных межпоколенных трансфертов экономических ресурсов: участие родственников в формировании портфеля собственности индивида или домохозяйства

Как уже упоминалось, в рамках интервьюирования, прослеживая жизненный путь респондента, мы стремились реконструировать его биографию собственника, проследить, как и при каких обстоятельствах он обретал (или терял) по собственной воле или в силу обстоятельств тот или иной объект собственности. В исследовании фокус был сделан на выявление и описание способов участия расширенной семьи (то есть близких и дальних родственников) в формировании портфеля собственности индивида и его домохозяйства.

Обратившись к результатам собственных исследований и исследований коллег, познакомившись с материалами собранных нами интервью, мы выделили набор событий, выступающих триггерами внутрисемейных межпоколенных трансфертов накопленных экономических ресурсов. На данном этапе погружения в изучаемую проблематику мы выделили три группы событий, которые актуализируют вопрос прав собственности в контексте межпоколенных родственных отношений:

- *естественные (демографические) события*: взросление и отделение детей от родительской семьи (например, с образованием молодой семьи родители (с обеих сторон или с одной) в качестве подарка обеспечивают молодёжь жильём; в некоторых культурах это является социальной нормой); старение (запускает активность по сохранению накопленных экономических ресурсов внутри семьи — передачу в дар собственности, переход от индивидуального владения к коллективному, заключение рентных договоров и проч.); смерть (открытие наследственного процесса);
- *институциональные события*: неявные и явные внешние стимулы, которые позволяют или обязывают родителей включать детей в состав собственников имущества. Конкретные примеры таких событий: приватизация занимаемого государственного жилья с начала 1990-х гг.; программа материнского (семейного) капитала, выплаты по которой начались с 2008 г. Эта последняя государственная инициатива связывает демографические и институциональные события-триггеры. Также «подталкивают» приобретение имущества в собственность предоставление льготных (субсидируемых государством) кредитов, авто- и ипотечных. При этом условия предоставления льготных кредитов могут тоже подразумевать «демографические» критерии (наличие детей младших возрастов);
- *события, инициированные потенциальным(-и) участником(-ами) трансфертных отношений*: взрослые дети создают, обновляют или увеличивают свой имущественный портфель, делая запрос на привлечение для этого экономических ресурсов родственников; взрослые члены расширенной семьи принимают решение об изменении своего имущественного портфеля с учётом своих возможностей и потребностей, определяемых жизненным циклом, путём, например, передачи в дар или пользование младшему поколению тех накопленных ресурсов, активизировать которые уже нет сил и интереса.

На рисунке 2 показано, как то или иное событие может быть связано с тем или иным способом осуществления трансферта накопленных экономических ресурсов и какие комбинации прав собственности могут кристаллизоваться в результате.

Каждое из событий-триггеров, как правило, связано со специфическим(-и) способом(-ами) осуществления трансферта денежных средств, объектов собственности (на рисунке 2 выделены голубым цве-

том). Можно предоставить имущество в пользование, подарить, оставить в наследство, включить в число собственников, что в некоторых условиях трактуется как дар, и др. Реализовавшись, эти способы приводят к разным сочетаниям у участников трансфертных отношений прав собственности на объект трансферта. Как показывают приведённые ниже примеры из интервью, права владения и пользования могут распределяться между членами одной расширенной семьи: владеют, реально или номинально, одни, а пользуются другие; формальная принадлежность объектов собственности одному или нескольким членам расширенной семьи может сделать его доступным для всей семьи. Комбинируя три основных правомочия собственника — владение, пользование и распоряжение, — мы выделили четыре вида акцептирования объекта трансферта реципиентом: (1) пользование имуществом, которым владеют родственники, реально или номинально; (2) (со)владение имуществом без пользования; (3) (со)владение, пользование имуществом без распоряжения им; (4) владение, пользование, распоряжение собственностью. Пятый вид — антиакцептирование — представляет собой отказ от экономического трансферта вследствие неготовности или нежелания индивида принять на себя обязательства собственника, проявление идиосинкразии в отношении прав собственности. (Комбинации прав собственности, возникшие в результате внутрисемейного трансферта экономических ресурсов, на рисунке 2 выделены зелёным цветом.)

Индивид или домохозяйство, формирующие портфель имущества в собственности, выступают «точкой пересечения» ресурсов из разных источников — своих, расширенной семьи или государства, — комбинируя их. К примеру, средства от продажи унаследованного имущества могут комбинироваться с собственными для приобретения нового имущества. Или программа льготного ипотечного кредитования могла оказаться прямым стимулом к приобретению нового жилья, но, если члены домохозяйства не готовы финансово участвовать в подобных программах, если собственных средств недостаточно при наличии желания воспользоваться возможностями, предложенными государством, финансовая помощь родственников может обеспечить вход в программу через первоначальный ипотечный взнос или погашение кредита.

Мы рассматриваем представленную на рисунке 2 схему соотнесения событий, запускающих процесс межпоколенных трансфертов накопленных экономических ресурсов, со способами осуществления передачи ресурсов между поколениями и результатом акцептирования (в терминах прав собственности) трансферта реципиентом, включая отказ от него, как начальный, контурный вариант механизма влияния внутрисемейных межпоколенных трансфертов экономических ресурсов на формирование нефинансового богатства домохозяйства. Он будет уточняться и дополняться по мере развития исследований в этой области.

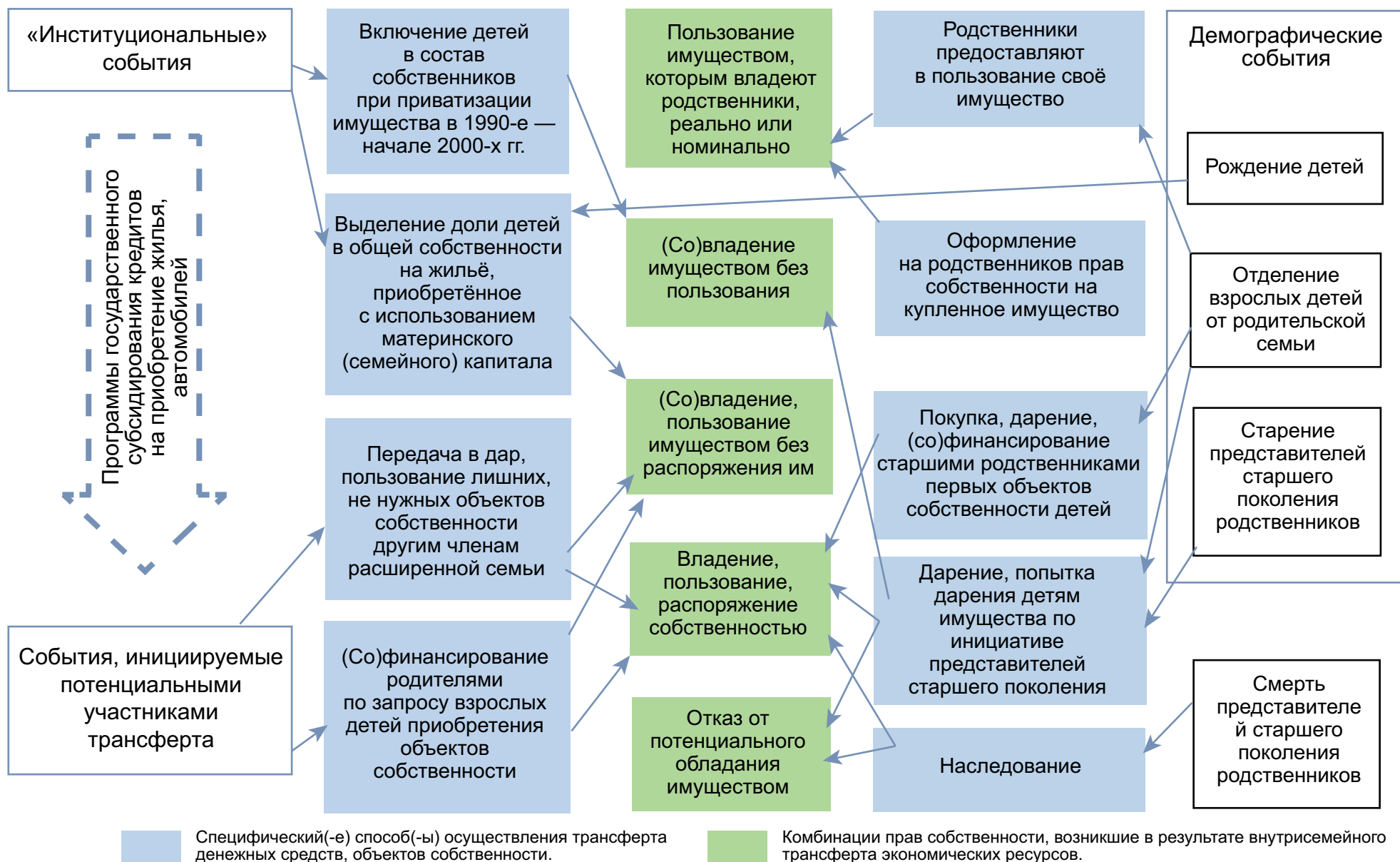


Рис. 2. Систематизация элементов процесса межпоколенного участия родственников в формировании портфеля собственности индивида и (или) домохозяйства

Обсуждение результатов

Результаты анализа данных ВОДПФ о внутрисемейных имущественных трансфертах созвучны тому, что известно по результатам зарубежных исследований. Вовлечённость в такие трансферты в современной России сопоставима по масштабу с экономически развитыми странами: в 2024 г. доля домохозяйств, на момент обследования обладающих хотя бы одним объектом жилой недвижимости или земельным участком, полученным по наследству или в дар, составляла 26,7%. И эта цифра — промежуточный итог восходящего тренда: в 2013 г. доля таких домохозяйств была 20,6%. Передача элементов богатства по наследству — более частый вид трансферта, чем дар, а основной передаваемый между поколениями актив — это жильё. Однако среди всех способов доступа к собственному жилью наследование пока не входит в число самых распространённых, что также было зафиксировано в одном из исследований десятилетие назад [Старикова 2015]. Можно предполагать, что со временем, по мере сокращения доли домохозяйств, занимающих приватизированное жильё, доля живущих в квартирах и домах, полученных по наследству, будет увеличиваться, поскольку в межсемейный оборот будет попадать всё более новое и комфортное жильё.

Включённость в сеть родственных связей может обеспечивать не только имущественные трансферты, но и доступ к объектам в качестве пользователей. Данные ВОДПФ позволяют говорить об этой опции только в отношении занимаемого жилья, но к 2024 г. порядка 8% домохозяйств занимали квартиру или дом, принадлежащие родственникам или знакомым, без арендной платы. Также в отношении только занимаемого жилья, которое стало собственностью членов домохозяйства в результате покупки или строительства, данные позволяют определить наличие финансовой помощи со стороны родственников (за две последние волны обследования): о ней сообщают порядка 6% домохозяйств.

Материалы полуструктурированных интервью с респондентами, проживающими в городах Новосибирской агломерации, детализируют данные ВОДПФ. Набор способов участия расширенной семьи в формировании индивидуального или семейного имущественного портфеля, проявившийся в данных интервью, укладывается в три названные группы: (1) трансфер объектов собственности, в дар или по наследству; (2) предоставление имущества в пользование и (3) финансовое участие в приобретении имущества. Предметом будущих исследований могут стать ожидания и нормы, которых придерживаются, когда иницируют, осуществляют, принимают или отвергают трансферты богатства. Материалы интервью показывают, что и трансферты собственности, и межпоколенные передачи денежных средств зачастую существуют в поле неформальных практик. Неформальность понимается здесь не как нарушение формальных правил, а как нерегистрируемость, отсутствие документального закрепления единства прав пользования и владения. Устные договорённости, основанные на доверии между родственниками, позволяют разделить эти составляющие прав собственности между разными субъектами. В этом плане родственные отношения могут размывать, дробить составляющие статуса собственника — владельца и пользователя.

Во-первых, важно идентифицировать и учитывать события, которые выступают триггерами подключения ресурсов родственников. Ресурсы части родственных сетей ограничены, имущественные или денежные трансферты на приобретение имущества могут осуществляться только при отделении выросших детей из родительской семьи. В других случаях ресурсов, прежде всего денежных, хватает на периодическое спонсирование новых имущественных приобретений младшего поколения.

Во-вторых, на данных ВОДПФ мы видим, что среди домохозяйств, занимающих жильё, которое принадлежит как членам домохозяйства, так и другим лицам, высока доля тех, кто приватизировал своё жильё (56% против 37% среди всех домохозяйств в 2024 г.). Материалы интервью предлагают в качестве одного из объяснений распространённости практики совладения жильём тех, кто в нём живёт, и тех, кто

в нём не живёт, то обстоятельство, что во время бесплатной приватизации жилья родители включали детей в состав собственников, закрепляя за ними долю. Повзрослев и став жить отдельно, эти дети-«долевики» остались номинальными совладельцами жилья, в котором продолжают жить родители.

У исследования есть ряд явных как контролируемых, так и не контролируемых нами ограничений, которые определяют полученные результаты как высвечивающие лишь фрагменты в картине межпоколенных трансфертов экономических ресурсов в российских семьях. Но это, на наш взгляд, результаты не обесценивает, так как получение даже фрагментарных знаний о новом для отечественного общества объекте исследования важно, как и совершенствование дизайнов и инструментов его изучения, исходя из рефлексии в отношении влияния ограничений на результаты.

Как ограничение качественной части исследования отметим, что нашими информантами были исключительно городские жители, а значит, мы не могли в полной мере учесть специфику трансферта сельских активов, прежде всего земли. Скорее всего, из поля зрения в этом случае могли выпасть, к примеру, особенности распоряжения наследством в виде паёв в коллективных наделах, так как приватизация бывшей колхозной земли в 1990-е гг. происходила в такой форме. Также мы намеренно в контексте семейных отношений не уделяли в данном исследовании внимание брачным отношениям, касаясь их лишь в той мере, в какой брак представителей младшего поколения выступает событием, связанным с отделением от родительской семьи и подталкивающим родителей поделиться с молодыми экономическими активами.

Так получилось, что дискурсы собственности, проявленные в интервью, преимущественно беспроblemные, бесконфликтные: информанты рассказывают о «положительном» богатстве, нам не встретились упоминания наследования долгов, мало упоминаний о конфликтах, напряжённых ситуациях между родственниками по поводу собственности (исключение в наших примерах — получение по наследству части квартиры, совладелец которой, по мнению респондента, не выполняет финансовые обязательства по её содержанию; получение дочерью через суд наследства отца, который был в разводе с её матерью; категорическое отклонение респонденткой предложения родителей купить ей жильё). Возможно, конфликтные ситуации — это сюжеты умолчания в разговорах о собственности в формате биографического повествования, и, чтобы получить о них информацию, нужно в гайд интервью включить специальные вопросы или для их изучения стоит обратиться к другим источникам (например, к данным юридической статистики).

Что касается количественных данных ВОДПФ, основное их ограничение — невозможность однозначно идентифицировать, представители каких поколений выступают донорами и реципиентами ресурсов, формирующих нефинансовое богатство домохозяйств; в формулировках вопросов «родственники» фигурируют без поколенческой конкретизации. Судить об «узлах» в сети семейных отношений, в которой циркулируют объекты нефинансового богатства или денежные средства на их приобретение, мы могли в данном исследовании только по материалам полуструктурированных интервью.

Заключение

Более трёх десятилетий назад государство, введя право частной собственности, резко изменило правила игры и свою роль в обеспечении домохозяйств если не всеми объектами собственности, то, точно, жильём. Автомобили перестали быть дефицитом, а частные лица получили право приобретать не только легковые автомобили, но и другой автотранспорт; предметом купли-продажи стали не только дома в частном секторе, но и городские квартиры в многоквартирных домах, которые в советской социалистической экономике были предметом «дачи-получения» или обмена; самые кардинальные изменения произошли в отношении земли, которая в советской экономике в принципе не могла быть соб-

ственностью населения. Проведя приватизацию жилья, земли, производственных активов в середине 1990-х гг., государство лишь в конце первого десятилетия 2000-х гг. стало активно проявлять себя на рынках объектов собственности, но не как их источник, а как регулятор доступа к ним: участие населения в решении проблемы низкой рождаемости, в освоении «дальневосточных и арктических гектаров» и других значимых для государства проектов вознаграждалось целевыми деньгами или облегчением финансовой нагрузки, связанной с приобретением жилья, автомобилей, земельных участков.

Как показывают результаты, представленные в статье, россияне демонстрируют принятие замещения расширенной семьей тех функций, которые когда-то частично выполняло государство. За тысячами квадратных метров строящегося жилья, миллионами рублей авто- и ипотечных кредитов, тысячами сделок по купле-продаже объектов собственности, которые видны из данных статистики, стоят решения и действия отдельных людей и нуклеарных семей, которые принимаются и реализуются с опорой на экономические ресурсы расширенной семьи.

Безусловно, семья, понимаемая широко, это значимый социальный феномен в определении шансов индивида на экономическое благополучие. Тот факт, что россияне в опросах общественного мнения и по реальным практикам, которые отражены в материалах репрезентативных национальных исследований или в собранных нами интервью, выражают готовность поддерживать и по мере возможности поддерживают межпоколенный обмен экономическими ресурсами, включая объекты собственности, свидетельствует, что в нашем обществе у населения формируется понимание значимости собственности не только для себя в текущем моменте или как страховки во время экономических потрясений и поддержки уровня потребления, когда в старости уменьшится поток доходов, но и для обеспечения экономического благополучия последующих поколений семьи. Это можно рассматривать как ответственное распоряжения экономическими ресурсами внутри семьи, формирование внутри семьи среды для освоение финансовой и инвестиционной грамотности, укрепление домохозяйства в статусе собственника.

Акцентируя семейный контекст формирования нефинансового богатства, мы представили лишь оценки масштабов и способы вовлеченности во внутрисемейные имущественные трансферты. Предметами будущих исследований могут быть мотивация их осуществления, дифференциация характеристик трансфертов в зависимости от экономических статусов доноров и реципиентов, имущественные отношения между родственниками одного поколения и многое другое.

Литература

- Агафонов Ю. Г., Лепеле В. Р. 2016. «Золотые двери» в российскую бизнес-элиту: рекрутирование и изменение структуры крупного предпринимательства в постсоветской России. *Мир России. Социология. Этнология*. 25 (3): 97–125.
- Агеев Д., Климов И. 2021. Опыт преемственности глазами «первого» и «второго» поколения. В цикле публикаций: Портрет владельцев капитала в России – 2021. 1. М.: Центр управления благосостоянием Московской школы управления Сколково. Электронный ресурс [код доступа]: <https://www.skolkovo.ru/researches/opyt-preemstvennosti-glazami-pervogo-i-vtorogo-pokoleniya> (дата обращения: 26 августа 2025 г.).
- Барсукова С. Ю. 2003. Сетевая взаимопомощь российских домохозяйств: теория и практика экономики дара. *Мир России. Социология. Этнология*. 12 (2): 81–122.
- Барсукова С. Ю. 2005. Сетевые обмены российских домохозяйств: опыт эмпирического исследования. *Социологические исследования*. 8: 34–45.

- Богомоллова Т. Ю., Черкашина Т. Ю. 2018. Институционально-экономический контекст формирования нефинансового богатства российских домохозяйств: от приватизации к приобретению. *Мир России. Социология. Этнология*. 27 (2): 62–89.
- Богомоллова Т. Ю., Черкашина Т. Ю. 2020. Стратификация по нефинансовому богатству российских домохозяйств: высота, профиль, детерминанты. *Мир России. Социология. Этнология*. 29 (4): 6–33.
- Вайс Х. 2021. *Мы никогда не были средним классом. Как социальная мобильность вводит нас в заблуждение*. Перев. с англ. Н. Проценко; под науч. ред. А. Смирнова. М.: Изд. дом ВШЭ.
- Гладникова Е. В. 2009. Ключевые стратегии участия и типология российских домохозяйств в межсемейных обменах. *Препринт WP4/2009/05*. М.: Изд. дом ВШЭ.
- Кейнс Дж. 2021. *Общая теория занятости, процента и денег*. Перев. с англ. Н. Любимова. М.: АСТ.
- Кобыща В. В., Новокрещенов М. В., Шепетина К. Ю. 2022. Жилищные траектории. Обзор зарубежных и российских исследований. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 1: 348–383.
- Мареева С. В., Слободенюк Е. Д. 2024. Сверхбогатые в России: состав и динамика группы. *Мир России. Социология. Этнология*. 33 (1): 29–55.
- Миронова А. А. 2014. Родственная межпоколенная солидарность в России. *Социологические исследования*. 10: 136–142.
- Овчарова Л., Прокофьева Л. 2000. Бедность и межсемейная солидарность в России в переходный период. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 4: 23–31.
- Радаев В. В. 2020. Раскол поколения миллениалов: историческое и эмпирическое обоснование. (Первая часть.) *Социологический журнал*. 26 (3): 30–63.
- Римашевская Н. М., Оников Л. А. (отв. ред.). 1991. *Народное благосостояние: Тенденции и перспективы*. М.: Наука.
- Рождественская Е. Ю. 2019. Преемственность бизнеса и благосостояния как новая опция социальной мобильности в российском контексте. В кн.: Семёнова В. В., Черныш М. Ф., Сушко П. Е. (отв. ред.) *Социальная мобильность в усложняющемся обществе: объективные и субъективные аспекты*. М.: ФНИСЦ РАН; 164–184.
- Старикова М. М. 2015. Жилищный вопрос в межпоколенном контракте. *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. 6: 105–117.
- Шимпфёссл Э. 2022. *Безумно богатые русские. От олигархов к новой буржуазии*. Перев. с англ. И. Евстегнеевой. М.: Individuum.
- Adkins L., Cooper M., Konings M. 2022. The Asset Economy: Conceptualizing New Logics of Inequality. *Distinktion: Journal of Social Theory*. 23 (1): 15–32.
- Arundel R., Ronald R. 2021. The False Promise of Homeownership: Homeowner Societies in an Era of Declining Access and Rising Inequality. *Urban Studies*. 58 (6): 1120–1140.

- Australian Government's Productivity Commission. 2021. *Wealth Transfers and Their Economic Effects*. Research paper. Canberra. Available at: <https://www.pc.gov.au/research/completed/wealth-transfers/wealth-transfers.pdf> (accessed 26 August 2025).
- Bohle D., Seabrooke L. 2020. From Asset to Patrimony: The Re-Emergence of the Housing Question. *West European Politics*. 43 (2): 412–434.
- Boileau B., Sturrock D. 2023. *What Drives the Timing of Inter-Vivos Transfers?* WP 23/09. London: Institute for Fiscal Studies. Available at: <https://ifs.org.uk/publications/what-drives-timing-inter-vivos-transfers> (accessed 26 August 2025).
- Central Statistics Office of Ireland. 2022. *Intergenerational Transfer of Wealth 2020*. Available at: <https://www.cso.ie/en/releasesandpublications/ep/p-itw/intergenerationaltransferofwealth2020/keyfindings/> (accessed 26 August 2025).
- Doling J., Ronald R. 2010. Home Ownership and Asset-Based Welfare. *Journal of Housing and the Built Environment*. 25 (2): 165–173.
- Feiveson L., Sabelhaus J. 2018. How Does Intergenerational Wealth Transmission Affect Wealth Concentration? *FEDS Notes*. June 1. Washington: Board of Governors of the Federal Reserve System. Available at: <https://doi.org/10.17016/2380-7172.2209> (accessed 26 August 2025).
- Flynn L. B., Schwartz H. M. 2017. No Exit: Social Reproduction in an Era of Rising Income Inequality. *Politics & Society*. 45 (4): 471–503.
- Forrest R., Hirayama Y. 2018. Late Home Ownership and Social Restratisation. *Economy and Society*. 47 (2): 257–279.
- Gritti D., Cutuli G. 2021. Brick-by-Brick Inequality. Homeownership in Italy, Employment Instability and Wealth Transmission. *Advances in Life Course Research*. 49: 100417. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.alcr.2021.100417> (accessed 26 August 2025).
- Leitner S. 2016. Drivers of Wealth Inequality in Euro Area Countries: The Effect of Inheritance and Gifts on Household Gross and Net Wealth Distribution Analysed by Applying the Shapley Value Approach to Decomposition. *European Journal of Economics and Economic Policies: Intervention*. 13 (1): 114–136.
- Modigliani F. 1988. The Role of Intergenerational Transfers and Life Cycle Saving in the Accumulation of Wealth. *Journal of Economic Perspectives*. 2 (2. Spring): 15–40.
- Morelli S. et al. 2021. Inheritance, Gifts and the Accumulation of Wealth for Low-Income Households. *Journal of European Social Policy*. 31 (5): 533–548.
- Nolan B. et al. 2022. Intergenerational Wealth Transfers in Great Britain from the Wealth and Assets Survey in comparative perspective. *Fiscal Studies*. 43 (2): 179–199.
- Ronald R., Arundel R. 2023. What about Families, Housing and Property Wealth in a Neoliberal World? *International Journal of Housing Policy*. 23 (4): 847–854.
- Ronald R., Lennartz C., Kadi J. 2017. What Ever Happened to Asset-Based Welfare? Shifting Approaches to Housing Wealth and Welfare Security. *Policy & Politics*. 45 (2): 173–193.

- Schwartz H., Seabrooke L. 2008. Varieties of Residential Capitalism in the International Political Economy: Old Welfare States and the New Politics of Housing. *Comparative European Politics*. 6 (3): 237–261.
- Smith T. J. 2023. *The Greatest Wealth Transfer in History Is Here, With Familiar (Rich) Winners*. Available at: <https://www.nytimes.com/2023/05/14/business/economy/wealth-generations.html> (accessed 26 August 2025).
- Stephens M., Lux M., Sunega P. 2015. Post-Socialist Housing Systems in Europe: Housing Welfare Regimes by Default? *Housing Studies*. 30 (8): 1210–1234. doi: [10.1080/02673037.2015.1013090](https://doi.org/10.1080/02673037.2015.1013090)
- Twenge J. M. 2023. *Generations: The Real Differences Between Gen Z, Millennials, Gen X, Boomers, and Silents — and What They Mean for America's Future*. New York: Atria Books.

NEW TEXTS

Tatyana Cherkashina, Tatyana Bogomolova

Transfers of Economic Resources within the Family as a Source of Formation of Non-Financial Wealth of the Population in Russia

CHERKASHINA, Tatyana

Yu. — Candidate of Sciences (Sociology), Leading Researcher, the Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; Head of the Department of General Sociology, Novosibirsk State University. Address: 1 Pirogov str., 630090, Novosibirsk, Russian Federation.

Email: touch@nsu.ru

BOGOMOLOVA, Tatyana Yu. —

Candidate of Sciences (Sociology), Dean of the Faculty of Economics, Novosibirsk State University. Address: 1 Pirogov str., 630090, Novosibirsk, Russian Federation.

Email: bogtan@rambler.ru

Abstract

In the post-Soviet period, Russian households have become owners of financial and non-financial assets on a massive scale, i.e. they have accumulated (albeit unevenly) wealth that can be passed on by inheritance or as a gift to subsequent generations. The study focuses on intra-family intergenerational transfers of accumulated economic resources, a new object of study for Russian social science. The objectives of the study are: a) to assess the scale and dynamics of involvement of Russian households in intra-family transfers of economic resources and b) to structure and describe the ways in which the extended family participates in forming the property portfolio of individuals and/or households. To solve the first problem, the data from the All-Russian Household Survey on Consumer Finances for 2013–2024 are used, and to solve the second problem, the materials of semi-structured interviews with city residents, mainly from the Novosibirsk agglomeration, conducted in 2023–2024 are used. The theoretical and methodological foundation of the study was formed by publications of foreign scientists on the involvement of households in intergenerational wealth transfers, the process of re-familialization, reflecting the growing role of the extended family in the formation of economic security of younger generations in modern conditions.

Analysis of the All-Russian Household Survey on Consumer Finances data revealed that over the past decade, despite the positive dynamics of the involvement of Russian households in intergenerational transfers of economic resources, the latter, as in other countries, are not a widespread source of formation of the household property portfolio: in each year at the time of the survey, no more than a quarter of households (26.7% in 2024) owned at least one residential property or land plot received by inheritance or as a gift. The transfer of non-financial assets by inheritance is a more frequent type of transfer than a gift, and the main transferred asset is housing. In addition to the direct transfer of property, practices of facilitating the formation of household property in the extended family include providing housing to relatives for rent-free residence in order to accumulate savings and acquire non-financial assets (approximately 8% of households occupy housing without rent that does not belong to them, but to relatives or acquaintances), and using financial resources of relatives received as a gift or inheritance to purchase (or build) housing and other assets.

Based on the interviews, a chain of interrelated phenomena was traced — “an event that acts as a trigger for an economic transfer – a method for implementing the transfer — a result of (non-)acceptance of the transfer”, empirical representatives of each element of this chain were determined. A variant of the contour of the

mechanism of influence of intra-family intergenerational transfers of economic resources on the formation of non-financial wealth of the household is presented.

Keywords: non-financial wealth; wealth transfers; property; family; intergenerational transfers; inheritance.

Acknowledgements

The article contains the results of a study supported by the Russian Science Foundation, project 23-28-01171 “Non-Financial Wealth of Russians: ‘Biography’ of Property and Owners”. The authors express their gratitude to their colleagues on the project who participated in the collection and processing of primary data for this study — Kristina Moshkova and Anna Nenasheva.

References

- Adkins L., Cooper M., Konings M. (2022) The Asset Economy: Conceptualizing New Logics of Inequality. *Distinktion: Journal of Social Theory*, vol. 23, no 1, pp. 15–32.
- Agafonov Y., Lepele V. (2016) “Zolotye dveri” v rossiyskuyu biznes-elitu: rekrutirovanie i izmenenie struktury krupnogo predprinimatelstva v postsovetskoy Rossii [The “Golden Doors” to Russian Business Elite: The Recruitment Process and the Structural Transformation of Large-scale Business in Post-Soviet Russia]. *Universe of Russia = Mir Rossii*, vol. 25, no 3, pp. 97–125 (in Russian).
- Ageev D., Klimov I. (2021) Opyt preemstvennosti glazami “pervogo” i “vtorogo” pokoleniya [Experience of Succession through the Eyes of the “First” and “Second” Generation]. *Portret vladeltsev kapitala v Rossii – 2021* [Portrait of Capital Owners in Russia – 2021], iss. 1. Moscow: Wealth Management Center of the Skolkovo Moscow School of Management. Available at: <https://www.skolkovo.ru/researches/opyt-preemstvennosti-glazami-pervogo-i-vtorogo-pokoleniya> (accessed 21 February 2025) (in Russian).
- Arundel R., Ronald R. (2021) The False Promise of Homeownership: Homeowner Societies in an Era of Declining Access and Rising Inequality. *Urban Studies*, vol. 58, no 6, pp. 1120–1140.
- Australian Government’s Productivity Commission. (2021) *Wealth transfers and their economic effects. Research paper*. Canberra. Available at: <https://www.pc.gov.au/research/completed/wealth-transfers/wealth-transfers.pdf> (accessed 10 November 2024).
- Barsukova S. Yu. (2003) Setevaya vzaimopomoshch rossiyskikh domokhozyaystv: teoriya i praktika ekonomiki dara [Network Mutual Aid of Russian Households: Theory and Practice of Gift Economy]. *Universe of Russia = Mir Rossii*, vol. 12, no 2, pp. 81–122 (in Russian).
- Barsukova S. Yu. (2005) Setevye obmeny rossiyskikh domokhozyaystv: opyt empiricheskogo issledovaniya [Network Exchanges of Russian Households: An Empirical Study]. *Sociological Studies = Sotsiologicheskie Issledovaniia*, no 8, pp. 34–45 (in Russian).
- Bogomolova T., Cherkashina T. (2018) Institutsionalno-ekonomicheskii kontekst phormirovaniya nephinansovogo bogatstva rossiyskikh domokhozyaystv: ot privatizatsii k priobreteniyu [The Institutional and Economic Context of the Formation of Non-financial Wealth in Russian Households: From Privatization to Acquisition]. *Universe of Russia = Mir Rossii*, vol. 27, no 2, pp. 62–89 (in Russian).

- Bogomolova T., Cherkashina T. (2020) Stratifikatsiya po nefinansovomu bogatstvu rossiyskikh domokhozyaystv: vysota, profil, determinanty [The Stratification of Russian Households by Non-financial Wealth: Volume, Structure and Correlates]. *Universe of Russia = Mir Rossii*, vol. 29, no 4, pp. 6–33 (in Russian).
- Bohle D., Seabrooke L. (2020) From Asset to Patrimony: The Re-Emergence of the Housing Question. *West European Politics*, vol. 43, no 2, pp. 412–434.
- Boileau B., Sturrock D. (2023) *What Drives the Timing of Inter-Vivos Transfers?* WP 23/09. London: Institute for Fiscal Studies. Available at: <https://ifs.org.uk/publications/what-drives-timing-inter-vivos-transfers> (accessed 10 November 2024).
- Central Statistics Office of Ireland. 2022. *Intergenerational Transfer of Wealth 2020*. Available at: <https://www.cso.ie/en/releasesandpublications/ep/p-itw/intergenerationaltransferofwealth2020/keyfindings/> (accessed 11 November 2024).
- Doling J., Ronald R. (2010) Home Ownership and Asset-Based Welfare. *Journal of Housing and the Built Environment*, vol. 25, no 2, pp. 165–173.
- Feiveson L., Sabelhaus J. (2018) How Does Intergenerational Wealth Transmission Affect Wealth Concentration? *FEDS Notes*, June 1, Washington: Board of Governors of the Federal Reserve System. Available at: <https://doi.org/10.17016/2380-7172.2209> (accessed 19 February 2025).
- Flynn L. B., Schwartz H. M. (2017) No Exit: Social Reproduction in an Era of Rising Income Inequality. *Politics & Society*, vol. 45, no 4, pp. 471–503.
- Forrest R., Hirayama Y. (2018) Late Home Ownership and Social Restratisation. *Economy and Society*, vol. 47, no 2, pp. 257–279.
- Gladnikova E. V. (2009) *Klyuchevye strategii uchastiya i tipologiya rossiyskikh domokhozyaystv v mezhsemeynykh obmenakh* [Key Strategies of Participation and Typology of Russian Households in Interfamily Exchanges]. Preprint WP4/2009/05, Moscow: HSE Publishing House (in Russian).
- Gritti D., Cutuli G. (2021) Brick-by-Brick Inequality. Homeownership in Italy, Employment Instability and Wealth Transmission. *Advances in Life Course Research*, vol. 49, art. 100417.
- Keynes J. (2021) *Obshchaya teoriya zanyatosti, protsenta i deneg* [The General Theory of Employment, Interest and Money] (transl. N. Lyubimova), Moscow: AST Publishing House (in Russian).
- Kobyshcha V. V., Novokreshchenov M. V., Shepetina K. Y. (2022) Zhilishchnye traektorii. Obzor zarubezhnykh i rossiyskikh issledovaniy [Housing Trajectories. Review of Foreign and Russian Studies]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes = Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i social'nye peremeny*, no 1, pp. 348–383 (in Russian).
- Leitner S. (2016) Drivers of Wealth Inequality in Euro Area Countries: The Effect of Inheritance and Gifts on Household Gross and Net Wealth Distribution Analysed by Applying The Shapley Value Approach to Decomposition. *European Journal of Economics and Economic Policies: Intervention*, vol. 13, no 1, pp. 114–136.

- Mareeva S. V., Slobodenyuk E. D. (2024) Sverkhbogatye v Rossii: sostav i dinamika gruppy [The Super-Rich in Russia: Dynamics and Demographics]. *Universe of Russia = Mir Rossii*, vol. 33, no 1, pp. 29–55 (in Russian).
- Mironova A. A. (2014) Rodstvennaya mezhpokolennaya solidarnost' v Rossii [Intergenerational Solidarity of Relatives in Russia]. *Sociological Studies = Sotsiologicheskie Issledovaniia*, no 10, pp. 136–142 (in Russian).
- Modigliani F. (1988) The Role of Intergenerational Transfers and Life Cycle Saving in the Accumulation of Wealth. *Journal of Economic Perspectives*, vol. 2, no 2, Spring, pp. 257–279.
- Morelli S., Nolan B., Palomino J. C., Van Kerm P. (2021) Inheritance, Gifts and the Accumulation of Wealth for Low-Income Households. *Journal of European Social Policy*, vol. 31, no 5, pp. 533–548.
- Nolan B., Palomino J., Van Kerm P., Morelli S. (2022) Intergenerational Wealth Transfers in Great Britain from the Wealth and Assets Survey in Comparative Perspective. *Fiscal Studies*, vol. 43, no 2, pp. 179–199.
- Ovcharova L., Prokofieva L. (2000) Bednost' i mezhsemeynaya solidarnost' v Rossii v perekhodnyy period [Poverty and Interfamily Solidarity in Russia During the Transition Period]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes = Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i social'nye peremeny*, no 4, pp. 23–31 (in Russian).
- Radaev V. V. (2020) Raskol pokoleniya millenialov: istoricheskoe i empiricheskoe obosnovanie (pervaya chast') [The Divide among the Millennial Generation: Historical and Empirical Justifications (Part one)]. *Sociological Journal = Sotsiologicheskii Zhurnal*, vol. 26, no 3, pp. 30–63 (in Russian).
- Rimashevskaya N., Onikov L. (eds) (1991) *Narodnoe blagosostoyanie: Tendentsii i perspektivy* [People's Well-Being: Trends and Prospects], Moscow: Nauka (in Russian).
- Ronald R., Arundel R. (2023) What about Families, Housing and Property Wealth in a Neoliberal World? *International Journal of Housing Policy*, vol. 23, no 4, pp. 847–854.
- Ronald R., Lennartz C., Kadi J. (2017) What Ever Happened to Asset-Based Welfare? Shifting Approaches to Housing Wealth and Welfare Security. *Policy & Politics*, vol. 45, no 2, pp. 173–193.
- Rozhdestvenskaya E. Yu. (2019) Preemstvennost' biznesa i blagosostoyaniya kak novaya optsiya sotsial'noy mobil'nosti v rossiyskom kontekste [Continuity of Business and Welfare as a New Option for Social Mobility in the Russian Context]. *Sotsial'naya mobil'nost' v uslozhnyayushchetsya obshchestve: obektivnye i subektivnye aspekty* [Social Mobility in an Increasingly Complex Society: Subjective and Objective Aspects] (eds. V. V. Semenova, M. F. Chernysh, P. E. Suchko), Moscow: Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, pp. 164–184 (in Russian).
- Schimpfössl E. (2022) *Bezumno bogatye russkie. Ot oligarkhov k novoy burzhuazii* [Crazy Rich Russians. From Oligarchs to the New Bourgeoisie] (transl. I. Evstegneevea), Moscow: Individuum (in Russian).
- Schwartz H., Seabrooke L. (2008) Varieties of Residential Capitalism in the International Political Economy: Old Welfare States and the New Politics of Housing. *Comparative European Politics*, vol. 6, no 3, pp. 237–261.

Smith T. J. (2023) *The Greatest Wealth Transfer in History Is Here, With Familiar (Rich) Winners*. Available at: <https://www.nytimes.com/2023/05/14/business/economy/wealth-generations.html> (accessed 6 November 2024).

Starikova M. M. (2015) Zhilishchnyy vopros v mezhpokolennom kontrakte [Housing Issue in Intergenerational Contract]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes = Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, no 6, pp. 105–117 (in Russian).

Stephens M., Lux M., Sunega P. (2015) Post-Socialist Housing Systems in Europe: Housing Welfare Regimes by Default? *Housing Studies*, vol. 30, no 8, pp. 1210–1234.

Twenge J. M. (2023) *Generations: The Real Differences Between Gen Z, Millennials, Gen X, Boomers, and Silents — and What They Mean for America's Future*, New York: Atria Books.

Weiss H. (2021) *My nikogda ne byli srednim klassom. Kak sotsialnaya mobilnost vvodit nas v zabluzhdenie* [We Have Never Been Middle Class. How Social Mobility Misleads Us] (transl. N. Protsenko; ed. A. Smirnov), Moscow: HSE Publishing House (in Russian).

Received: November 29, 2024

Citation: Cherkashina T., Bogomolova T. (2025) Transpherty ekonomicheskikh resursov vnutri semyi kak istochnik phormirovaniya nephinansovogo bogatstva naseleniya v Rossii [Transfers of Economic Resources within the Family as a Source of Formation of Non-Financial Wealth of the Population in Russia]. *Journal of Economic Sociology*, vol. 26, no 4, pp. 32–68. doi: [10.17323/1726-3247-2025-4-32-68](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2025-4-32-68) (in Russian).

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ

Франциска Зёргель

Эмоциональные драйверы инноваций: исследования моральной экономики прототипов (фрагмент)



ЗЁРГЕЛЬ, Франциска — доктор философии, постдок в Технологическом институте Карлсруэ. Адрес: Германия, 01069, г. Дрезден, Халльвашштрассе, д. 3.

Источник: Sörgel F. 2024. *Emotional Drivers of Innovation: Exploring the Moral Economy of Prototypes*. Bielefeld: transcript Verlag (series: Science Studies).

Перев. с англ.

Публикуется с разрешения Издательства Института Гайдара.

Книга «Эмоциональные драйверы инноваций» доктора Франциски Зёргель написана на основе её диссертации, которую она защитила в Берлинском университете имени Гумбольдта. Центральный сюжет книги — о вызревании идеи, её развитии через эмоции и опыт, об особенностях биомедицинских технологий. В книге выдвигается тезис о том, что идеи и их последующая материализация — это выражение того, что человек чувствует и что его заботит в нём самом, в окружающей среде или же будущем, следствие его индивидуального опыта. Все эти взаимосвязи отражаются в том числе в биомедицинских технологиях.

Книга вносит вклад в исследования науки, анализируя взаимодействие различных дисциплин, нормы и убеждения, свойственные им, сам процесс их формирования. Равняясь на выдающихся учёных, автор показывает, что исследователи не являются бесстрастными агентами, но испытывают на себе влияние сложившихся структур, в которых они работают. В то же время книга вносит вклад в исследования технологий, поскольку в ней изучается генезис идей как прототипов в контексте их замысла, окружающего мира и структур, таких как инкубаторы, в которых эти идеи рождаются.

Журнал «Экономическая социология» публикует первую главу из книги — «Чуткость к новому» («The Sensitivity of The New»), в которой Ф. Зёргель раскрывает замысел исследования, а также подробно описывает структуру монографии.

Ключевые слова: инновации; предпринимательство; эмоции; материализация идей; моральная экономика; биомедицинские технологии.

I. Чуткость к новому

В этнографических исследованиях пространств предпринимательства и креативности, таких как мастерские, инкубаторы или лаборатории, я нередко встречала утверждения и объяснительные модели, нагруженные эмоциями. Но любопытно то, что авторы этих нарративов часто, судя по всему, уходят от сознательного признания их эмоциональной природы. Вместо этого свой опыт участники исследования описывают как *волшебные моменты, созерцание светлого будущего, процветающую корпоративную культуру или серендипные открытия*. Когда я задавала вопрос об эмоциональности процесса создания инноваций, респонденты колебались, выражали удивле-

ние и спрашивали, о каких именно эмоциях я говорю. Пожалуй, чаще всего респонденты уточняли: «Какого рода эмоции вы имеете в виду?». Они ожидали, что в ответ я заговорю о конкретных эмоциях, таких как страх, счастье или «печаль». В такие моменты удивляться приходилось обеим сторонам. Я собиралась исследовать эмоции, не ограничивая их заранее заданными категориями. Однако некоторые участники находили этот подход слишком абстрактным и выражали желание получить более конкретную теоретическую рамку. Впоследствии я оперативно перестроила и адаптировала мой подход.

Этот казус показателен для широкого исследовательского контекста, особенно в случае исследования роли эмоций как импакт-фактора. Для того чтобы разобраться с влиянием эмоций на инновации или на производство прототипов, оказалось очень важным погрузиться в процесс материализации, порой оказывающийся неуловимым. Заранее определённая рамка противоречила главной проблеме исследования, поскольку могла ненароком его ограничить. Ограничения, переводя разговор исключительно на то, что вписывается в установленные рамки, способны помешать участникам обсуждать то, что ретроспективно можно истолковать как эмоциональные аспекты.

Кроме того, этот казус указывает на сложности, скрывающиеся в исследовании эмоций, высвечивая более общую проблему. Несмотря на коллективный — потенциально — характер, эмоции часто переживаются субъективно, что затрудняет их научную оценку. Всё, что укоренено в субъективном опыте или внутренне сопротивляется объективации, исторически подвергалось дискредитации и отвергалось как нечто ненаучное. Научная объективация закрепляется в процессе рационализации и имеет долгую историю (см., например: [De Sousa 1987; Daston, Galison 2007]), что ещё больше затрудняет оценку эмоций. Как следствие, даже в процессе создания инноваций, который, по сути, является попыткой получения знания, участники процесса могут открыто не придавать большого значения эмоциональности, особенно если они следуют линейной — или считающейся таковой — траектории развития.

Пристальное изучение эмоций при производстве знания, такого как инновации, часто наталкивается на скептицизм, не получая серьёзного внимания. Этот скептицизм особенно ярко проявляется в области исследования инноваций, где принят количественный подход, как у экономистов, или же с применением моделей, но не качественный. При этом в глаза бросается парадокс: участники рынка часто и настойчиво наделяют понятие «инновация» эмоциями, когда описывают его. Возникает поразительный разрыв: с одной стороны, те, кто участвует в производстве знания, могут на сознательном уровне не признавать эмоции или же признавать их, лишь сделав усилие над собой. С другой стороны, они сознательно оперируют и манипулируют эмоциями, когда занимаются маркетингом своих новых продуктов. Эти амбивалентные наблюдения подвели меня к формулировке главного вопроса моего исследования: *в какой степени при материализации идеи имеют значение эмоции участников-акторов, то есть как эти эмоции формируют моральную экономию, указывающую на новые представления об обществе, в котором рождается прототип?*¹

Таким образом, в этой книге исследуются многообразные способы коммуникации, ставшие неотъемлемой частью процесса создания прототипа, начиная с его замысла. Главный акцент делается на эмоциях акторов, которые они испытывают в ходе разработки. Вызревание идеи потенциальной инновации, как правило, связано с проблемой, существующей в повседневной жизни, и основано на специфическом опыте. В исследовании я внимательно прослеживаю рождение идеи, полагая, что она по самой своей природе с самого начала конституирована эмоционально. Теоретический аппарат предполагает, что взаимодействие *опыта* и *воображения*, манифестированное в рефлексивной форме интеракции, рождает *эмоцию*. Однако установить точную последовательность того, что чему предшествует — опыт воображению или наоборот, оказывается непросто. Акт осознанного восприятия, наблюдения и запо-

¹ О месте или форуме для переговоров по поводу прототипов см. главу 3. — *Примеч. автора.* [Далее в книге автор показывает, что слово *есопоту* в исходном смысле (как и рынок) подразумевает место или форум для обмена. — *Примеч. ред.*]

минания опыта в повседневной жизни порождает эмоциональный отклик у изобретателей, помогая им придумывать потенциальные решения. Таким образом, возникает триада, включающая *опыт*, *воображение* и *эмоции*, переплетающиеся друг с другом и взаимозависимые, хотя и не связанные линейной временной последовательностью.

В силу того, что в инкубаторе или производственном пространстве задействованы дополнительные акторы и члены команды, движение от замысла или идеи к циркуляции прототипа становится коллективным. Все участники, как правило, имеют собственные ожидания, сформированные опытом, то есть они приносят эмоциональное настроение, образующее подводное течение в различных процессах и переговорах в рамках итеративных циклов разработки прототипов. Значение этих ожиданий состоит в том, что они могут подсказать убедительные гипотезы о способах развития паттернов оценки и категорий в инновационном процессе и при научных разработках. Более того, применение альтернативного подхода, учитывающего эмоционализацию процесса инноваций, позволяет добраться до альтернативных нарративов о мотивации инноваций. Вопреки распространённому нарративу о линейных путях развития, в этом исследовании подчёркиваются разрывы, возникающие и проявляющиеся в итеративных циклах и образующие важный аспект разработки инноваций. Эти разрывы поначалу проявляются через постепенную корректировку идеалов, осуществляющуюся в ходе концептуализации идеи, а затем разрастаются в разных направлениях.

Данное исследование направлено на полноценное изучение эмоций и командной динамики при помощи качественных этнографических методов, таких как включённое наблюдение, интервью, «проработки» (исследования на месте, связанные с интервью) и сравнительный анализ.

Для начала в главе 2 обсуждается методологический подход и то, как собирались и анализировались эмпирические данные, поскольку цитаты из индивидуальных интервью вносят вклад в теоретический раздел. Такой подход связывает теорию с эмпирикой, разъясняя, кто участвовал в данном исследовании и чьи слова цитируются.

Соответственно в разделе 2.1 обсуждается, как я получила доступ к самой области создания инноваций. В любом эмпирическом исследовании есть риск односторонности или предвзятости. Я не только стремилась избежать односторонности, но и озаботилась необходимостью учитывать множественность перспектив, существующих в области инновации, и пониманием множества специализированных языков, на которых говорят различные акторы. Эмпирическая работа требовала от меня поддержания взаимодействия с объектами исследования и гибкой позиции. Соответственно, я комбинировала приземлённую теорию с концепцией «метод-сборка» (*method assemblages*), предложенной Джоном Ло [Law 2004: 13], делая это для того, чтобы избежать строго классического методологического подхода. Такой метод поощряет в исследователе открытость, давая возможность фиксировать разные реалии и не отдавать приоритет специфическим точкам зрения. В связи с этим может создаться впечатление неупорядоченности [Law 2004: 18], которая тем не менее превращается в сложную мозаику при изображении целостной картины многообразных полей. Наконец, рефлексивный подход доказывает собственную ценность при отслеживании меняющихся нарративов одного и того же человека или разных нарративов об одном и том же артефакте. Это напряжённые, озадачивающие моменты, зачастую нагруженные эмоциями, и именно поэтому эти переходы так интересны для исследования. В разделе 2.3 я представляю эмпирические локации, в которых я проводила исследование. Первое такое место — это инкубатор, где мне удалось подробно познакомиться с двумя проектами — «Feety» и «Ellie», которые включали разработку физических прототипов.

Второе место — мастерская, в которой мне удалось взглянуть на общие структуры, а третье — креативное пространство, где используется иной подход к развитию идеи. Четвёртым местом стала извест-

ная компания, завоевавшая мировой рынок с одной инновацией. В заключение я пообщалась с одним инноватором, который также был частным инвестором, то есть играл две роли сразу. Все эти места и собеседники помогли мне понаблюдать и понять то, как возникают идеи, большинство из которых имело отношение к разработкам медицинской технологии. Хотя теоретические послышки выходят за рамки медицины или медицинских технологий, поскольку у медицинской практики есть неотъемлемый для неё аспект заботы, эмоциональные факторы здесь в некоторой степени присутствуют также, поэтому поначалу мне показалось, что именно в этой области будет легче отследить эмоции. Такая посылка оказалась полезной для формулирования исходных тезисов, но она не является необходимой для прослеживания истоков и общего развития идей.

Я провела этнографическое исследование идей и работы различных респондентов с использованием разных методов. Я брала интервью, наблюдала за респондентами на работе, когда это было возможно, фотографировала их действия и прототипы, просила их зарисовывать рабочие процессы.

Раздел 2.5 затрагивает проблемы рефлексивного отношения к исследуемому полю, с которыми я столкнулась до, во время и после исследования. Особенно примечательны вопросы конфиденциальности, характерные именно для области инноваций, и глобальный кризис, вызванный пандемией COVID-19, оказавшей существенное воздействие на моё исследование. Проблемы конфиденциальности и озабоченность тем, что посторонний исследователь случайно обнаружит инновационные идеи, вместе с пандемией, заставившей многие команды разработчиков изолироваться и работать дома или закрыть многие креативные пространства, создали для меня особые трудности и существенным образом ограничили возможности для сбора данных.

Глава 3 является вступительной теоретической частью данной книги. В ней подробно исследуется генезис идеи с феноменологической точки зрения. Главный вопрос — взаимодействие воображения, опыта и эмоций, достигающее кульминации в том, что я буду называть «моральная экономия». Эта концепция играет роль динамического места переговоров, ставшего ключевым для последующих процессов коллективного сотрудничества.

В выявлении истоков идеи, как оно описывается в разделе 3.1, воображение выступает критически важным фактором в формировании будущего, пространством, в котором развёртываются возможности изменения. Гипотезы и сценарии «что, если...» становятся средствами для изучения пространства воображения. Франц Brentano называет эту способность *психической силой*. Основываясь на его предфеноменологических гипотезах, данная работа разъясняет то, как воображение, фундированное в личном опыте, устанавливает взаимоотношения с миром. Это взаимодействие предполагает непрерывную динамику, в которой настоящее Я выступает посредником между прошлым Я и внешним миром. Brentano называет эту способность соотносить себя с чем-то, находящимся одновременно внутри и вовне, *интенциональностью*. Физическое существование объекта отступает на задний план в сравнении с его ментальным существованием: благодаря воображению объект становится реальным. Оно выпускает на волю креативные силы, которые имеют ключевое значение для развития идеи, а опыт выполняет роль поддержки в высвобождении сил воображения.

Соответственно, раздел 3.2 касается вопроса происхождения идей и точки пересечения между опытом и креативностью, опираясь на прагматические подходы Уильяма Джеймса и Джона Дьюи. Эти подходы интегрируют чувства в широкий контекст мысли и действия, преодолевая дуализм объекта и субъекта через радикальный эмпиризм. Создав целостную картину тела и его среды, Дьюи подчеркнул значение чувственных или субъективных аспектов. Согласно Дьюи, сознательный опыт материализуется в активном взаимодействии с миром, питающем сознательную деятельность и творчество. Повседневные действия получают у прагматиков приоритет, выступая плодотворной почвой, из которой вырастают идеи.

Далее, в разделе 3.3, я обращаюсь к проблеме зарождения эмоций в интеракции с созданным артефактом и их последующей передаче. Эмоции как неотъемлемая часть наших способов коммуникации оказывают влияние на процессы производства знания в коммуникативной сфере; это влияние выходит за границы индивидуальных событий и распространяется на коллективные аспекты. Основываясь на фундаментальной послылке о том, что коммуникация по сути своей является межличностной, этот раздел объясняет проблематику инкорпорации артефактов в сложную динамику коммуникации. Артефакты принимают в этом случае роль экранов для проекции, помогая выражать и оценивать эмоции, возникающие у взаимодействующих субъектов. В контексте исторической траектории изучения эмоций в научном дискурсе обнаруживается важное явление: «научная самость» [Daston, Galison 2007: 191 ff] приобретает агентность в коммуникативной сети, внося активный вклад в порождение знания путём опосредования чувств, допущений и опыта. Эмоции, исторически из научных занятий исключаемые, претерпевают трансформативный сдвиг, когда в начале XX века совершается лингвистический поворот. Прагматики XX века сыграли ключевую роль в повышении статуса эмоций в научной сфере. Такие дисциплины, как психология, занялись строгим научным исследованием эмоций, породив новые подходы, вытеснившие картезианский взгляд. Таким образом, эмоциям удалось избавиться от уничижительного ярлыка иррациональности и стать неотъемлемым предметом современных социологических исследований. Этот парадигматический сдвиг проложил путь к изучению «грамматики», заложенной в эмоциях — траектории, которая в моей работе используется для объяснения эмоциональности в области порождения идей и инноваций. Как следствие, созданный артефакт перерастает статус исключительно ментального конструкта, превращаясь в индивидуальную систему координат для изобретателя и активного агента в многообразной сети взаимодействующих друг с другом акторов. Он уже не ограничивается областью ментальных образов, но существует как материальная сущность, с которой ведутся переговоры и взаимодействие.

Переходя к кульминации раздела 3.4, мы рассматриваем трансформативное путешествие артефакта за рамки функции простого передатчика эмоций, когда он становится носителем ценностей. В рамках этих сложных процессов члены команды включаются в подробные переговоры друг с другом, обмениваясь не только знанием, но и определёнными взглядами на мораль. Те, кто в данный момент имеет дело с артефактом, становятся неотъемлемыми участниками процесса экономии, который превращается в оживлённую арену, где находят место их идеи, эмоции и суждения. Этот феномен, напоминающий то, что Лоррейн Дастон называет «моральная экономия» [Daston 1995], оказывает глубокое воздействие на научный пейзаж, на то, о чём думают учёные, определяя темы, которые они выбирают для исследования, влияя на протоколы решений и исследуемые объекты. Моральная экономия проясняет сложность выбора, который делают учёные, и позволяет ответить на ряд вопросов: почему отдаётся предпочтение определённым объектам? Какие объяснения пользуются доверием? Какие привычки и методы принимаются и культивируются? Подобные ориентиры служат своего рода компасом, высвечивая эмоциональное воздействие на ключевых акторов и позволяя увидеть то, что они воспринимают как релевантное. В сфере инноваций акторы, несмотря на разное происхождение и разные технические жаргоны, сходятся в коллективном разговоре, образуя единство в своей мультивселенной.

Изучение структур инноваций разворачивается во втором теоретическом сегменте данной книги (см. главу 4) с опорой на предшествующие исследования опыта, воображения и эмоций. Концептуализация инноваций как коллективного процесса, особенно в их практическом проявлении, требует изучения специальных мест, в которых практикуется изобретательство в соответствии с его общественным пониманием (см. раздел 4.1). Именно в этих пространствах сходятся вместе инновации, корпоративная культура и креативные культуры, создавая определённые ожидания. Сначала возникают индивидуальные ожидания, имеющие идеализирующий характер, затем они распространяются по разным креативным областям, подвергаясь дальнейшему уточнению. Идеализированная идея встречается с другими взглядами, становясь поверхностью для проецирования различных мыслей и желаний, ищущих реа-

лизации. Как только происходит эта экспансия, отношение к прототипу и его нарратив подвергаются трансформации. В разделе 4.2 речь пойдёт о происхождении идеи и её последующей эволюции, плотно вплетающей её в нарратив объекта. В этом путешествии артефакт остаётся поверхностью для проекций, принимая на себя желания, ожидания и видение будущего всё более широкой аудитории. Эти нарративы — нечто большее, чем просто техника донесения информации (*storytelling*); они исполняются и практикуются, пропитываются эмоциональными аспектами. Как правило, сосредоточенный вокруг той или иной проблемы из повседневной жизни, нарратив вводит эмоциональный компонент, превращая проблему в побуждение к действию, поиск решения. В этом контексте креативность возникает через представленную проблему и последующий призыв к действию. Примечательно, что нарратив последовательно функционирует как миф об основании, глубоко укоренившийся в эмоциональных коннотациях. Эти развивающиеся мифы наполнены символами, которые выходят за рамки чисто текстуального содержания. Акт передачи сообщения использует особый язык и следует установленным правилам, которые в индивидуальном порядке декодируются реципиентами, что неизбежно вызывает эмоции. Как следствие, инновационная идея расцветает только через свой нарратив, если только она соответствует духу времени.

Наконец, в процессе коллективной работы ценность подвергается сравнению, адаптации и экспансии (см. раздел 4.3). Когда артефакт помещается в рамку моральной экономики, вокруг него формируется коллективная сущность, превосходящая его роль простого передатчика идей и нарративов. Этот коллектив не только передаёт ценности, но и активно формирует общую мораль, охватывающую язык, обычаи и многое другое. Как указывалось выше, эти желания и идеи эмоциональны по самой своей сути, поскольку воплощают веру, определяющую то, как что-то должно манифестировать цель или скрытую ценность. Оценка ценности артефакта часто происходит в контексте успеха или неудачи. Однако категоризация успеха или неудачи оказывается практически неуловимой и непредсказуемой, что приводит к объяснениям через серендипность. Несмотря на то что потенциальное влияние везения или удачи меньше, чем принято считать, использование этих понятий многое объясняет. Вопреки распространённому убеждению, экспериментальные пространства при креативных средах, такие как инкубаторы, строго контролируются, что минимизирует роль удачи. В существующих исследованиях немало очевидных противоречий. Независимо от того, приписывается ей удача или нет, сфера инноваций остаётся загадочным чёрным ящиком, который мешает проникновению посторонних наблюдателей. Хотя места инноваций и воспринимаются как хрупкие и уязвимые, зачастую они непрозрачны, доступ к ним ограничен, поскольку предприниматели, которые ими распоряжаются, берегут их как зеницу ока. Эта намеренная закрытость создаёт дополнительные сложности для пристального изучения, превращая инновации в таинственную сферу. Сложная межличностная динамика в инновационных пространствах с их многочисленными градациями предоставляет увлекательные мотивы для исследования.

Эмпирическое исследование наполняет содержанием гипотезы, предложенные в теоретической части, приводя примеры (см. главы 5, 6, 7). В фокусе внимания оказываются данные для обоснования теоретических конструкторов. Исследование проводилось в разных средах, включая *инкубатор* биомедицинских технологий, *мастерскую* и *креативное пространство*. Дополнительно я провела наблюдения в известной *компании* и получила некоторые показательные данные от предпринимателя, который является одновременно инвестором и изобретателем. Специфический контекст связан с разработкой медицинской технологии и дополнен обширными отсылками к достижениям в области биомедицины.

В главе 5 анализируется развёртывание идей — их возникновение и эволюция; при этом идеализация оказывается реакцией на отнюдь не идеальные обстоятельства, образуя (моральную) цель и мотивацию (см. раздел 5.1). Идеи и мечты, понимаемые как формы воображения, нацелены на то, чтобы добиться чего-то большего и высокого. В лаборатории по изготовлению прототипов, которую я посетила во время сбора материалов, потенциальные сценарии трансформируются в утопическое видение изобрета-

телей, становясь областью для самореализации. Ориентация на будущее в мышлении, принимающем желаемое за действительное, не восприимчива к разочарованиям в силу того, что пока ещё не достигла завершенности. Утопия, возникающая в лабораториях, несёт двойной смысл: прототип трансформируется в воображаемую утопию для изобретателя, принимающего желаемое за действительное, а сама лаборатория оживает, становясь пространством для реализации возможностей; тем самым культивируется креативная среда, откликающаяся на дух времён.

В разделе 5.2 я обращаюсь к прагматической триаде «мыслить, чувствовать и действовать», акцентируя проблемно ориентированную креативность: проблема должна быть осознано воспринята, прежде чем начать поиски её решения. В данном случае осознанное восприятие — аналог *мышления*, а поиски решения — *действие* из указанной триады. И осмысление проблемы, и поиски её решения сопровождаются эмоциональными аспектами, которые в дальнейшем пробуждают *чувства*, завершающие триаду. В этой главе описан повседневный опыт, которым сотрудники инновационного медицинского инкубатора делились со мной. Осмысленное обнаружение проблем отражает их собственное исследование изобретательской среды.

В разделе 5.3 я анализирую в контексте опроса респондентов значение различных эмоций, которые создают внутреннюю мотивацию в инновационном процессе, иллюстрируемую заботами изобретателей, возникающими у них на базе их опыта. Инноваторы единодушно признавались, что цель их работы заключается прежде всего в том, чтобы своим изобретением что-то поменять, оказать позитивное воздействие на своё непосредственное окружение. Полученные данные указывают на повсеместное признание феномена действия, меняющего мир. В раздел 5.4 углубляется в аспект изобретения, связанный со стремлением оказать *моральное воздействие*. Мои респонденты рассказывали о том, как они ориентируются в себе и в своём окружении, используя понятия, связанные с заботой. Это касается не только медицинских технологий, но любой деятельности, стремящейся воздействовать на среду. Актеры разделяют убеждения, которые формируют их цели и верования, что позволяет сохранять мотивацию в течение долгого времени. Всё это вносит вклад в нарратив, с помощью которого актеры пытаются убедить, что они чего-то стоят и нужно в них инвестироваться или испытать их инновации.

В главе 6 в центре внимания находится проблема, возникающая при генерировании идей, которое пронизано эмоциональной интенсивностью, неоднозначно влияющей на принятие решений. Среди таких проблем — достижение консенсуса, «взращивание» в команде общих ценностей и роль доверия. В главе исследуются процессы редукции, когда отношение изобретателя, поначалу считающего свою идею безукоризненной, меняется в процессе коллективной деятельности.

В разделе 6.1 показано, что многие проблемы возникают из-за отсутствия общего языка внутри команды, выработка которого требуется для совместного труда и коммуникации. Это особенно трудно, если учесть, что члены команды имеют разное происхождение и специализируются в разных дисциплинах. Необходимо делиться опытом и полученными знаниями, а также вырабатывать общие цели ради установления общих ценностей. В этом контексте важнейшим уроком оказывается необходимость практиковать навыки общения.

В разделе 6.2 акцент смещается на другой аспект коллективной работы, когда субъекты с разными точками зрения стремятся преодолеть препятствия и сплотиться. Выработка «франкского языка» (*lingua franca*) может способствовать успеху коммуникации, но это также подчёркивает запутанность и сложность курса на единообразие. Данные о повседневной динамике инновационных пространств показывают, что проблемы непредсказуемы и рождаются вследствие множественности, заложенной в самом процессе коллективной работы.

В разделе 6.3 в центре внимания по-прежнему остаются процессы коллективного труда, но акцент делается на том, что преодоление конфликтов зависит от доверия между членами команды. Хрупкость «процессов поиска» становится очевидной в инкубаторах, поскольку обретение доверия играет жизненно важную роль в том, чтобы не сдаваться и совершенствоваться. Исследуются различные взгляды на доверие, особое внимание уделено деликатному характеру командной динамики в инкубаторах.

Раздел 6.4, последний в этой главе, посвящён опасностям потенциальной неудачи и механизму, помогающему справляться с ними. Этот механизм может быть охарактеризован фразой «Притворяйся, пока не получится». Респонденты поделились своими стратегиями убеждения других, даже в том случае, если идея кажется невероятной. Приведённая фраза, характеризующая механизм убеждения, глубоко укоренилась в качестве стратегии выживания, репрезентируя марафон запуска инноваций, в котором сохранение хорошей мины и представление потенциального успеха как уже достигнутого становятся в высшей степени важны для материализации успеха.

Глава 7 — последняя в книге. В ней рассматривается, как исходно идеализированный процесс инновации подвергается редукции из-за внешнего лицензирования (*out-licensing*). Интервьюируемые не только предоставляли свидетельства адаптации своих нарративов, но также демонстрировали, как эти нарративы нагружались эмоциями, для того чтобы повысить маркетинговую привлекательность продукта. В разделе 7.1 представлены конкретные примеры конфликтов, которых можно было избежать: они сфокусированы, в частности, на интеллектуальной собственности и на сложных вопросах, связанных с законным владением, интерпретаций и оценкой идей. Эти конфликты подчёркивают динамику оценки, появляющуюся при моральной экономии и ведущую к тому, что идеалы угасают по ходу работы над проектом.

В разделе 7.2 раскрываются вызовы, с которыми сталкивались некоторые респонденты, когда им требовалось отстаивать свои позиции, не соответствующие ожиданиям инвесторов. Когда цель инновации сформулирована и указано, какую потребность она покрывает, следующим шагом становится маркетинг, акцентирующий уникальность данной инновации. Тогда эмоции трансформируются в товар, создавая рынок, на котором открывается иная культура, имеющая чёткие иерархии.

В предпоследнем в книге разделе 7.3 рассматривается, как эмоции перестают быть предметом обмена внутри команды, инкубатора или со спонсорами, а становятся достоянием «перформанса» — истории, которую необходимо придумать для демонстрации своего продукта. Повествование раздела организовано вокруг инновационной идеи и создания ещё не завершённого артефакта, который ищет свой рынок и своего потребителя. В заключительном разделе 7.4 в фокусе внимания находятся процессы редукции и ставятся вопросы о разрывах, которые нарушают линейную траекторию разработки инновации, разворачиваясь при этом на эмоциональном уровне. Этот процесс отмечен всё большей деидеализацией разработки, когда происходит рационализация чувств, делающая продукт коммерчески успешным.

В этой книге я развиваю темы, заложенные исследователями социальных и гуманитарных наук, особенно относящиеся к исследованиям науки и технологий (Science and Technology Studies, STS). Прототип как артефакт в последнее десятилетие стал пользоваться всё большим вниманием в социальных науках как предмет для изучения (см., например: [Guggenheim 2010; 2014; Kelty, Jiménez, Marcus 2010; Nold 2018; Dickel 2019]). Цель таких исследований — рассмотреть прототип как эпистемический объект, то есть одновременно как материализованное обещание будущего и форму экспериментирования, заложенную в ещё незавершённой вещи. То же самое относится к понятиям «креативность» и «инновация», также привлёкшим значительное внимание. В сообществе «сделай сам», которое занято не только ремонтом, но и производством и щедро делится своими знаниями и опытом в Интернете,

концепция креативности приобрела на сегодняшний момент большое значение в литературе (см., например: [Florida 2004; Moultrie et al. 2007; Reckwitz 2017]). В этом контексте креативность все больше воспринимается как аффективно-чувственная деятельность, тесно связанная с созданием инноваций, которая служит обязательным условием для возникновения нового.

Однако установление того, что считать новым, не входит в компетенцию одних только инноваторов; в этом случае включается также процесс переговоров между ними и обществом. Термин «инновация» распространился повсюду и стал бездумно употребляться как учёными, так и предпринимателями, возможно, под давлением политиков, видящих в инновациях решение для крупных проблем [European Commission 2010; Pfotenhauer 2017]. Начиная с Йозефа Шумпетера, который впервые сделал это в 1911 г., и по настоящее время инновации, определяемые как «креативное разрушение» [Schumpeter 1942; Schumpeter, Röpke, Stiller 2006], снова и снова попадают в центр внимания. Учёные из разных областей исследовали инновации, изучая их социальный аспект, факторы успеха и воздействие на разные секторы [Curnow, Moring 1968; Briken 2006; Moultrie et al. 2007; John 2012; Godin 2017]. Даже предприниматели подчёркивают роль корпоративной культуры и радости от сотрудничества как факторов успеха.

STS, как правило, фокусируется на социальности технологических артефактов, критически исследуя и предсказывая социальные перемены. Однако этот анализ часто вращается вокруг фукианского понимания асимметрии власти в социально-материальных структурах (см., например: [Maasen 2019]), тем самым предлагается взгляд на структуры, но игнорируется содержание опыта. Исследования общества в различных областях, включая социальные науки, историю науки и социологию, всё больше подчёркивают эмоции, чувства и аффекты как предмет изучения [De Sousa 1987; Döveling, Scheve, Konijn 2010; Hochschild 2012; Illouz 2017; Krüger, Reinhart 2017]. И тем не менее эти элементы в качестве факторов технологического развития исследовались недостаточно.

Исследования коммуникативной функции прототипов в социальных и гуманитарных науках всё ещё новая область, поэтому моей книгой я внедряюсь в преимущественно малоисследованную академическую область и использую качественные методы для того, чтобы изучить пересечение инноваций и эмоций. Я внимательно рассматриваю нарратив об инновациях через призму циркулирующего прототипа с точки зрения открытости, периодически намечающейся в итеративных циклах, как то, что помогает исследовать процесс создания инноваций. Этот подход бросает вызов критической рационализации производства знаний в инновационных и научных исследованиях. Акцентируя эмоционализацию, моя работа ставит под вопрос существующие критерии и паттерны оценки, предлагая иной взгляд на процессы накопления знаний в инновационных разработках. Будучи сторонницей STS, я помещаю свою книгу в рамки теории оценки ответственных инноваций и технологии, раскрывая социальные механизмы, обуславливающие коннективность и освоение путей технологического развития. Моя работа проясняет, как проявляются разрывы в производстве инноваций и прототипы, в конечном счёте, согласуются со специфической рыночной логикой, внося вклад в реализацию и разыгрывание инновации, вместо того чтобы сохранять первоначальные общественные идеалы, которые в ходе разработки всё больше игнорируются. Такое альтернативное исследование, построенное на анализе эмоций, выявляет то, что подчёркивает общественные идеалы, и показывает, как они могут не приниматься во внимание.

Литература

- Briken K. 2006. Gesellschaftliche (Be-)Deutung von Innovation. In: Blättel-Mink B. (ed.) *Kompendium der Innovationsforschung* (1. Auflage ed.). Springer VS.; pp. 17–28.
- Curnow R. C., Moring G. G. 1968. 'Project Sappho': A Study in Industrial Innovation. *Futures*. 1 (2): 82–90. URL: [https://doi.org/10.1016/S0016-3287\(68\)80001-1](https://doi.org/10.1016/S0016-3287(68)80001-1).

- Daston L. 1995. The Moral Economy of Science. *Osiris*. 10 (1): 3–24.
- Daston L., Galison P. 2007. *Objectivity*. New York: Zone Books. См. также рус. перев.: Дастон Л., Галисон П. 2018. *Объективность*. М.: Новое литературное обозрение.
- De Sousa R. 1987. *The Rationality of Emotion*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Dickel S. 2019. *Prototyping Society — Zur vorausseilenden Technologisierung der Zukunft*. Bielefeld: transcript Verlag (series: Science Studies).
- Döveling K., Scheve C. von, Konijn E. 2010. *The Routledge Handbook of Emotions and Mass Media*. London: Routledge; Taylor & Francis Group.
- European Commission, E. 2010. *The 'Innovation Union' — Turning Ideas into Jobs, Green Growth and Social Progress*. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_10_1288.
- Florida R. L. 2004. The Rise of the Creative Class: And How it's Transforming Work, Leisure, Community and Everyday Life. New York: Basic Books. См. также рус. перев.: Флорида Р. 2007. *Креативный класс: люди, которые меняют будущее*. М.: Изд. дом «Классика-XXI».
- Godin B. 2017. Why is Imitation not Innovation? In: Godin B., Vinck D. (eds) *Critical Studies of Innovation: Alternative Approaches to the Pro-Innovation Bias*. Cheltenham; Camberley, UK; Northampton, MA: Edward Elgar Publishing; 17–32.
- Guggenheim M. 2010. The Long History of Prototypes. *Limn*. 1 (1). URL: <https://limn.press/article/the-long-history-of-prototypes/>.
- Guggenheim M. 2014. From Prototyping to Allotyping. *Journal of Cultural Economy*. 7 (4): 411–433. URL: <https://doi.org/10.1080/17530350.2013.858060>.
- Hochschild A. R. 2012. *The Managed Heart: Commercialization of Human Feeling*. Berkeley, CA: University of California Press. См. также рус. перев.: Хокшильд А. 2019. *Управляемое сердце. Коммерциализация чувств*. М.: Дело.
- Illouz E. (ed.) 2017. *Emotions as Commodities: Capitalism, Consumption and Authenticity*. Abington, UK: Routledge; Taylor & Francis Group.
- John R. 2012. Erfolg als Eigenwert der Innovation. In: Bormann I., John R., Aderhold J. (eds) *Innovation und Gesellschaft, Indikatoren des Neuen. Innovation als Sozialmethodologie oder Sozialtechnologie*. Heidelberg: Springer VS; 77–96. URL: <http://dx.doi.org/10.1007/978-3-531-94043-4>.
- Kelty C., Jiménez A. C., Marcus G. E. (eds) 2010. *Prototyping Prototyping. Anthropological Research on the Contemporary*. ARC Studio. Madrid: ARC Studio.
- Krüger A. K., Reinhart M. 2017. Theories of Valuation — Building Blocks for Conceptualizing Valuation between Practice and Structure. *Historical Social Research*. 42 (1): 263–285.
- Law J. 2004. *After Method: Mess in Social Science Research*. London; New York: Routledge; Taylor & Francis Group. См. также рус. перев.: Ло Дж. 2015. *После метода: беспорядок и социальная наука*. М.: Изд-во Института Гайдара.

- Maasen S. 2019. Digitale Technologien, ihr Unbewusstes, ihre Gesellschaft: Psychoanalyse als Gegenwissenschaft? In: Frick E., Hamburger A., Maasen S. (Hg.) *Psychoanalyse in technischer Gesellschaft. Streitbare Thesen*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht GmbH & Co. KG; 191–202. URL: https://www.vandenhoeck-ruprecht-verlage.com/downloads/productPreviewFiles/LP_978-3-525-40387-7.pdf?srsltid=AfmBOoo7MUGFdZxQE76qwBPPagdL7Va3fUdhq9GkyZurYGB27AuiCvxE.
- Moultrie J. et al. 2007. Innovation Spaces: Towards a Framework for Understanding the Role of the Physical Environment in Innovation. *Creativity and Innovation Management*. 16 (1): 53–65. URL: https://www.researchgate.net/publication/227659243_Innovation_Spaces_Towards_a_Framework_for_Understanding_the_Role_of_the_Physical_Environment_in_Innovation.
- Nold C. 2018. Turning Controversies into Questions of Design: Prototyping Alternative Metrics for Heathrow Airport. In: Marres N., Guggenheim M., Wilkie A. (eds) *Inventing the Social*. Manchester, UK: Mattering Press; 94–124.
- Pfotenhauer S. M. U. 2017. Innovation & Society: The Diversity of Innovation Practice. *EASST Review*. 36 (1): 33–36.
- Reckwitz A. 2017. *The Invention of Creativity: Modern Society and the Culture of the New* (trans. S. Black). Cambridge, UK; Malden, MA: Polity Press.
- Schumpeter J. A. 1942. *Capitalism, Socialism, and Democracy*. New York: Harper & Row.
- Schumpeter J. A., Röpke J., Stiller O. 2006. *Theorie der wirtschaftlichen Entwicklung* (Nachdruck der 1. Auflage von 1912 ed.). Berlin: Duncker & Humblot.

NEW TRANSLATIONS

Franziska Sörgel

Emotional Drivers of Innovation. Exploring the Moral Economy of Prototypes (excerpt)

Source: Sörgel F. (2024) *Emotional Drivers of Innovation. Exploring the Moral Economy of Prototypes*, Bielefeld: transcript Verlag (series: Science Studies).

SÖRGEL, Franziska —
Doctor of Philosophy,
Post-Doc, Institute for
Technology Assessment
and Systems Analysis
(ITAS), Karlsruhe Institute
of Technology. Address:
3 Hallwachsstraße str.,
Dresden 01069, Germany.

Abstract

This book, *Emotional Drivers of Innovation*, by Dr. F. Sörgel derives from her doctoral thesis, which she successfully defended at Humboldt-Universität zu Berlin in the summer of 2023. It focuses on how ideas originate and evolve through emotions and experience, particularly within biomedical technologies. It posits that ideas and their later materialisation are an expression of what one feels and cares about (as a result of individual experience), be it oneself, the environment, or the future and that this is a relationship that takes place in mutual dependence, whether in the context of biomedical technologies or beyond.

This book is situated within the realm of Science and Technology Studies and contributes to both. In the realm of Science Studies, this book examines the interplay of different disciplines and their inherent norms and beliefs in the act of fabrication. Following some eminent scholars, the author illustrates that researchers are not impartial agents but rather influenced by the established structures in which they operate. Simultaneously, this book contributes to Technology Studies by examining the genesis of ideas as prototypes within the context of their conception and the surrounding world and structures, such as incubators, into which these ideas are born.

Journal of Economic Sociology publishes the first chapter. “The Sensitivity of The New,” in which the author explains the main ideas of the research and describes in detail the structure of the monograph.

Keywords: innovations; entrepreneurship; emotions; materialization of ideas; moral economy; biomedical technologies.

References

- Briken K. (2006) Gesellschaftliche (Be-)Deutung von Innovation. *Kompendium der Innovationsforschung* (ed. B. Blättel-Mink), (1. Auflage ed.), Wiesbaden: Springer VS, pp. 17–28.
- Curnow R. C., Moring G. G. (1968) ‘Project Sappho’: A Study in Industrial Innovation. *Futures*, vol. 1, no 2, pp. 82–90. Available at: [https://doi.org/10.1016/S0016-3287\(68\)80001-1](https://doi.org/10.1016/S0016-3287(68)80001-1) (accessed 7 September 2025).
- Daston L. (1995) The Moral Economy of Science. *Osiris*, vol. 10, no 1, pp. 3–24.
- Daston L., Galison P. (2007) *Objectivity*, New York: Zone Books.
- De Sousa R. (1987) *The Rationality of Emotion*, Cambridge, MA: MIT Press.

- Dickel S. (2019) *Prototyping Society — Zur vorauseilenden Technologisierung der Zukunft*, Bielefeld: transcript Verlag (series: Science Studies).
- Döveling K., Scheve C. von, Konijn E. (2010) *The Routledge Handbook of Emotions and Mass Media*, London: Routledge; Taylor & Francis.
- European Commission, E. (2010) *The 'Innovation Union' — Turning Ideas into Jobs, Green Growth and Social Progress*. Available at: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_10_1288 (accessed 20 August 2025).
- Florida R. L. (2004) *The Rise of the Creative Class: And How it's Transforming Work, Leisure, Community and Everyday Life*, New York: Basic Books.
- Godin B. (2017) Why is Imitation not Innovation? *Critical Studies of Innovation: Alternative Approaches to the Pro-Innovation Bias* (eds. B. Godin, D. Vinck), Camberley, UK; Northampton, MA: Edward Elgar Publishing, pp. 17–32.
- Guggenheim M. (2010) The Long History of Prototypes. *Limn*, vol. 1, no 1. Available at: <https://limn.press/article/the-long-history-of-prototypes/> (accessed 7 September 2025).
- Guggenheim M. (2014) From Prototyping to Allotyping. *Journal of Cultural Economy*, vol. 7, no 4, pp. 411–433. Available at: <https://doi.org/10.1080/17530350.2013.858060> (accessed 7 September 2025).
- Hochschild A. R. (2012) *The Managed Heart: Commercialization of Human Feeling*, Berkeley, CA: University of California Press.
- Illouz E. (ed.) (2017) *Emotions as Commodities: Capitalism, Consumption and Authenticity*, Abington, UK: Routledge; Taylor & Francis Group.
- John R. (2012) Erfolg als Eigenwert der Innovation. *Innovation und Gesellschaft, Indikatoren des Neuen. Innovation als Sozialmethodologie oder Sozialtechnologie?* (eds. I. Bormann, R. John, J. Aderhold), Heidelberg: Springer VS, pp. 77–96. Available at: <http://dx.doi.org/10.1007/978-3-531-94043-4> (accessed 7 September 2025).
- Kelty C., Jiménez A. C., Marcus G. E. (eds) (2010) *Prototyping Prototyping. Anthropological Research on the Contemporary*. ARC Studio, Madrid: ARC Studio.
- Krüger A. K., Reinhart M. (2017) Theories of Valuation – Building Blocks for Conceptualizing Valuation between Practice and Structure. *Historical Social Research*, vol. 42, no 1, pp. 263–285.
- Law J. (2004) *After Method: Mess in Social Science Research*, London; New York: Routledge; Taylor & Francis Group.
- Maasen S. (2019) Digitale Technologien, ihr Unbewusstes, ihre Gesellschaft: Psychoanalyse als Gegenwissenschaft? *Psychoanalyse in technischer Gesellschaft Streitbare Thesen* (eds. E. Frick, A. Hamburger, S. Maasen), (1. Auflage ed.), Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht GmbH & Co. KG, pp. 191–202. Available at: https://www.vandenhoeck-ruprecht-verlage.com/downloads/productPreviewFiles/LP_978-3-525-40387-7.pdf?srsId=AfmBOoo7MUGFdZxQE76qwBPPagdL7Va3fUdhq9GkyZurYGB27AuiCvxE (accessed 7 September 2025).

- Moultrie J., Nilsson M., Dissel M., Haner U.-E., Janssen S., Van der Lugt R. (2007) Innovation Spaces: Towards a Framework for Understanding the Role of the Physical Environment in Innovation. *Creativity and Innovation Management*, vol. 16, no 1, pp. 53–65. Available at: https://www.researchgate.net/publication/227659243_Innovation_Spaces_Towards_a_Framework_for_Understanding_the_Role_of_the_Physical_Environment_in_Innovation (accessed 7 September 2025).
- Nold C. (2018) Turning Controversies into Questions of Design: Prototyping Alternative metrics for Heathrow Airport. *Inventing the Social* (eds. N. Marres, M. Guggenheim, A. Wilkie), Manchester, UK: Matter- ing Press, pp. 94–124.
- Pfotenhauer S. M. U. (2017) Innovation & Society: The Diversity of Innovation Practice. *EASST Review*, vol. 36, no 1, pp. 33–36.
- Reckwitz A. (2017) *The Invention of Creativity: Modern Society and the Culture of the New* (trans. S. Black), Cambridge, UK; Malden, MA: Polity Press.
- Schumpeter J. A. (1942) *Capitalism, Socialism, and Democracy*, New York: Harper & Row.
- Schumpeter J. A., Röpke J., Stiller O. (2006) *Theorie der wirtschaftlichen Entwicklung* (Nachdruck der 1. Auflage von 1912 ed.), Berlin: Duncker & Humblot.

Received: May 29, 2025

Citation: Sörgel F. (2025) Emotsionalnye drayvery innovatsiy: issledovaniya moralnoy ekonomii prototipov [Emotional Drivers of Innovation. Exploring the Moral Economy of Prototypes (excerpt)]. *Journal of Economic Sociology*, vol. 26, no 4, pp. 69–82. doi : [10.17323/1726-3247-2025-4-69-82](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2025-4-69-82) (in Russian).

РАСШИРЕНИЕ ГРАНИЦ

К. С. Анфимова, С. В. Бондарьков, Т. Ю. Бочаров, Е. М. Калинина, Д. А. Чистякова

Профессия арбитражного управляющего в России: роль типа должника в структурировании сообщества¹

АНФИМОВА Ксения Сергеевна — студентка программы профессиональной переподготовки «Фундаментальная социология» факультета социальных наук Московской высшей школы социальных и экономических наук. Адрес: 125009, Россия, г. Москва, Газетный переулок, д. 3–5, стр. 1.

Email: MSS2401047@universitas.ru

В статье рассматривается профессия арбитражных управляющих в России и её внутренняя стратификация в зависимости от типа должника. Долгое время управляющие занимались только корпоративным банкротством. Однако появление в 2015 г. института персонального банкротства изменило ситуацию. Опция освобождения от долговой нагрузки с помощью этого института быстро стала востребованной среди простых граждан, хотя они чаще всего не обладают имуществом, после реализации которого управляющие могли бы получить свой процент. В исследовании мы показываем, как эти особенности структурируют профессиональное сообщество. Так, социальные характеристики управляющих, специализирующихся на гражданах, значительно отличаются. В этой нише выше доля женщин, представителей регионов и начинающих специалистов с малым опытом. Размер вознаграждения на порядки ниже, чем в делах организаций. Соответственно отличаются и паттерны работы: дела часто ведутся в поточном режиме с меньшим количеством процессуальных действий. Исследование осуществлено на стыке социологии профессий, социологии права и экономической социологии. Его эмпирическую базу составили дезагрегированные биографические данные обо всех действующих арбитражных управляющих (более 10 тыс. специалистов), данные о банкротных процедурах (более 168 тыс. дел), полуструктурированные интервью с действующими специалистами, а также публикации в профессиональных медиа. Для анализа использовались описательная статистика и бета-регрессия, применённая к трансформированной доле дел юридических лиц в практике конкретного арбитражного управляющего. Полученные результаты позволяют по-новому взглянуть на внутреннюю организацию профессии и дополняют литературу по горизонтальной сегрегации труда в юридических профессиях.

Ключевые слова: социология профессии; социология права; экономическая социология; личное банкротство; стратификация; доход.

Введение

Банкротство компаний существует в современной России уже долгое время и связано с переходом страны к рыночной экономике в начале 1990-х гг.

¹ Работа над исследованием была начата в рамках X Зимней школы Института проблем правоприменения (ИПП) Европейского университета в Санкт-Петербурге (ЕУСПб) в январе 2025 г. Мы благодарны всем участникам Школы, а также сотрудникам ИПП ЕУСПб за ценные комментарии.



БОНДАРЬКОВ Сергей Владимирович — младший научный сотрудник Института проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге. Адрес: 191187, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, д. 6/1, лит. А.

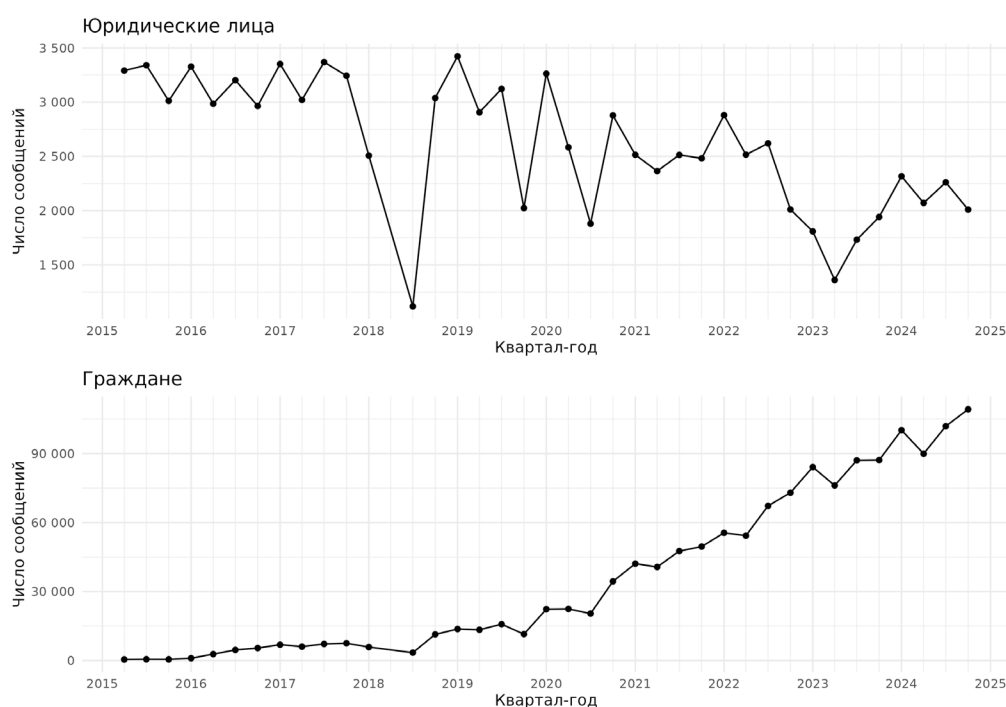
Email: sbondarkov@eu.spb.ru



БОЧАРОВ Тимур Юрьевич — PhD, научный сотрудник Института проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге. Адрес: 191187, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, д. 6/1, лит. А.

Email: tbocharov@eu.spb.ru

Однако для граждан подобная процедура в современной России используется относительно недавно: она была законодательно утверждена лишь 10 лет назад, но становится всё более востребованной ввиду растущего потребительского кредитования и неспособности погасить задолженность в текущей макроэкономической ситуации. Так, с момента его введения зарегистрировано уже 1 403 307 случаев признания граждан банкротами с последующей реализацией имущества, что в разы больше банкротств организаций (таких случаев не более 5000–6000 в год) [Банкротства в России 2024]. В разрезе по годам сравнительная динамика также указывает на существенные отличия этих двух типов банкротств (см. рис. 1).



Источник: Данные «Федресурса» (Единый федеральный реестр юридически значимых сведений о фактах деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности). Электронный ресурс [код доступа]: <https://fedresurs.ru/> (дата обращения: 18 августа 2025 г.).

Рис. 1. Количество дел о банкротстве граждан и организаций по годам (число опубликованных в «Федресурсе» сообщений о признании банкротом), 2015–2025 гг.

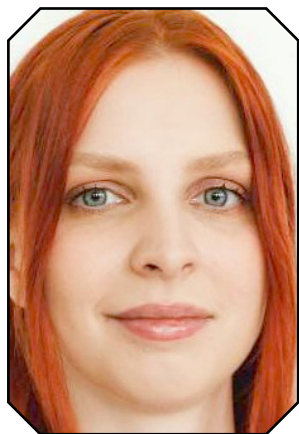
Персональное банкротство становится всё более популярным способом снять долговую нагрузку². Спрос рождает и предложение: банкротство граждан стало заметной нишей на юридическом рынке. Улицы, общественный транспорт и Интернет наполнены рекламой услуг фирм, предлагающих людям быстро и безболезненно избавиться от долгов. Этому немало

² В законодательстве о банкротстве для обозначения этой процедуры используется термин «банкротство гражданина» (см.: Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26 октября 2002 г., № 127-ФЗ (последняя редакция), глава X). В литературе используются также термины «личное банкротство», «персональное банкротство» и «потребительское банкротство». В данной статье они употребляются как взаимозаменяемые.



КАЛИНИНА Елена Михайловна — слушатель Зимней школы 2025 Института проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге. Адрес: 191187, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, д. 6/1, лит. А.

Email: elenakalininarus@list.ru



ЧИСТЯКОВА Диана Алексеевна — слушатель Зимней школы 2025 Института проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге. Адрес: 191187, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, д. 6/1, лит. А.

Email: chistyakovadi@ya.ru

способствует сложность и изменчивость правовых норм о банкротстве, разобраться в которых обывателю самостоятельно тяжело. Однако помимо помощи адвокатов или судебных юристов, а, пожалуй, даже прежде неё, требуется участие других профессионалов — арбитражных управляющих. Должник теоретически может и сам представлять себя в судебном процессе, но без управляющих никакого процесса не будет в принципе.

Кто же такие арбитражные управляющие? Их могут по-разному называть, у них может быть разный объём полномочий, и их деятельность может по-разному регулироваться, но почти во всех странах это ключевые фигуры при банкротстве. Именно они принимают на себя управление имуществом должника и пытаются вывести его предприятие из кризисного состояния или реализуют имущество и из вырученных средств, насколько это возможно, возвращают долги кредиторам. Как правило, за свою работу они получают некоторый процент от этих средств. Таким образом, если вести дела крупных или средних компаний, это достаточно доходный род занятий.

Однако финансовая ситуация для арбитражных управляющих сильно меняется, если речь идёт о должниках из числа простых граждан. В отличие от компаний, чьё банкротство часто запускает один или несколько кредиторов, инициатива банкротства гражданина почти всегда исходит от него самого [Аркатов et al. 2022], а это в большинстве случаев означает, что у человека уже нет средств ни на погашение задолженности, ни на адекватное вознаграждение управляющему. Так обстоят дела практически во всех странах, где был введён институт персонального банкротства, которое для управляющих менее привлекательно с финансовой точки зрения, нежели банкротство компаний.

В российском контексте это проявляется особенно ярко. На начальных этапах фиксированное вознаграждение составляло всего 10 тыс. руб., которые необходимо было внести заранее на депозит суда при подаче заявления. Разумеется, такая ситуация не устраивала большинство управляющих, не готовых вести дела за такие суммы, да ещё с близкой к нулю перспективой получить что-то как процент от реализованного имущества должника. Позднее тариф подняли до 25 тыс. руб., но в любом случае это весьма низкая сумма по сравнению с той, что потенциально можно получить в банкротных делах компаний.

При этом ниша банкротства граждан несоизмеримо шире, нежели банкротство компаний (см. рис. 1). Именно дела первого типа образуют основную долю судебной нагрузки. Таким образом, арбитражный управляющий способен вести одновременно большое число дел должников-граждан в условиях относительно низкой конкуренции. Следовательно, есть основания полагать, что определённая и, вероятно, специфическая часть сообщества будет тяготеть к этой категории дел.

Таким образом, складывается впечатление, что банкротство физических и юридических лиц — это не просто разные типы дел, а две относительно обособленные ниши практики арбитражных управляющих с разными

требованиями, условиями и вознаграждениями. Мы предполагаем, что именно тип должника вносит вклад в сегментацию профессии, формируя различия между теми, кто преимущественно работает с организациями, и теми, кто чаще ведёт дела граждан.

Выявление конкретного механизма этой сегментации и составляет основную задачу исследования. Десятилетиями управляющие имели дело с проблемами бизнеса и чувствовали себя комфортно. Профессия демонстрировала явные тенденции к консолидации, возникали национальные ассоциации, площадки для форума, единые правила игры. Внезапно появляется личное банкротство с совершенно другим типом должников и моделью заработка. Нам важно было понять, насколько этот новый институт структурирует профессиональное поле арбитражных управляющих. Если смотреть на этот вопрос с точки зрения граждан, то имеет значение, какого рода профессионалов они получают, решившись на банкротство; неважно, назначен этот специалист судом или по заявлению самого гражданина.

Аналитически работа опирается на культурно-институциональный и институциональный подходы в социологии профессий [Heinz, Laumann 1982; Bourdieu 1990]. В частности, используется концепция профессии как конкурентного поля, где агенты борются за ограниченные ресурсы и признание, а стратификация формируется через специализацию по типу клиента, символический капитал и доступ к престижным заказчикам. Такой подход позволяет рассматривать различия между арбитражными управляющими не как результат индивидуальных характеристик, а как отражение их структурных позиций в профессиональном поле.

Однако, чтобы говорить об особенностях этой сегментации, необходимо понимать, как устроено само сообщество.

Большая часть научной литературы об арбитражных управляющих носит юридический характер и разбирает узкие теоретические вопросы их статуса. Однако комплексная социологическая характеристика их профессионального сообщества до сих пор не была дана.

Отсутствие в России исследований общей характеристики сообщества арбитражных управляющих создаёт методологическую ловушку: анализ стратификации без понимания базовых параметров профессии. Наше эмпирическое исследование позволяет заполнить эту лакуну через двухэтапный дизайн; сначала мы устанавливаем социально-демографические характеристики сообщества как целого на основе доступных статистических данных и лишь затем выявляем особенности сегментации по типу должника (организации или граждане). Такой подход позволяет отделить общепрофессиональные тенденции от специфики сегментации.

Для выявления устойчивых различий между группами мы анализируем два взаимосвязанных уровня — социально-демографический и практический.

Сначала мы фокусируемся на том, насколько арбитражные управляющие, специализирующиеся на двух типах дел, отличаются по образованию, полу, возрасту, региону и опыту работы. В условиях сохраняющегося гендерного, возрастного и регионального дисбаланса на рынке труда это может говорить нам о престижности и доходности дел личного банкротства.

Затем смотрим на то, как специализация на должниках связана с активностью управляющих в делах о банкротстве, а именно с количеством дел, интенсивностью оспаривания сделок, поступлением жалоб на их действия, объёмом денежных требований кредиторов, но прежде всего с размером вознаграждения арбитражного управляющего. С помощью регрессионного анализа мы выделяем наиболее значимые факторы.

Таким образом, наш исследовательский вопрос можно обозначить следующим образом: как специализация арбитражных управляющих (либо на делах о банкротстве организаций, либо на делах о банкротстве граждан) влияет на стратификацию профессионального сообщества?

Предыдущие исследования профессиональной стратификации (прежде всего классическая работа Джона Хайнца и Эдварда Лауманна) показывают, что престиж и доход внутри юридического сообщества распределяются не столько по типу дел, сколько по типу клиентов [Heinz, Laumann 1982]. Работа с корпоративными и индивидуальными клиентами формирует настолько глубокие различия в статусе и ресурсах, что внутри одной профессии фактически возникают два разных профессиональных мира. Мы предполагаем, что специализация арбитражных управляющих на банкротствах физических или юридических лиц воспроизводит схожую форму стратификации.

Если престиж и доход в действительности распределяются между этими двумя направлениями неравномерно, то в профессиональном сообществе может наблюдаться внутренняя борьба за доступ к ресурсам. Такая динамика допускает интерпретацию через концепцию поля Пьера Бурдьё [Bourdieu 1990]. Профессиональное поле — это пространство, в котором агенты (в данном случае арбитражные управляющие) конкурируют за обладание экономическим, социальным, культурным и символическим капиталами. При этом распределение этих ресурсов в поле бывает неравномерным, а доступ к более выгодным позициям структурно ограничен. В частности, такие ограничения могут быть обусловлены не только профессиональными характеристиками, но и социальными признаками (например, гендером или возрастом). Мы предполагаем, что специализация на делах физических или юридических лиц связана с неодинаковыми возможностями накопления этих форм капитала, а значит, с устойчивым расхождением внутри профессионального поля.

Для ответа на исследовательский вопрос мы проверяем две гипотезы:

Н 1 (структурная). Специализация на банкротствах организаций связана с определённым социопрофессиональным профилем арбитражного управляющего. Мужчины, лица с юридическим образованием, с большим профессиональным стажем и проживающие в крупных городах чаще работают в этом сегменте по сравнению с теми, кто специализируется на банкротствах граждан;

Н 2 (практическая). Специализация на банкротстве граждан связана с более высокой активностью управляющего (то есть с количеством дел), при этом сопровождается меньшими объёмами требований и сложностью (длительность, количество жалоб и споров) и более низким средним вознаграждением.

Профессия арбитражного управляющего в России: институциональное устройство и внутренняя структура

Формально арбитражные управляющие — это профессиональные участники процедур банкротства, чей правовой статус в России подробно регламентирован законом «О несостоятельности (банкротстве)»³. Однако вопрос, являются ли арбитражные управляющие профессией, не так прост. Западная социология профессий на ранних этапах склонна была рассматривать в этом качестве лишь определённые виды частной практики с жёстким набором атрибутов, к которым обычно относят экспертное знание, национальную ассоциацию, монополию на определённый вид деятельности, этический кодекс. Таким критериям отвечает не так много профессий. Неудивительно, что ранние исследования фокусирова-

³ Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26 октября 2002 г., № 127-ФЗ.

лись преимущественно на врачах и адвокатах. Однако позднее такой статичный подход стал критиковаться как «англо-американская болезнь» в социологии профессий [Freidson 2014].

В реальности профессия — это чаще всего континуум или проект, когда определённая группа индивидов стремится достичь перечисленных выше атрибутов зрелой профессии [Macdonald 1995; Larson 2013]. В этом смысле арбитражные управляющие вполне укладываются в это новое понимание. С одной стороны, арбитражные управляющие действуют на основании судебного акта и под контролем суда и кредиторов, что является своеобразной формой квазигосударственного управления. С другой стороны, они являются частными субъектами с самостоятельной экономической мотивацией. Нельзя сказать, что такое сочетание уникально. Например, профессия нотариуса схожим образом включает черты как публичных служащих, так и частных профессионалов.

Арбитражными управляющие именуются, поскольку дела о банкротстве (как организаций, так и граждан) ведут арбитражные суды. Технически в профессии существует несколько ролей: временный, административный, внешний, конкурсный и финансовый управляющий — и всё это юридически разные статусы, соответствующие процедурам банкротства. Фактически же это один и тот же человек, просто в разных процессуальных ипостасях. Подобная внутренняя дифференциация подчёркивает широкий спектр обязанностей арбитражного управляющего. Он может заниматься финансовой реабилитацией должника-гражданина, а может замещать руководство крупного предприятия.

В случаях банкротства компаний деятельность арбитражного управляющего максимально приближена к классической модели внешнего управления. Он анализирует финансово-хозяйственную деятельность компании, формирует реестр требований кредиторов, инициирует оспаривание сделок и предпринимает попытки восстановить платёжеспособность компании. Кроме того, от него может зависеть и решение о целесообразности финансового оздоровления, заключении мирового соглашения или ликвидации предприятия. Часто это подразумевает антикризисный менеджмент.

При банкротстве физических лиц арбитражный управляющий не принимает управленческих решений в привычном понимании слова. Его задачи сводятся к контрольно-процедурным функциям — инвентаризации имущества, проверке сделок, публикации сведений о банкротстве, контролю за доходами должника и реализации активов, если таковые имеются (в этом случае он называется финансовым управляющим). Однако в обоих случаях, независимо от типа должника, значительную часть работы составляет участие в судебных процессах. Отсюда следует резонный вопрос: должен ли арбитражный управляющий иметь высшее юридическое образование?

В социологии профессии наличие экспертного знания, чаще всего приобретаемого в университете, это ключевое отличие профессионала от обывателя. При этом данное знание в идеале должно достигать баланса между абстрактным и конкретным содержанием [Abbott 1988], то есть должно быть не просто набором технических навыков, но иметь определённую теоретическую базу (что отличает, скажем, сертифицированного врача от народного целителя). И действительно, в ведущих юридических вузах есть отдельные магистерские программы по банкротному праву⁴. Однако наличие такого узкого образования не является обязательным для арбитражных управляющих. В большей степени на этапе доступа к профессии упор делается на практическую подготовку и ученичество у более опытных коллег. Такой формат далеко не редкость в истории профессий. Например, лишь во второй половине XX века университетское юридическое образование стало обязательным для будущих барристеров в Англии, а для судей в Советском Союзе оно не было обязательным требованием на протяжении всей истории.

⁴ Например, магистерские программы «Правовое регулирование несостоятельности (банкротства)» в МГУ, «Банкротное право» в СПбГУ, «Банкротное право» в НИУ ВШЭ и т. д.

С точки зрения закона, стать арбитражным управляющим может любой, кто соответствует нескольким простым критериям: имеет высшее образование (не обязательно юридическое) и стаж управленческой деятельности (не менее одного года), а также не имеет судимости за умышленные преступления. Однако на практике перед получением статуса соискателю необходимо пройти несколько этапов, которые могут выступать в качестве своеобразного фильтра для входа в профессию. Так, будущий арбитражный управляющий должен пройти специальное обучение и стажировку в качестве помощника арбитражного управляющего (не менее двух лет), сдать теоретический экзамен и оформить обязательное страхование ответственности. Таким образом формируется относительно замкнутая, но юридически прозрачная модель профессионального доступа.

Следует отметить, что за последние несколько лет существенно возросла «стоимость» вхождения в профессию. Если на начальном этапе развития института банкротства участие в нем требовало относительно умеренных вложений, то теперь стартовые расходы исчисляются уже сотнями тысяч рублей. Сами арбитражные управляющие связывают это в первую очередь с ростом обязательных страховых взносов:

Это ужас. Потому что страховка — это опять же к романтике арбитражных, когда вы хотите стать арбитражным управляющим, ваша страховая может в один прекрасный день выставить вам счёт в полтора миллиона рублей (Алёна Теплова)⁵.

Отдельно стоит обсудить и фигуру помощника арбитражного управляющего, поскольку в этой роли предстоит побывать каждому будущему специалисту. Формально его статус не закреплён в законе, он действует на основании доверенности и выполняет поручения арбитражного управляющего. Однако на практике, как отмечают респонденты, именно помощник может вести значительную часть делопроизводства и взаимодействовать с должниками. Иными словами, именно наличие одного или даже нескольких помощников позволяет арбитражным управляющим увеличивать объёмы работы.

Кроме того, важными чертами профессии являются автономия от государства и саморегулирование, что обеспечивается профессиональными ассоциациями [Merton 1958], которые могут действовать как на локальном и региональном уровне, так и на национальном. К числу первых относятся саморегулируемые организации (СРО) арбитражных управляющих, членство в которых является обязательным условием получения статуса. На данный момент в российском едином федеральном реестре числится 51 действующая СРО. На такие организации возложены функции регулирования и контроля соответствия деятельности управляющих законодательным нормам. В то же время именно СРО помогает своим участникам в спорных ситуациях.

Очень многие арбитражные управляющие рассматривают СРО как просто прокладку между ними и процедурами. Но это до той поры, пока у них всё хорошо. Как только у них всё становится плохо, они сразу же бегут в СРО, потому что у них не хватает ни знаний, ни опыта, ни квалификации как бороться с этими убытками, с дисквалификациями, которые им приписывают каждые пять минут. И мы очень сильно им в этом помогаем (Елена Комашинская).

Дело в том, что профессия арбитражного управляющего сопряжена с высокими юридическими и репутационными рисками. Законодательство предусматривает гражданско-правовые и даже уголовные меры за допущенные нарушения. При этом оценка действий управляющего зачастую остаётся в рамках широкого усмотрения суда. И в таких случаях СРО стремится выступить медиатором между арбитражными управляющими и судебными органами.

⁵ См. сведения о публичных интервью арбитражных управляющих в приложении 1, таблица П1.2.

В отношениях же с государством в целом интересы профессии обычно отстаивают и лоббируют национальные ассоциации. Какой-то единой организации такого рода для всех российских арбитражных управляющих не создано. В то же время действуют разные, подчас конкурирующие друг с другом, объединения этого уровня: например, Общероссийский профсоюз арбитражных управляющих (ОРПАУ), Российский союз саморегулируемых организаций арбитражных управляющих (РССОАУ), Национальный союз профессионалов антикризисного управления (НСПАУ).

Наконец, неотъемлемой чертой профессии является наличие этических кодексов и возможность привлечения нарушителей к дисциплинарной ответственности. Действительно, почти во всех СРО приняты кодексы профессиональной этики и действуют дисциплинарные комитеты. Однако с принятием единого кодекса дело обстоит сложнее. В 2021 г. он был принят на Всероссийском съезде арбитражных управляющих⁶. Но поскольку в законе его обязательность не предусмотрена и следование ему сугубо добровольное, большого распространения он не получил. В подавляющем большинстве СРО продолжают ориентироваться на внутренние кодексы. Однако уже сама попытка принятия единого кодекса и его внедрения говорит о значительном продвижении арбитражных управляющих в осознании себя как профессии.

Итак, отметим, что российские арбитражные управляющие показывают значительный уровень консолидации в профессиональном поле (по крайней мере, если мы говорим о формальных атрибутах). Важнее всего, что управляющие обладают исключительной монополией, или «юрисдикцией», в терминах американского социолога Эндрю Эббота [Abbott 1986], на ведение процедур банкротства. Никто кроме них не может этим заниматься. Это отграничивает данную профессию от других групп занятости и сплачивает её. Однако это вовсе не означает такой же уровень внутренней однородности на рынке предлагаемых услуг. Если мы рассмотрим структуру этого рынка, то увидим его разделение по типу должника, что формирует отдельные профессиональные ниши.

Личное банкротство и трансформация профессии управляющего: обзор литературы и исследовательская проблема

Тема личного банкротства и его постепенного распространения по миру пользуется стабильным интересом в сравнительном правоведении и социологии права. Прежде всего стоит отметить междисциплинарный сборник с обзором реформ личного банкротства в разных странах и их последствий [Ramsay 2017a]. Хотя страновой охват сборника сильно ограничен и включает только США, Великобританию, Францию и Швецию, в книге хорошо показана роль незапланированных или обусловленных «эффектом колеи» факторов, препятствующих реформам. Фокус эмпирических исследований чаще всего сводится к изучению ситуации должников-граждан, их социодемографических характеристик, а также факторов, приводящих к банкротству (см., например: [Foohey, Lawless, Thorne 2024]). Это объясняется тем, что социальных исследователей волнуют в первую очередь проблемы закредитованности и имущественного расслоения. Банкротство рассматривается как часть этой стабильно востребованной повестки.

Помимо этого, рассматривается та роль, которую играют юристы-профессионалы в банкротстве граждан. Именно они трансформируют размытые притязания граждан в правовую форму [Felstiner, Abel, Sarat 1980–1981]. В случае банкротства они влияют как на запуск процедуры банкротства, так и на её реализацию и исход. Среди эмпирических работ, где эта тема получает приоритетное внимание, стоит отметить исследование роли американских юристов в выборе процедуры банкротства (как правило, более выгодной для себя) [McIntyre, Sullivan, Summers 2015]; расового уклона при даче рекоменда-

⁶ См.: Арбитражные управляющие получили кодекс этики. 2021. Право.ру 12 июля. Электронный ресурс [код доступа]: <https://pravo.ru/news/233159/> (дата обращения: 30 апреля 2025 г.).

ции в делах о банкротстве [Braucher, Cohen, Lawless 2012]; профессионализации банкротных юристов [Kennedy, Clift, Veach 2002].

Несмотря на наличие в Российской Федерации механизма внесудебного банкротства граждан, в нашем исследовании он не рассматривается, поскольку арбитражный управляющий назначается именно судом. Необходимо также отметить, что внесудебное банкротство в силу дополнительных критериев, предъявляемых к должнику, составляет незначительный объём от общего числа банкротств граждан. Так, за девять месяцев 2024 г. количество сообщений о возбуждении процедур внесудебного банкротства граждан составило 38 389 против 300 623 сообщений о введении судами реализации имущества в отношении физических лиц и индивидуальных предпринимателей за аналогичный период [Банкротства в России 2024].

В постсоветском контексте авторами публикаций по теме банкротства традиционно являются юристы, мало опирающиеся на эмпирические данные (см., например: [Treshchev, Malevich 2015; Soldatenkov, Evenko 2018; Vinogradova et al. 2018]). Что касается арбитражных управляющих, то в качестве основного вопроса авторы рассматривают их правовой статус и функции [Емельянова, Ершов 2024]. Ответы на этот вопрос предлагаются разные, порой взаимоисключающие: представитель кредитора (в ходе конкурсного производства) [Сёмина 2003]; представитель должника [Полуэктов 2000]; представитель интересов собственника имущества, учредителей должника и гражданского оборота [Эрлих 2014]; арбитражный судебный исполнитель (по аналогии с приставом-исполнителем) [Скаредов 2007]; субъект привилегированной профессии; самостоятельный, независимый субъект конкурсных отношений [Дорохина 2006; Зайцев 2014; Винокуров, Лошкарев 2020; Емельянова, Ершов 2024]; представитель государственного интереса, обеспечивающий стабильность экономики, государства и общества в целом [Фролов 2010]. Таким образом, дискуссия о банкротстве носит теоретический характер, то есть арбитражные управляющие не рассматриваются эмпирически как представители юридической профессии с определёнными социальными характеристиками.

По теме реформы 2015 г., вводящей институт личного банкротства, можно выделить публикации американского исследователя-компаративиста Джейсона Килборна [Kilborn 2016; 2020]. В них он разбирает проблемы и причины недостаточной востребованности этого нового института на начальных этапах в России, а также обнаружившиеся проблемы в дальнейшем развитии. Одним из «фатальных изъянов» (*fatal flaws*) института Килборн называет отсутствие финансового интереса арбитражных управляющих в ведении этой категории дел по сравнению с делами компаний [Kilborn 2020: 430–436]. В итоге должникам трудно найти себе управляющего в течение отведённых для этого трёх месяцев, последствием чего может быть возврат заявления.

Схожие проблемы мотивации показывает, например, исследование канадских конкурсных управляющих [Ramsay 2000]. На основе собранных интервью и судебной статистики автор показывает асимметрию информации и возможностей управляющих и должников, которая часто приводит к приоритету собственной выгоды и интересов над публичными обязанностями. Банкротство граждан в большинстве случаев является невыгодной рыночной нишей для арбитражных управляющих. Особенно уязвимыми оказываются наиболее бедные должники, не способные оплатить процедуры.

Проблема характерна не только для Канады, но и для других стран общего права [Ben-Ishai, Schwartz 2007]. Сходные явления, также на материалах интервью, исследователи обнаруживают и в США после недавней реформы [Laws 2020]. Эта реформа в неолиберальном духе передала значительную часть полномочий по ведению банкротства частным управляющим, работающим на сугубо коммерческой основе. В итоге ориентированность на прибыль привела к тому, что модель «свежего старта» (то есть полное освобождение от долгов и возможность снова приобретать имущество, брать

кредиты, вести бизнес и т. д.), которой так славилась американская система, на практике перестала работать для малоимущих должников.

Таким образом, личное банкротство серьёзно меняет идентичность и практики работы управляющих, ставя перед ними проблему выбора между рыночной мотивацией и социальной функцией, часто возлагаемой на них государством. В последнее время институт персонального банкротства, изначально возникший в США, начал активно внедряться в Европе и других регионах мира [Ramsay 2017b]. Соответственно стоит ожидать и сходных изменений в профессиональных сообществах управляющих. Как отмечалось выше, российские управляющие на ранних этапах демонстрировали нежелание браться за дела должников-граждан за фиксированный низкий тариф [Kilborn 2020]. Повышение этого тарифа с 10 тыс. руб. до 25 тыс. не слишком изменило положение дел.

Можно провести параллели с тем, какую роль играет ведение дел по назначению в стратификации адвокатского сообщества. Их ведут адвокаты за определённым государством низкий тариф. Как показывают опросы, по социальным характеристикам и практикам работы такие адвокаты отличаются от работающих преимущественно по соглашению и за гонорар от клиента [Moiseeva, Vocharov 2020]. Так, адвокаты по назначению имеют меньшую рабочую нагрузку (хотя ведут больше дел), собирают меньше доказательств по делу, а их среднемесячный заработок ниже. Один из вопросов нашего исследования: насколько персональное банкротство с его фиксированными тарифами схожим образом структурирует сообщество арбитражных управляющих?

Итак, исследовательская проблема нашей работы заключается в следующем: как специализация на банкротствах организаций или граждан арбитражных управляющих влияет на социальную и профессиональную стратификацию внутри сообщества?

Мы рассматриваем, какие различия по социальным характеристикам и практикам возникают среди арбитражных управляющих, специализирующихся на делах граждан и организаций. Ответ на этот исследовательский вопрос вносит вклад как в описанную выше международную дискуссию об изменениях в сообществе управляющих с приходом личного банкротства, так и в более обширные дебаты о соотношении профессионализма и рыночной логики в работе юристов [Abel 2003; Evetts 2003; Sciulli 2005; Adams 2015]. Для этого мы анализируем количественные данные о характеристиках арбитражных управляющих и их активности в зависимости от типа должников, чьи дела они преимущественно ведут. Кроме того, мы дополняем и проясняем статистику собранными качественными данными.

Данные и методы

Для проведения комплексного анализа сообщества арбитражных управляющих нами были задействованы несколько независимых источников данных: реестры СРО с биографической информацией об управляющих; архив Единого федерального реестра юридически значимых сведений о фактах деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности («Федресурс») с данными о банкротных делах; финальные отчёты арбитражных управляющих с информацией об их участии в делах, интервью и профессиональные публикации с качественными данными. Каждый из этих источников обладает определёнными ограничениями. Так, реестры членов СРО содержат только биографические сведения и не позволяют судить о практиках ведения дел. В свою очередь, финальные отчёты арбитражных управляющих фиксируют такие практики, но их полнота зависит от качества заполнения отчётных форм. Компенсировать недостатки отдельных данных и получить более полное представление о профессиональном сообществе позволило объединение эмпирических массивов следующим образом:

- *характеристики арбитражных управляющих.* Биографическую информацию об управляющих мы получили, собрав и сведя в одну таблицу реестры действующих членов СРО, размещённые на сайтах этих организаций и содержавшие имя управляющего, сведения о его ИНН, поле, возрасте, регионе проживания, типе образования, дату регистрации в реестре. В общей сложности полученная база данных охватила 10 181 специалиста и отражает состояние на май 2025 г.;
- *данные о банкротных процедурах.* Базовая информация о банкротных делах выгружена нами из архива «Федресурса»⁷. Этот архив содержит, среди прочего, сообщения управляющих в формате XML. Мы выделили в общем массиве сообщения о начале банкротных дел и о признании должников банкротами и с помощью парсера привели содержащуюся в них информацию к виду таблицы. Эти сообщения не содержат много структурированной информации о деле, большая её часть доступна лишь в финальных отчётах (см. о них ниже), однако в них есть ИНН как управляющего, так и должника. Благодаря этому мы смогли соотнести дела с биографической информацией об управляющем и подсчитать общее число дел, которые он вёл, а также по числу цифр в ИНН определить тип должника (физическое лицо или юридическое). Эти же данные послужили источником информации об опыте управляющего (число месяцев между первым сообщением и декабрём 2024 г.). Эти данные (всего 1,6 млн дел за 2011–2024 гг.) положены в основу нашего моделирования. В описательной части в отдельных случаях мы также приводим агрегированную статистику, которая содержится в ежегодных статистических бюллетенях «Федресурса» и приложениях к ним;
- *характеристики банкротных дел,* то есть данные о продолжительности дела, сумме долга, оспоренных сделках, жалобах на управляющего и его вознаграждении мы получили из финальных отчётов арбитражных управляющих. Нам доступна информация по 168 208 делам⁸, рассмотренным с 2015 г. (законодательное введение института личного банкротства в России) до 2020 г. Однако эти данные принципиально неполные: как сообщает одна из наших информанток, управляющие зачастую пренебрегают обязанностью публикации финального отчёта:

Возможна ситуация, когда отчёты не прикреплены. Есть четыре вида стандартных публикаций: решение арбитражного суда о признании гражданина банкротом; сообщение о наличии или отсутствии признаков фиктивного банкротства; человек признан и применение или неприменение реализации, реструктуризации и, четвертая, финальный отчёт. Четвертую публикацию очень редко делают, её должны делать (часто это делают помощники), но её очень часто не успевают делать. Бывает, мы грешим и в конце месяца собираемся на несколько дней и делаем отчёты, потому что в самом процессе приходится иногда ей пренебречь. Есть те, кто делают стабильно. Но чаще накапливается. Публикация о судебном акте (третья в списке, признание банкротом и применение пункта о списании) решающая, она влияет на гражданина, а отчёт — нет. Банки только после этой публикации производят разблокировку счетов (информант 7)⁹.

Мы видим это и в данных: среди сообщений о банкротстве много таких, для которых нет пары среди финальных отчётов. В связи с этим мы используем данные из финальных отчётов только для получения примерного представления о сложности и доходности работы с физическими и

⁷ См. архив «Федресурса» на официальном сайте. Электронный ресурс [код доступа]: https://download.fedresurs.ru/export_messages/ (дата обращения: 18 августа 2025 г.).

⁸ Данные содержат сведения о делах, рассмотренных в 2015–2020 гг. Подробнее о характеристиках датасета и его ограничениях см.: [Аркатов et al. 2022: 5–6].

⁹ См. сведения об информантах в Приложении 1, таблица П1.1.

юридическими лицами и обращаемся к собранным качественным данным для подтверждения полученной картины;

- *качественные данные.* С целью прояснения и уточнения количественных данных мы провели полуструктурированные экспертные интервью с представителями сообщества арбитражных управляющих. В их число вошли информанты, обладающие, в силу своего положения, знаниями о профессиональных практиках не только на индивидуальном, но и на институциональном уровне (то есть на уровне СРО). Всего с марта по июнь 2025 г. нами было проведено восемь интервью с представителями разных СРО, в числе которых были признанные «лидеры мнений» в профессиональной среде, рядовые арбитражные управляющие, а также их помощники. Нас интересовало, как информанты пришли в профессию и освоили навыки проведения банкротных дел. В ходе интервью важно было выделить мотивацию работы в профессии и значимые навыки для эффективной деятельности в ней. Особое внимание уделялось профессиональной коммуникации с ключевыми стейкхолдерами: должниками, кредиторами, управляющими СРО, банкротными юристами. Помимо этого, нас интересовали процедурные моменты: сроки ведения дела должника, аккуратность заполнения отчётности и соответствующей документации, санкции за нарушение сдачи отчётности и т. п.

Впоследствии к этим интервью были добавлены 11 интервью с арбитражными управляющими, опубликованные на специализированных форумах и в профильных медиа, ориентированных на участников рынка банкротств. Эти высказывания сделаны в профессиональном контексте и для профессиональной аудитории, что сближает их по содержанию и глубине с данными, полученными нами напрямую (см. подробнее в Приложении 1). Собранные данные позволили составить обобщённый социальный портрет арбитражного управляющего в России;

- *операционализация.* Для проверки выдвинутых гипотез о связи между специализацией управляющего на делах физических или юридических лиц с его (её) социопрофессиональным профилем (Н 1), а также с активностью в процессе и сложностью дел (Н 2) необходимо ввести несколько операционализаций. За специализацию управляющего мы принимаем долю дел юрлиц в портфеле; об активности судим по числу оспоренных сделок; о сложности — по длительности дела и числу жалоб на действия управляющего;
- *моделирование.* Для выяснения связи между специализацией управляющего и его наблюдаемыми характеристиками мы применили бета-регрессионный анализ. Этот метод моделирования хорошо подходит для случаев, когда переменная отклика следует бета-распределению [Ferrari, Cribari-Neto 2004], например, для моделирования долей и вероятностей. Бета-распределение не включает 0 и 1, поэтому, как рекомендуют создатели пакета *betareg* [Cribari-Neto, Zeileis 2010] для языка R, с помощью которого проводился анализ, мы последовали за работой М. Смитсона и Дж. Веркуйлена по бета-регрессии [Smithson, Verkuilen 2006] и трансформировали долю юрлиц по формуле:

$$\text{Доля юрлиц}' = \frac{\text{Доля юрлиц} \times (N - 1) + \frac{1}{2}}{N},$$

где N — число наблюдений. Трансформированные таким образом значения распределены в пространстве $(0,1)$, при этом их отличия от оригинальных минимальны и содержательно не влияют на коэффициенты при переменных в модели. Наша базовая модель (см. модель 1 в таблице 7) описывается формулой:

$$\ln\left(\frac{\text{Доля юрлиц}'}{1 - \text{Доля юрлиц}'}\right)_i = \beta_0 + \beta_1 \text{Гендер}_i + \beta_2 \text{Возраст}_i + \beta_3 \text{Опыт}_i + \sum_{k=1}^3 \beta_k \text{Образование}_{k,i} + \beta_5 \text{Два образования} + \beta_6 \text{Начало работы до БФ}_i + \lambda + \gamma + \varepsilon$$

где Гендер — мужской или женский;

Возраст — возраст арбитражного управляющего (АУ) в 2024 г. (винсоризованный по 1 и 99 перцентилям и центрированный для удобства интерпретации: из возраста каждого управляющего вычтен средний возраст управляющих);

Опыт — число месяцев работы управляющим (перед группировкой число месяцев работы также было винсоризовано по 1 и 99 перцентилям);

Образование — юридическое, экономическое или иное образование управляющего;

Два образования — наличие у управляющего двух дипломов о высшем образовании;

Начало работы до БФ — бинарная переменная, равная 1, если управляющий начал работы до появления института банкротства физических лиц (БФ), и 0 в противном случае (она нужна нам, чтобы учесть тот факт, что АУ, начавшие карьеру после реформы 2015 г., как минимум первое время работали исключительно с юрицами);

λ — фиксированные эффекты региона;

γ — фиксированные эффекты СРО;

ϵ — случайная ошибка.

Описание использованных переменных приводится в Приложении 2.

В моделях 2 и 3 (см. табл. 7) мы проверяем предположение о том, что связь опыта и возраста со специализацией может быть разной у мужчин и женщин. Для этого мы включаем в модель интеракцию *Гендера с Возрастом* и *Гендера с Опыт*. В модели 2, как и в модели 1, *Опыт* включён как непрерывная переменная — число месяцев. Предполагая, что эффект опыта может быть нелинейным, в модели 3 мы переопределяем *Опыт* как принадлежность к одной из групп: от 1 до 3 лет работы, от 3 до 5 лет и так далее.

В моделировании учитывались только управляющие, для которых известны все перечисленные переменные. Совокупные пропуски в разных биографических переменных (в первую очередь в данных об образовании) сократили нашу выборку почти в 2 раза. Мы также исключили из анализа управляющих, которые успели провести менее 10 дел: доля клиентов-юристов может сильно колебаться из-за случайности и мало говорит о специализации; это снижение шумности в переменной отклика стоило нам ещё примерно 1000 наблюдений. Таким образом, в нашем моделировании недопредставлены отдельные СРО, которые сообщают меньше информации о своих членах, а также управляющие в самом начале карьеры.

В разделах ниже представлены результаты исследования в следующей последовательности: сначала мы приводим и обсуждаем данные в целом о социально-демографической, образовательной и региональной структуре сообщества российских арбитражных управляющих. Далее смотрим, как сегментируется сообщество управляющих, распределяются их рабочая нагрузка и доходы в зависимости от типа должника (компания или индивид). Наконец, в заключительных разделах мы с помощью регрессионного анализа определяем факторы, связанные с ведением управляющими дел должников определённого типа, и интерпретируем полученные результаты.

Социальный портрет арбитражного управляющего: описательная статистика

Большинство юридических профессий в России характеризуется либо преобладающей долей женщин (судьи, нотариусы, следователи), либо относительным гендерным паритетом (адвокаты). В этом смысле арбитражные управляющие заметно отличаются, поскольку, по данным сайтов СРО, мужчин в профессии значительно больше, чем женщин (6807 чел. и 3371 чел. соответственно, то есть 67 и 33%).

Сложившаяся гендерная структура может объясняться тем, что мужчины чаще оседают в юридических профессиях и их сегментах с большим доходом и престижем [Sommerlad 2002]. При ведении дел крупных и средних компаний работа арбитражного управляющего предоставляет такие возможности. Женщин же останавливает построение карьеры в тех отраслях, где они могут столкнуться с давлением по гендерному признаку или с «маскулинной» конкурентной атмосферой [Bird 1996]. А деятельность управляющих зачастую носит конфликтный характер, поскольку не всегда удаётся балансировать между противоречащими друг другу интересами должников и кредиторов:

Есть куча кредиторов, которые всегда думают, что арбитражный управляющий заряженный, что он с чьей-либо другой стороны. Один кредитор думает, что он со стороны другого кредитора; тот думает, что он со стороны должника. Должник думает, что он со стороны этого кредитора. А налоговая вообще думает, что они тут вместе все сговорились, подставили его, и он вообще против неё работает (информант 2).

Кроме того, работа управляющим предполагает высокую мобильность и нестабильный график, включает как постоянное участие в судебных заседаниях, так и погружение в ситуацию банкротящегося должника на месте. В условиях сохраняющегося неравного распределения нагрузки по ведению домашнего хозяйства и воспитанию детей¹⁰ это может также снижать долю женщин в данной юридической профессии [Gellis 1991].

Подобные выводы актуальны как для зарубежных стран, так и для России, что подтверждается опубликованными в 2023–2024 гг. исследованиями ВЦИОМа о представлениях граждан о семье и карьерных перспективах женщин. Так, 61% женщин утверждают, что для них одинаково важны и работа, и семья, в то время как мужчины чаще связывают жизненные приоритеты преимущественно с семьёй¹¹. В среднем женщины тратят на неоплачиваемый труд по дому и уход за членами семьи более четырёх часов в сутки, тогда как мужчины — около полутора. Кроме того, почти треть женщин ежедневно осуществляют уход за детьми, в то время как среди мужчин таких лишь каждый пятый¹².

Исследователи также отмечают и меньшую мобильность женщин. Так, мужчины чаще выражают готовность к переезду, более длительному пути до работы и заметно чаще претендуют на руководящие должности¹³.

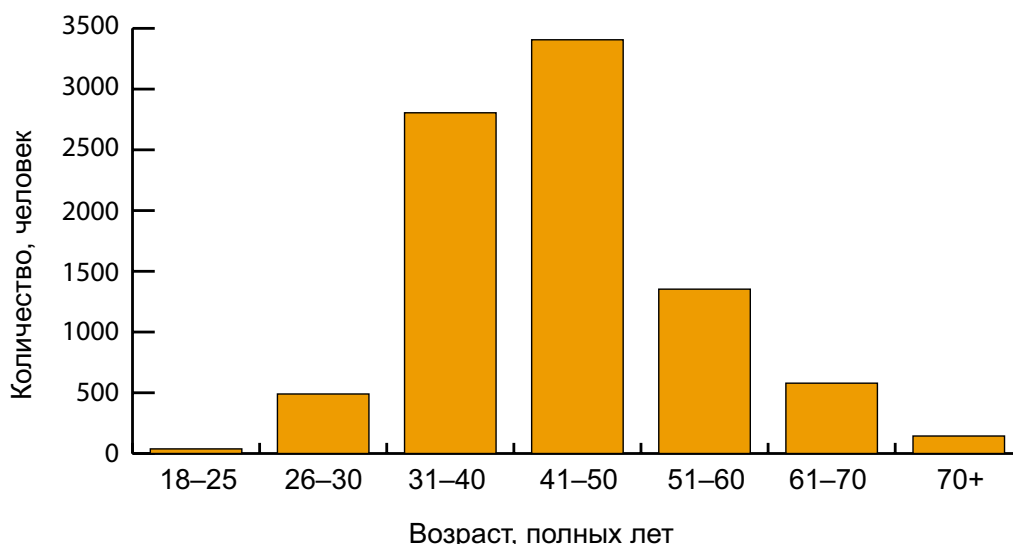
¹⁰ См., например, опрос, проведённый ВЦИОМа в 2023 г., о распределении обязанностей в семье: Кто в доме хозяин? Представления россиян о семье... Электронный ресурс [код доступа]: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/kto-v-dome-khozjain> (дата обращения: 30 апреля 2025 г.).

¹¹ Опрос ВЦИОМа о работе и семье, проведённый в 2024 г.: Современная женщина: между работой и семьёй. Электронный ресурс [код доступа]: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/sovremennaja-zhenshchina-mezhdu-rabotoi-i-semei> (дата обращения: 27 июня 2025 г.).

¹² См. отчёт «Гендерное неравенство» от проекта «Если быть точным» за 2021 г. Электронный ресурс [код доступа]: <https://tochno.st/materials/gendernoe-neravenstvo-new> (дата обращения: 27 июня 2025 г.).

¹³ См. отчёт «Гендерное неравенство» от проекта «Если быть точным» за 2021 г. Электронный ресурс [код доступа]: <https://tochno.st/materials/gendernoe-neravenstvo-new> (дата обращения: 27 июня 2025 г.).

Распределение по возрастным когортам показывает (см. рис. 2), что основную массу составляют арбитражные управляющие среднего возраста (40–50 лет). Когорта молодых управляющих до 30 лет довольно немногочисленна, что выглядит логично с учётом о необходимости наработки стажа руководящей работы и практики в качестве помощника.



Источник: Объединённые данные с сайтов СРО.

Рис. 2. Возраст арбитражных управляющих ($n = 8\,815$ чел.), 2024 г.

Как отмечалось выше, в отличие от других юридических профессий арбитражный управляющий не обязан иметь высшее образование непременно в сфере права. Это может быть любое иное образование. Однако данные показывают, что именно юридическое образование наиболее распространено среди управляющих (см. рис. 3).



Источник: Объединённые данные с сайтов СРО.

Примечание: В качестве основы для типологии взяты укрупнённые направления, соответствующие Федеральному государственному образовательному стандарту (ФГОС) 3+-. См.: Электронный ресурс [код доступа]: <https://fgosvo.ru/fgosvo/index/24> (дата обращения: 30 апреля 2025 г.).

Рис. 3. Тип высшего образования арбитражных управляющих ($n = 10\,181$ чел.)

Такое сильное преобладание может быть вызвано тем, что деятельность арбитражного управляющего сопряжена с участием в судебных процессах, что требует высокого уровня понимания правовых вопросов, а юридическое образование во многом упрощает данную часть деятельности. Экономическое образование, хотя и занимает второе место по частоте, серьёзно уступает юридическому. Это может объясняться тем, что антикризисные процедуры по восстановлению платёжеспособности должника (финансовое оздоровление и внешнее управление), где экономические компетенции нужны прежде всего, слабо распространены в России. Типичная траектория банкротного дела включает наблюдение и последующее конкурсное производство (для организаций) и реализацию имущества (для граждан). То же самое можно сказать и об образовании в области менеджмента, которое занимает третью строчку (см. рис. 3).

Как показывает практика, если арбитражный управляющий работает с юридическими лицами, то, наверное, лучше экономическое образование. По физикам, я считаю, что юридическое лучше, потому что там экономики нет. Там именно чисто юридический вопрос (информант 5).

В региональном разрезе мы видим высокую концентрацию управляющих в двух столицах и прилегающих областях. В Москве и Московской области проживает 19% всех арбитражных управляющих; в Санкт-Петербурге и Ленинградской области — 7%, тогда как в следующих по численности Краснодарском крае и Татарстане — 4 и 3% соответственно; в остальных регионах ещё меньше. В целом это распределение арбитражных управляющих хорошо накладывается на распределение по регионам дел о банкротстве организаций. Так, в 2024 г. наибольшее количество сообщений о начале конкурсного производства было подано в Москве (22,9%), Московской области (8,8%), Санкт-Петербурге (7,2%), Краснодарском крае (3,3%) и Татарстане (3%) [Банкротства в России 2024]. Таким образом, популяция арбитражных управляющих в регионах в основном соответствует размерам рыночных ниш дел юрлиц.

Однако если смотреть на банкротства граждан, то распределение дел значительно отличается. В том же 2024 г., например, сообщения о введении реализации имущества граждан для первых пяти регионов по данному показателю, согласно «Федресурсу», распределились уже следующим образом: Московская область — 5,3%; Краснодарский край — 5,1%; Москва — 4,8%; Свердловская область — 3,6%; Башкортостан — 3,3%. Санкт-Петербург и Татарстан оказались лишь на 7-м и 9-м местах соответственно [Банкротства в России 2024].

Таким образом, заметные различия в потоках дел по регионам в зависимости от типа должника. Распределение дел граждан в меньшей степени соответствует количеству управляющих в регионах, что может влиять как на их характеристики, так и на активность в банкротных делах, а также на доходность работы. Эти вопросы рассматриваются в следующем разделе. Подводя же итоги этого раздела, резюмируем: типичный арбитражный управляющий в России — это мужчина в возрасте 40–50 лет, имеющий высшее юридическое образование и проживающий в Москве или Санкт-Петербурге.

Тип должника и сегментация сообщества арбитражных управляющих

Приведённые выше данные показывают потенциальные ниши для деятельности арбитражных управляющих. Для ответа на вопрос о том, насколько они полные и реальные, мы, на основе собранной нами статистики, посмотрели на региональное распределение количества дел в привязке к регионам проживания арбитражных управляющих (см. рис. 4).



Источник: Данные «Федресурса» об опубликованных сообщениях управляющих, объединённые с биографическими данными об управляющих, собранными на сайтах СРО.

Примечание: Показаны данные для регионов, в которых было минимум 100 дел.

Рис. 4. Доля банкротств юрлиц в делах управляющих по регионам, 2015–2024 гг.

Цветовая градация на рисунке 4 показывает соотношение дел юрлиц и физлиц в работе арбитражных управляющих региона (жёлтый — юрлица; синий — физлица). На приведённой карте видно, что арбитражные управляющие, ведущие дела граждан, преобладают не в столичных регионах. Наибольшая специализация на этом типе должника заметна в Белгородской области, Республике Ингушетия, Республике Калмыкия, Челябинской и Пензенской областях (окрашены в тёмно-синий цвет). С учётом регионального дисбаланса (концентрация экономической активности в Москве и Санкт-Петербурге) такое соотношение, вероятно, говорит о меньшей доходности и престижности данной категории дел.

Для сравнения характеристик арбитражных управляющих, ведущих дела граждан, с их коллегами, специализирующимися на делах организаций, была проведена следующая операционализация: для каждого управляющего мы определяем долю дел юрлиц от всех дел, в которых он работал. Если эта доля больше 1% и меньше 25%, мы относим его к группе управляющих, преимущественно специализирующихся на делах граждан; если эта доля лежит в диапазоне 75–99% — к группе, преимущественно специализирующихся на делах организаций. Кроме того, мы отдельно рассмотрели случаи, когда 100% нагрузки составляют либо юридические (99–100% дел юрлиц в портфеле), либо физические лица (0–1% дел юрлиц в портфеле), то есть выделили специализацию в её наиболее чистом виде.

Если говорить о распределении мужчин и женщин среди управляющих, то мы видим довольно существенные отличия в зависимости от типа должника (см. табл. 1).

Таблица 1

Гендерное распределение управляющих по типам должников

№ П/П	Доля дел юрилиц (%)	Пол			
		Женщины		Мужчины	
		N	Доля по строке (%)	N	Доля по строке (%)
1	[0, 1]	1 073	45,18	1 302	54,82
2	(1, 25]	755	32,59	1 562	67,41
3	(25, 50]	383	26,14	1 082	73,86
4	(50, 75]	241	23,26	795	76,74
5	(75, 99]	101	18,91	433	81,09
6	(99, 100]	174	24,61	533	75,39

Источник: Данные «Федресурса» об опубликованных сообщениях управляющих, объединённые с биографическими данными об управляющих, собранными на сайтах СРО.

Соотношение мужчин и женщин среди управляющих, ведущих преимущественно дела граждан, — 67,41% и 32,59% соответственно (см. строку 2 в таблице 1) — почти в точности соответствует распределению в целом по сообществу. Однако среди специализирующихся преимущественно на делах компаний доля женщин значительно меньше и составляет 18,91% (см. строку 5 в таблице 1). Если сравнивать долю женщин только у управляющих с исключительной специализацией, то разрыв будет ещё сильнее — 45,18% женщин среди управляющих (см. строку 1 в таблице 1), ведущих только дела граждан, и всего 24,61% среди ведущих только дела юрилиц (см. строку 6 в таблице 1).

В условиях гендерного дисбаланса на рынке труда концентрация женщин не только в отдельных профессиях, но и в определённых сегментах внутри одной профессии часто свидетельствует о более низком доходе и престиже таких сегментов. Скажем, среди британских юристов женщины более представлены в сфере семейного права, трудовых споров о возмещении вреда здоровью, тогда как мужчины — в более доходных коммерческих и корпоративных спорах [Bolton, Muzio 2007].

Насколько прибыльность ведения банкротных дел действительно отличается в зависимости от типа должника, можно понять из сравнения размеров задолженности в делах о банкротстве (см. табл. 2 и рис. 5). Здесь нужно помнить, что из имущества, которое реализует арбитражный управляющий для погашения задолженности, он имеет право получить до 7% суммы.

Таблица 2

Сравнение сумм задолженности в разбивке по типам должников

Доля дел юрилиц (%)	Сумма долга (тыс. руб.)					
	N	Min	Max	Mean	Median	SD
[0, 1]	617	46,69	1 785 229,44	17 936,67	1461,02	95 667,75
(1, 25]	1570	5,34	2 338 620,43	50 672,14	9689,70	160 100,06
(25, 50]	1048	39,85	4 106 816,01	99 275,38	30 226,36	232 246,96
(50, 75]	818	39,85	3 428 315,59	188 066,76	57 654,21	351 980,31
(75, 99]	439	551,51	4 106 816,01	330 001,58	98 852,69	616 271,47
(99, 100]	419	39,85	4 106 816,01	400 617,09	90 675,21	719 946,06

Источник: Данные «Федресурса» об опубликованных сообщениях управляющих, объединённые с финальными отчётами управляющих за 2015–2019 гг.

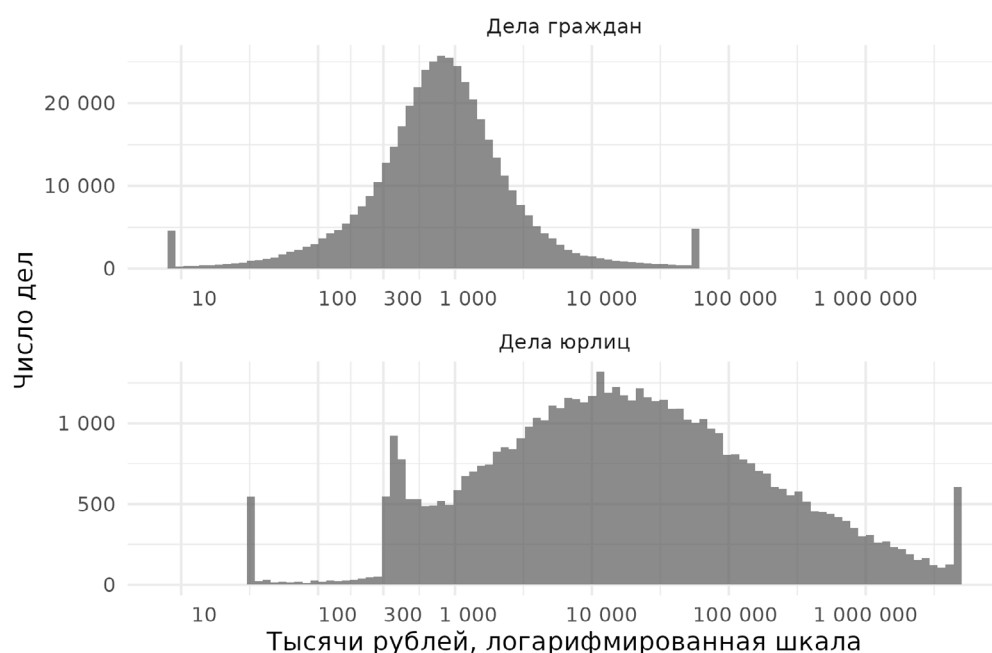


Рис. 5. Сравнение сумм задолженности в делах о банкротстве граждан и организаций, 2015–2019 гг.

Более точную информацию о прибыльности ведения банкротных дел даёт сопоставление финальных размеров вознаграждений арбитражных управляющих, полученных по итогам банкротного процесса (см. табл. 3 и рис. 6). Оно включает и процентную составляющую, и фиксированный тариф.

Таблица 3

**Сравнение сумм вознаграждений арбитражных управляющих
в разбивке по типам должников**

Доля дел юрлиц (%)	N	Вознаграждение (тыс. руб.)				
		Min	Max	Mean	Median	SD
[0, 1]	620	10	4924,11	123,71	25	366,38
(1, 25]	1572	10	2188,93	259,5	146,84	314,37
(25, 50]	1047	10	3699,33	450,43	363,23	392,41
(50, 75]	818	10	4924,11	620,1	526,92	486,18
(75, 99]	438	10	4924,11	804,85	664,93	577,63
(99, 100]	420	10	4924,11	888,54	730,69	735,09

Источник: Финальные отчёты управляющих, 2015–2019 гг.

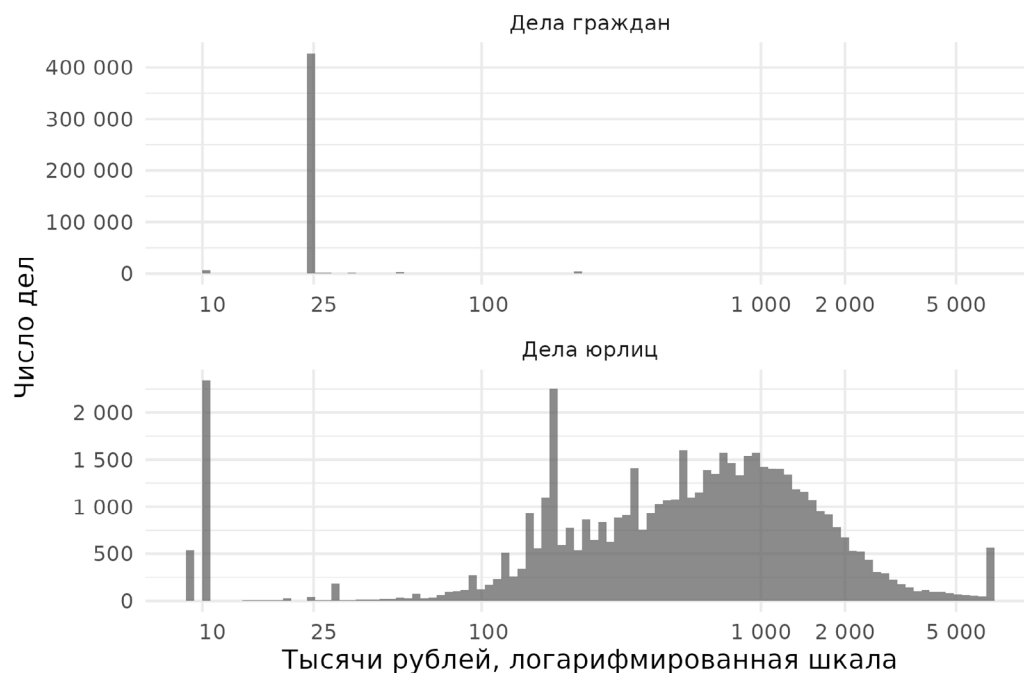


Рис. 6. Сравнение размеров вознаграждения арбитражного управляющего в делах о банкротстве граждан и организаций, 2015–2019 гг.

Как видим, доходность ведения дел организаций резко отличается, она гораздо выше, чем от ведения дел граждан. Хотя в обоих случаях управляющие имеют право на процент от реализации имущества с торгов, в случае банкротства граждан — это опция в реальности не приносит дохода. Пик на графике показывает, что в подавляющем большинстве случаев профит в деле сводится к фиксированной сумме в 25 тыс. руб.

Сравнив суммы долга и вознаграждения в делах с разным типом должников, посмотрим, как эти значения распределяются по квартилям специализации управляющих. Это покажет, сколько зарабатывают по итогам дела те, кто ведёт преимущественно или исключительно дела граждан, по сравнению со своими коллегами по делам организаций.

Из таблицы 3 видно, что средние вознаграждения в разы отличаются: для преимущественно участвующих в делах граждан — это 260 тыс. руб. за дело, тогда как для участвующих в делах компаний — 805 тыс. руб. Понятно, что для ведущих исключительно дела граждан медиана вознаграждения будет около или чуть больше 25 тыс. руб. (фиксированный тариф). Насколько это соотносится с приемлемым уровнем заработка в этой сфере?

Ты берёшь условно одного юрика, и ты считаешь, что 360 тысяч ты в год получил. Ты берёшь одного физика — ты получишь за год всего 25 тысяч рублей. С точки зрения как бы денег, наверное, логичнее тогда заниматься юридическими лицами. Но то, что касается убытков, откровенно говоря, накосячить с физиками значительно сложнее, чем с юриками (Алена Теплова).

Представляется, что добиться подобного уровня дохода при специализации на банкротстве граждан можно лишь за счёт большего объёма дела. Так ли это, можно понять из таблицы 4, где показано сравнение рабочей нагрузки арбитражного управляющего.

Таблица 4

**Распределение рабочей нагрузки арбитражных управляющих
в зависимости от типа должника**

Доля дел юрлиц (%)	N	Min	Число дел в месяц			
			Max	Mean	Median	SD
[0, 1]	2384	0	313,3	5,19	1,15	16,48
(1, 25]	2317	0,02	17,02	0,8	0,42	1,12
(25, 50]	1467	0,01	2,01	0,19	0,14	0,19
(50, 75]	1036	0,01	0,97	0,13	0,09	0,11
(75, 99]	534	0,02	0,92	0,12	0,09	0,1
(99, 100]	728	0	0,25	0,04	0,03	0,03

Источник: Данные «Федресурса» о сообщениях управляющих, 2011–2024 гг.

Объём дел на порядки отличается в зависимости от специализации: среднее месячной нагрузки управляющих с чистой и преимущественной специализацией на личном банкротстве — 5 и 0,8 дела соответственно. Тогда как аналогичные значения для ведущих дела организаций — лишь 0,12 и 0,04. В наиболее экстремальных случаях количество дел граждан в месяц может достигать 300 и более. Разумеется, в одиночку управляющий не может вести такой огромный поток дел. Как свидетельствуют наши качественные данные, такой объём достигается за счёт большого штата помощников и юристов на аутсорсе.

Мой подход основан на массовых процедурах банкротства. В моей команде есть ведущие юристы, есть производители, есть специалисты по торгам. В общем, много-много кто отвечает за различные аспекты этой деятельности. И моя задача именно как руководителя сделать так, чтобы всё работало как часы. Мы ведём достаточно простые истории по физлицам, но они позволяют как раз работать неким конвейером, потому что можно вести много дел. Главное, оптимизировать, собрать команду, которая будет помогать, и выстроить эти процессы (информант 5).

Кроме того, дела граждан в большинстве случаев более шаблонны, требуют меньше действий и менее продолжительны, поэтому в большей степени могут вестись в упомянутом в интервью «конвейерном» режиме. Они также вызывают меньше жалоб участников. Так, наши данные показывают, что в делах граждан среднее число оспариваемых сделок равно 0,08 (при 0,95 для дел юрлиц), полученных жалоб — 0,04 (при 0,63 для дел юрлиц), а средний срок дела составляет 281 день (при 709 для дел юрлиц) (см. табл. 5).

Таблица 5

Сравнение активности арбитражных управляющих в банкротных делах по типу должника*

Сложность	Физлица				Юрлица			
	N	Mean	Median	SD	N	Mean	Median	SD
Длительность процедуры, дни	77 964	280,93	209	196,25	35 631	709,31	563	544,45
Оспоренные сделки	77 966	0,08	0	0,58	35 631	0,95	0	4,38
Жалобы на арбитражного управляющего	77 966	0,04	0	0,4	35 631	0,63	0	12,13

Источник: Финальные отчёты управляющих, 2015–2019 гг.

* В таблице приведены агрегированные значения по двум типам финальных отчётов — о завершении банкротного дела физического или юридического лица.

Также содержательно дела юридических лиц зачастую сложнее и требуют понимания специфики предпринимательской деятельности. А в случае оздоровительных антикризисных процедур (хотя они и

редки в российском контексте) эти компетенции даже выходят на первый план. Таким образом, есть основания полагать, что экономическое образование будет в большей степени представлено среди управляющих, специализирующихся на делах компаний, а не граждан.

Таблица 6

Распределение арбитражных управляющих по типу должника в зависимости от образования

Доля дел юрлиц (%)	Юридическое		Образование Экономическое		Иное	
	N	Доля по строке (%)	N	Доля по строке (%)	N	Доля по строке (%)
[0, 1]	1034	62,29	320	19,28	306	18,43
(1, 25]	927	54,05	406	23,67	382	22,27
(25, 50]	565	51,5	242	22,06	290	26,44
(50, 75]	420	53,3	160	20,3	208	26,4
(75, 99]	198	49,62	94	23,56	107	26,82
(99, 100]	290	49,91	121	20,83	170	29,26

Источник: Данные «Федресурса» об опубликованных сообщениях управляющих, объединённые с биографическими данными об управляющих, собранными на сайтах СРО. Без учёта управляющих, об образовании которых нет информации.

Если сравнивать образование арбитражных управляющих по критерию преимущественной специализации, то каких-либо значимых различий не обнаруживается: в обоих случаях доля управляющих с экономическим образованием составляет 23,6% (см. табл. 6). Незначительные отличия видны при сравнении групп с чистой специализацией: 19,28% управляющих-экономистов по делам граждан и 20,83% по делам компаний. Это может свидетельствовать о том, что формальное образование, несмотря на его важность как элемента профессионального капитала, не является решающим фактором формирования профессиональных ниш. Возможно, знание юридических процедур играет ключевую роль, тогда как экономические компетенции часто приобретаются в процессе практической работы.

Однако больший интерес для сравнения двух групп представляет категория иного высшего образования (и не юридического, и не экономического): 18,43% против 29,26% соответственно. В датасете встречаются арбитражные управляющие с образованием в области строительства, аграрной промышленности, транспорта и т. п.

Почему иное (чаще всего техническое) образование более характерно для специализирующихся на должниках-компаниях? Этому может быть следующее объяснение: закон о банкротстве даёт кредиторам возможность вводить критерий наличия определённого образования у арбитражного управляющего при его подборе (ст. 20.2), поэтому диплом о соответствующем образовании может повышать шансы получить дело, то есть узкоспециализированное образование может стать конкурентным преимуществом, если специальность соответствует сфере деятельности должника.

Иногда закон ограничивает выбор управляющих иным образом. Например, Фонд развития территорий (ФРТ) ведёт свой список аккредитованных арбитражных управляющих для банкротства застройщиков¹⁴. Компетенции в технических областях и соответствующее образование могут в этом случае быть дополнительным преимуществом. Кроме того, условием аккредитации является стаж управленческой работы именно в строительной отрасли. Если посмотреть на список таких аккредитованных управляющих (всего в нём 200 чел.), то обладателей иного (не юридического или экономического) образования среди них 25%, тогда как в целом по сообществу таковых только 17%.

¹⁴ См. список арбитражных управляющих, аккредитованных ФРТ: Электронный ресурс [код доступа]: https://фрт.рф/for_managers/accruited_arbitration_managers/ (дата обращения: 30 апреля 2025 г.).

Таким образом, из приведённых выше данных видно, что социальные характеристики управляющих (гендер и образование), активность в делах (объём нагрузки, оспариваемые сделки, жалобы участников, сроки) и доходность дела (суммы задолженности и вознаграждения) различаются по типу должника. Такова структура сообщества, которую мы получаем на выходе, но нас также интересуют факторы, способствующие выбору одной из двух специализаций.

Какие управляющие склонны к тому, чтобы концентрироваться на определённом типе должника? Какие факторы в большей степени связаны с той или иной нишей? Для ответов на эти вопросы мы оценили коэффициенты бета-регрессионной модели.

Мы предполагаем, что карьерные пути управляющих — мужчин и женщин различаются, поэтому в модель 2 (см. табл. 7) добавляем взаимодействия Возраста с Гендером и Опыта с Гендером. Ожидается, что влияние опыта может быть нелинейно: управляющий возьмётся за более сложные дела, то есть дела юристов, или получит их спустя некоторое — вполне возможно, продолжительное — время. Чтобы учесть это, в модели 3 (см. табл. 7) мы вводим Опыт не как непрерывную переменную, а как фактор с уровнями «Менее года работы», «1–3 года работы» и т. д.

Таблица 7

Регрессионный анализ (бета-регрессия) связи характеристик управляющих и специализации по типу должника (доли дел юристов в портфеле управляющего)*

Переменные	Модель 1	Модель 2	Модель 3
Мужчина	1,238*** (0,050)	1,078 (0,082)	0,778 (0,162)
Опыт работы, месяцы	1,008*** (0,001)	1,007*** (0,001)	
Возраст, годы	0,998 (0,002)	1,001 (0,003)	1,003 (0,004)
Начало работы до БФ	1,579*** (0,095)	1,579*** (0,096)	1,622*** (0,176)
Образование: экономическое	1,052 (0,060)	1,054 (0,061)	1,006 (0,057)
Образование: юридическое	1,061 (0,050)	1,064 (0,051)	1,022 (0,047)
Два образования	1,091 (0,062)	1,086 (0,062)	1,106 (0,069)
Мужчина × Опыт работы, месяцы		1,001 (0,001)	
Мужчина × Возраст,		0,996 (0,004)	0,996 (0,005)
Опыт работы, годы: (1, 3]			0,928 (0,096)
Опыт работы, годы: (3, 5]			1,295* (0,156)
Опыт работы, годы: (5, 7]			1,709*** (0,207)
Опыт работы, годы: (7, 10]			2,397*** (0,378)
Опыт работы, годы: (10,15]			3,438*** (0,784)
Опыт работы, годы: (15, 23]			2,618*** (0,629)
Мужчина × Опыт работы, годы: (1, 3]			1,296 (0,266)
Мужчина × Опыт работы, годы: (3, 5]			1,289 (0,272)
Мужчина × Опыт работы, годы: (5, 7]			1,735* (0,394)
Мужчина × Опыт работы, годы: (7, 10]			1,662* (0,405)
Мужчина × Опыт работы, годы: (10, 15]			1,466 (0,371)
Мужчина × Опыт работы, годы: (15, 23]			2,517** (0,747)
Число наблюдений	5 784	5 784	5 784
Псевдо-R ²	0,277	0,278	0,302
AIC	– 18 355,3	– 18 359,3	– 18 450,2
BIC	– 17 515,8	– 17 506,4	– 17 530,7
RMSE	0,30	0,30	0,30

Примечания: *В таблице учтены управляющие, для которых известны значения всех использованных переменных. Чтобы снизить шумность в зависимой переменной, учитывались только арбитражные управляющие (АУ), завершившие минимум

10 банкротных процедур. Референсные значения: Гендер — Женщина; Образование — Иное; Опыт работы, годы — [0, 1]. Коэффициенты экспоненцированы. Ошибки кластеризованы на уровне региона.

*** $p < 0,001$; ** $p < 0,01$; * $p < 0,05$.

Результаты базового моделирования (см. модель 1, табл. 7) указывают на то, что Гендер и Опыт работы управляющего статистически значимо связаны с ожидаемой пропорцией дел физических и юридических лиц в его портфеле. Если добавить в модель интеракцию Гендера и Опыта (см. модель 2, табл. 7), эффект первого признака (то есть Гендера) снижается и перестаёт быть значимым, что указывает на верность нашего предположения о различии в карьерных траекториях мужчин и женщин, однако коэффициент при интерактивной переменной «Мужчина × Опыт работы, месяцы» незначим. Мы объясняем это нелинейной связью между опытом и специализацией; модель 3 подтверждает такое объяснение: опыт начинает значимо влиять на специализацию примерно через три года после начала работы, причём с определённого момента для мужчин эффект опыта сильнее, чем для женщин (это наглядно демонстрирует график значений, прогнозируемых моделью 3; см. рис 7). Возраст управляющего незначим ни в одной из рассматриваемых спецификаций; по-видимому, это говорит о том, что он влияет в основном через опыт работы, а не через не имеющий прямого отношения к практике социальный статус, связанный с возрастом (или, как минимум, о том, что влияние последнего невелико¹⁵). Тип высшего образования, как и наличие нескольких дипломов, против наших ожиданий оказался незначимым во всех моделях. Мы предполагаем: это говорит о том, что основные навыки, необходимые для работы управляющего, приобретаются на практике.

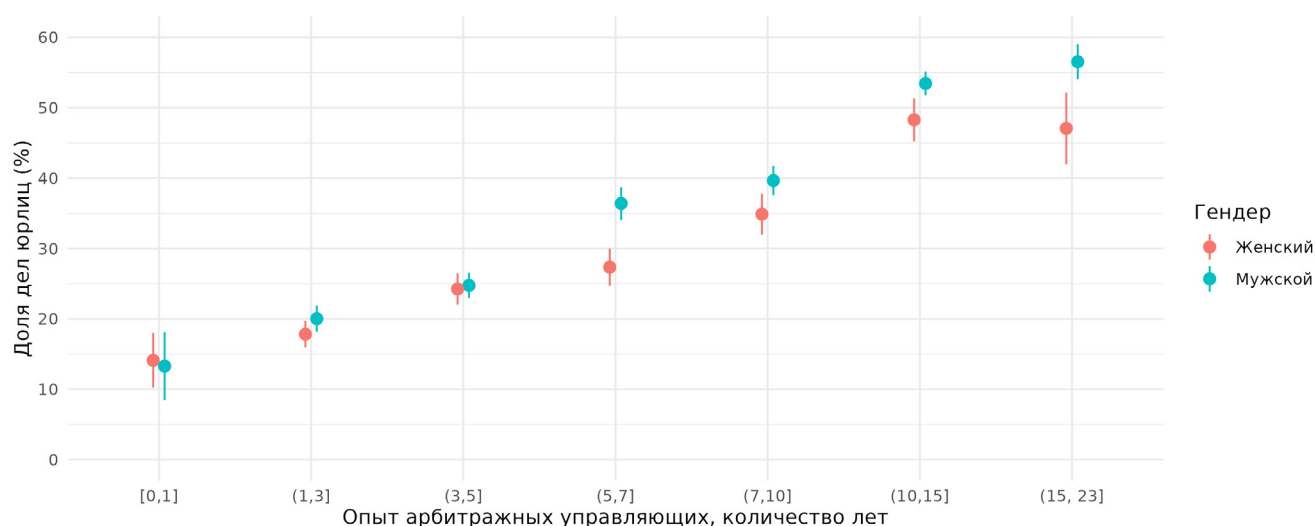


Рис. 7. Результат регрессионного моделирования: средний прогноз доли юрлиц для групп по опыту и гендеру

Обсуждение результатов исследования

Согласно полученным результатам, тип должника действительно стратифицирует сообщество арбитражных управляющих, неравномерно распределяя внутри него доступ к престижу и доходу. Специализация на банкротствах организаций обеспечивает доступ к большему экономическому, социальному и символическому капиталу, в то время как дела физических лиц оказываются менее капитализированными и, следовательно, менее престижными.

¹⁵ Часть эффекта возраста схватывается переменной «Начало работы до БФ»: в не включённом в статью варианте моделирования, который повторяет модель 3, но производится на подмножестве управляющих, начавших работать после реформы, оценённый коэффициент при переменной «Возраст» статистически значим, но не велик: 0,010 (0,004). Коэффициент при интеракции Гендера и Возраста в этой модели по-прежнему незначим.

Таким образом, речь идёт не просто о символическом признании: переход в сегмент корпоративных банкротств означает рост дохода в среднем более чем в 4 раза. Это радикально меняет и финансовые перспективы, и профессиональные возможности арбитражного управляющего.

Однако мы также видим, что доступ к ресурсным позициям со временем становится гендерно асимметричным. Женщины, даже при сопоставимом стаже, реже попадают в прибыльный сегмент корпоративных банкротств. Формальных ограничений в выборе кейсов для них не существует, но де-факто, по-видимому, возникают механизмы «стеклянных стен», ограничивающие внутривнутрипрофессиональную мобильность и горизонт профессионального роста. Эти механизмы следует отличать от механизмов «стеклянного потолка». Концепция «стеклянного потолка» (*glass ceiling*) описывает барьер, который сдерживает продвижение женщин на более высокие, руководящие должности. Концепция «стеклянные стены» (*glass walls*) описывает барьер, блокирующий горизонтальные перемещения женщин, к примеру, в более ресурсоёмкие сегменты одной профессии (без повышения в должности). Наше исследование сфокусировано на горизонтальной сегментации, а не на вертикальной, поэтому концепция «стеклянных стен» здесь более уместна.

Такая гендерная асимметрия хорошо вписывается в бурдьёвистскую логику поля: даже при формальном равенстве входа, сами правила игры в поле (доступ к капиталу, признание, распределение символического веса) устроены так, чтобы воспроизводить доминирующее положение и легитимировать уже сложившуюся иерархию [Bourdieu 1990]. Женщины в этой структуре лишены возможности в равной степени накапливать и конвертировать капитал, поскольку их габитус и социальная траектория не совпадают с доминирующей нормой престижного сегмента.

Этот вывод согласуется с международными исследованиями юридических профессий, согласно которым женщины реже мужчин получают доступ к капиталоемким делам и партнёрским позициям даже при сопоставимом опыте. Так, исследование, проведённое в Лондонской школе экономики, показывает, что после 12 лет юридической практики женщины-адвокаты на 12% реже становятся партнёрами, чем их коллеги-мужчины [Azmat, Cuñat, Henry 2025]. А. Пиннингтон и Дж. Сандберг выделяют в качестве объясняющего механизма подобной асимметрии доступа неформальную передачу репутации внутри гендерно однородных мужских сетей, из которых женщины системно исключаются [Pinnington, Sandberg 2013].

Кроме того, как отмечает Хилари Зоммерлад, мужская клиентура и профессиональная культура юридических профессий воспроизводят мужские дискурсы, усложняя коммуникацию и карьерное продвижение для женщин [Sommerlad 2002]. Это особенно заметно в сегменте корпоративных банкротств, где клиенты — руководители предприятий — в большинстве случаев мужчины. Согласно статистике, в России в 2020 г. только около 12% руководящих позиций в крупных и средних компаниях и около 20% в микропредприятиях занимали женщины¹⁶. В условиях корпоративного взаимодействия, где важны быстрота решений и минимизация рисков, клиент может бессознательно выбирать «похожего» — мужчину с близким жизненным и профессиональным бэкграундом, особенно если ставки высоки.

Профессия арбитражного управляющего требует чёткости, устойчивости и спокойной реакции, особенно на поведение мужчин; не каждый мужчина воспримет женщину — арбитражного управляющего. По сути, это управленец, директор одновременно нескольких организаций — у арбитражных управляющих бывает десятки предприятий, где он считается директором. Поэтому, исходя из требуемых компетенций, черт характера, сложности работы, эта профессия ассоциируется в основном с мужчинами (Ирина Тищенко).

¹⁶ Share of Women Holding CEO Positions in Russian Businesses in 2020, by Company Size. 2025. Statista. Электронный ресурс [код доступа]: <https://www.statista.com/statistics/1127267/share-of-female-ceo-in-russia> (дата обращения: 10 июля 2025 г.).

На начальном этапе доступ к сегменту корпоративных банкротств ограничен для всех арбитражных управляющих вне зависимости от пола, и гендерная асимметрия кажется несущественной. Однако, по мере роста социального капитала и расширения профессиональных сетей неформальные барьеры начинают играть все более значимую роль. В результате небольшие гендерные различия на старте превращаются в устойчивую горизонтальную сегрегацию, влияющую как на доход, так и на символический капитал специалиста.

Упомянутое ранее исследование Джона Хайнца и Эдварда Лауманна приобретает особую значимость [Heinz, Laumann 1982]. Тип клиента действительно остаётся основным фактором стратификации сообщества, но в случае арбитражных управляющих он выступает не просто как обезличенная категория, а как представитель определённых социальных характеристик (в частности, гендера).

Гендер становится своего рода фильтром: клиенту может быть проще довериться специалисту, который выглядит, говорит и действует в соответствии с привычным, нормативным образом арбитражного управляющего, а этот образ культурно и визуально — мужской. Таким образом, клиенты сами могут выступать агентами стратификации, закрепляя гендерную асимметрию и косвенно исключая женщин из капиталоемкого сегмента через рутинные акты предпочтения.

Таким образом, гендерные различия в доступе к экономически значимым кейсам нельзя объяснить только индивидуальными характеристиками. Они встроены в структурную логику профессии, где успех зависит не только от компетенции, но и от включенности в мужские репутационные сети, от ожиданий клиентов и устойчивых культурных ассоциаций, согласно которым эффективный управленец должен быть мужчиной.

Заключение

Более 40 лет назад Джон Хайнц и Эдвард Лауманн опубликовали ныне ставшее классическим исследование стратификации чикагских юристов [Heinz, Laumann 1982], в котором показали, что, вопреки распространённому мнению, престиж и доход внутри сообщества распределяются не по типу дел (например, уголовные или гражданские), а по типу клиентов. Юристы, работающие преимущественно с корпорациями и индивидами, образуют два разных профессиональных мира. Их характеристики, как социально-демографические, так и связанные с практиками работы, существенно отличаются, чему есть социологическое объяснение. Обращение клиента и установление с ним отношений — это прежде всего продукт межличностных сетей. Успешность в их выстраивании обусловлена не только знанием какой-то отрасли права, но и другими составляющими социального капитала.

Схожим образом мы обнаружили, что тип должника (гражданин или организация) является важным фактором структурирования профессионального сообщества арбитражных управляющих. Социальный портрет типичного арбитражного управляющего таков: мужчина средних лет с высшим юридическим образованием, выходец из Москвы или Санкт-Петербурга. Однако рыночная ниша дел с должниками-гражданами в большей степени заполнена женщинами и представителями регионов. В условиях гендерного и регионального дисбаланса на рынке труда и в уровне доходов это может говорить о более низкой престижности и доходности сегмента личного банкротства. И действительно, сравнение медианных сумм вознаграждений показывает, что они в сегменте личного банкротства на порядки ниже вознаграждений тех, кто специализируется преимущественно или исключительно на корпоративных банкротствах. Это подтверждает нашу гипотезу 1 (H 1), в соответствии с которой стратификация внутри профессии связана с типом должника и отражается в профиле управляющих.

Кажется, добиваться сопоставимого уровня заработков в сфере личного банкротства возможно лишь за счёт большого потока дел. Данные и правда говорят нам о том, что большой поток дел — это распространённая стратегия, и месячный объём дел управляющих, фокусирующихся на банкротстве граждан, значительно выше. В то же время статистически эти дела и менее затратны в плане времени и усилий, а также менее рискованны в плане обжалования действий управляющих. Так, специалисты, занимающиеся делами граждан, реже оспаривают сделки должников, получают меньше жалоб, а сроки таких дел короче. В меньшей степени таким управляющим, в отличие от тех, кто занимается делами юридических лиц, необходимо экономическое образование. Это позволяет говорить о формировании стратегии высокой активности при низком вознаграждении, что соответствует логике гипотезы 2 (H2): менее доходный, но более потоковый характер личного банкротства делает его нишей для менее ресурсных профессионалов.

В заключение мы задались вопросом: какие факторы значимо связаны со специализацией на делах граждан? Результаты регрессионного анализа показали, что с большей вероятностью такие дела ведутся арбитражными управляющими с небольшим опытом работы, в начале карьеры. Схожим образом, например, уголовные дела по назначению государства за небольшие тарифы ведутся чаще молодыми адвокатами без опыта [Бочаров, Моисеева 2017]. Как правило, преобладание начинающих специалистов в каком-то сегменте говорит как о более низком уровне заработков, так и о более простом, шаблонном характере работы.

Если рассматривать сложившуюся структуру сообщества арбитражных управляющих через концепции Эндрю Эбботта и Пьера Бурдьё, можно говорить о формировании внутрипрофессиональной стратификации [Abbott 1988; Bourdieu 1990]. Корпоративный сегмент ассоциируется с большим объёмом профессионального капитала — формального, символического, сетевого, тогда как дела граждан чаще ведутся менее опытными, менее ресурсными управляющими, и в этом сегменте доминируют стратегии выживания в профессии, основанные на массовом потоке дел и стандартизации. Такая структура предполагает отсутствие единой профессиональной идентичности; вместо неё мы видим фрагментированное поле с разными карьерными стратегиями и условиями труда.

Таким образом, организации и граждане в своих делах о банкротстве получают разных управляющих с отличающимися моделями работы. В основе этих различий лежит разная финансовая отдача для управляющих в этих двух типах дел. Насколько всё это создаёт проблемы и нарушает ожидания должников из числа граждан, предмет отдельных исследований. Но уже сейчас можно сказать, что личное банкротство больше располагает к «конвейерному» формату ведения дел.

Во многих случаях такая ситуация может быть оправдана более простым характером дел по сравнению с корпоративным банкротством. В пределе, управляющий вообще может быть не столь нужной фигурой в делах о личном банкротстве, и рост числа внесудебных банкротств с не крупными суммами долга это показывает. Однако персональное банкротство включает также и содержательно сложные дела, где как раз нужны опытный взгляд профессионала, значительные затраты рабочего времени и немалые усилия. При этом, несмотря на схожесть формальных принципов расчёта вознаграждения, на практике средний доход в корпоративных делах оказывается в несколько раз выше. В связи с этим представляется важным инициировать профессиональную дискуссию о возможных механизмах, которые могли бы стимулировать участие квалифицированных специалистов в сложных делах физических лиц.

Наконец, важно учитывать, что специализация на личных банкротствах чаще наблюдается среди женщин, особенно в регионах, что указывает на гендерно сегрегированный характер профессионального поля. Такая концентрация женщин в менее престижном и менее доходном сегменте может рассматриваться как проявление «стеклянных стен» — структурного механизма, ограничивающего доступ к более выгодным профессиональным позициям. Это пересечение экономических и гендерных неравенств требует дальнейшего изучения, в том числе с точки зрения устойчивости карьерных траекторий и возможностей профессионального роста.

Приложение 1

Основные сведения об информантах

Таблица III.1

Интервью, собранные в рамках исследования

Номер информанта	Пол	Возраст (полных лет)	Специальность	Место жительства	Дата интервью
1	Мужчина	36	Арбитражный управляющий	Москва	4 марта 2025 г.
2	Мужчина	Нет данных	Арбитражный управляющий	Москва	18 марта 2025 г.
3	Женщина	35	Директор СРО	Санкт-Петербург	21 марта 2025 г.
4	Мужчина	49	Сопредседатель Совета СРО	Москва	19 марта 2025 г.
5	Мужчина	36	Арбитражный управляющий	Новосибирск	16 марта 2025 г.
6	Женщина	21	Помощник арбитражного управляющего	Оренбург	12 июня 2025 г.
7	Женщина	21	Помощник арбитражного управляющего	Оренбург	15 июня 2025 г.
8	Мужчина	27	Арбитражный управляющий	Санкт-Петербург	4 марта 2025 г.

Таблица III.2

Публичные интервью из СМИ

Имя, фамилия	Пол	Должность	Год	Источник	Ссылка на электронный ресурс [код доступа]
Михаил Василега	Мужчина	Арбитражный управляющий, председатель Общероссийского профсоюза арбитражных управляющих (ОРПАУ)	2022	ПРОбанк-ротство	https://probankrotstvo.ru/interview/persony-pro-bankrotstvo-mikhail-vasilega-1391 (дата обращения: 30 апреля 2025 г.)
Игорь Вышегородцев	Мужчина	Экс-арбитражный управляющий	2022	ПРОбанк-ротство	https://probankrotstvo.ru/interview/dlia-au-neobxodim-specialnyi-zashhitnyi-status-1157 (дата обращения: 30 апреля 2025 г.)
Кирилл Ноготков	Мужчина	Арбитражный управляющий, директор Российского союза саморегулируемых организаций арбитражных управляющих (РССОАУ)	2022	ПРОбанк-ротство	https://probankrotstvo.ru/interview/persony-pro-bankrotstvo-kirill-nogotkov-686 (дата обращения: 30 апреля 2025 г.)
Алена Теплова	Женщина	Арбитражный управляющий	2022	Юридическая группа ВК	https://vk.com/@onegin_consulting-arbitrazhnyi-upravlyauschii-riski-nuansy-otvetstvennost (дата обращения: 20 мая 2025 г.)
Ирина Тищенко	Женщина	Арбитражный управляющий	2022	Авторский проект	https://novosibirsk.avtor-project.ru/tpost/8du6fysyyl-irina-tischenko-menya-vdohnovlyayut-pobe (дата обращения: 2 июня 2025 г.)
Владимир Бубликов	Мужчина	Управляющий партнёр юридической компании «Бубликов и партнёры»	2022	ПРОбанк-ротство	https://probankrotstvo.ru/interview/persony-pro-bankrotstvo-vladimir-bublikov-1694 (дата обращения: 30 апреля 2025 г.)

Таблица П1.2. Окончание.

Имя, фамилия	Пол	Должность	Год	Источник	Ссылка на электронный ресурс [код доступа]
Михаил Сачев	Мужчина	Президент союза «УрСО АУ»	2023	ПРОбанк-ротство	https://probankrotstvo.ru/interview/professii-arbitraznyi-upravliaiushhii-3772 (дата обращения: 30 апреля 2025 г.)
Елена Комашинская	Женщина	Директор Ассоциации арбитражных управляющих «Сибирский центр экспертов антикризисного управления» (ААУ СЦЭАУ)	2023	ПРОбанк-ротство	https://probankrotstvo.ru/interview/persony-pro-bankrotstvo-elena-komasinskaia-2664 (дата обращения: 20 мая 2025 г.)
Александр Бойко	Мужчина	Председатель коллегии саморегулируемой организации (СРО) «Авангард»	2023	ПРОбанк-ротство	https://probankrotstvo.ru/interview/persony-pro-bankrotstvo-aleksandr-boiko-3484 (дата обращения: 20 мая 2025 г.)
Екатерина Пушнова	Женщина	Директор СРО «Эгида»	2024	Торги России	https://xn---etbpba5admdlad.xn-plai/news/interview/professii-arbitraznyi-upravliaiushhii-kak-myslit-tvorcheski-no-po-zakonu (дата обращения: 30 апреля 2025 г.)
Виталий Нерезов	Мужчина	Арбитражный управляющий	2025	Абирег	https://abireg.ru/newsitem/106074 (дата обращения: 30 апреля 2025 г.)

Приложение 2

Описание основных переменных, использованных в регрессионном анализе

Таблица П2.1

Описание основных переменных, использованных в регрессионном анализе: все неинтерактивные переменные

Переменные	N*	Min	Max	Mean	Median	SD
Мужчина	8497	0	1	0,68	1	0,47
Возраст	7332	24	79	44,98	44	10,03
Опыт работы АУ, месяцы	8497	1	265	106,01	101	63,3
Образование:	6240		—	—	—	—
Юридическое	3434		—	—	—	—
Экономическое	1343		—	—	—	—
Иное	1463		—	—	—	—
Два образования	6240	0	1	0,16	0	0,36
Доля юрлиц	8497	0	1	0,32	0,19	0,34

*N — число наблюдений, для которых известно значение переменной. Возраст и опыт работы винсоризованы по 1 и 99 перцентилям.

Таблица П2.2

**Описание основных переменных, использованных в регрессионном анализе:
опыт работы и гендер**

Опыт работы арбитражного управляющего (АУ), количество лет	Женщины	Мужчины
[0, 1]	73	43
(1, 3]	497	568
(3, 5]	528	809
(5, 7]	415	755
(7, 10]	504	1 042
(10, 15]	540	1 760
(15, 23]	192	771

Примечание: Перед группировкой опыт работы в месяцах был винсоризован по 1 и 99 перцентилям.

Литература

Аркатов Д. et al. 2022. *Банкротство граждан в России: семь лет институту личного банкротства*. СПб.: Институт проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге (серия «Аналитические обзоры по проблемам правоприменения». 3).

Банкротства в России: январь — сентябрь 2024 года. *Статистический релиз «Федресурса»*. Электронный ресурс [код доступа]: [https://download.fedresurs.ru/files/Статрелиз 9 мес 2024.pdf](https://download.fedresurs.ru/files/Статрелиз%209%20мес%202024.pdf) (дата обращения: 30 апреля 2025).

Бочаров Т., Моисеева Е. 2017. *Быть адвокатом в России*. СПб.: Изд-во ЕУСПб.

Винокуров А. А., Лошкарёв А. В. 2020. К вопросу роли и места арбитражного управляющего в правоотношениях, регулируемых законодательством о банкротстве. *Modern Science*. 6-3: 251–253.

Герасимов А. А. 2007. Некоторые итоги деятельности саморегулируемых организаций арбитражных управляющих. *Имущественные отношения в Российской Федерации*. 9 (72): 3–10.

Дорохина Е. Г. 2006. Природа правоотношения несостоятельности (банкротства). *Журнал российского права*. 5 (113): 110–117.

Емельянова И. А., Ершов А. В. 2024. Правовое положение арбитражного управляющего в современной России: соотношение публичных и частных начал. *Вестник Поволжского институт управления*. 24 (1): 38–49.

Зайцев О. Р. 2014. Вознаграждение арбитражного управляющего: новые разъяснения ВАС РФ. *Арбитражная практика*. 2: 72–79. Электронный ресурс [код доступа]: <https://bankruptcyclub.ru/wp-content/uploads/2021/08/Зайцев-О.Р.-Вознаграждение-АУ.-Арб.-практика.-2014.-№-2.pdf> (дата обращения: 30 апреля 2025 г.).

Полуэктов М. 2000. Правовой статус арбитражного управляющего. *Законодательство и экономика*. 1: 24–30.

Сёмина А. Н. 2003. *Банкротство: вопросы правоспособности должника — юридического лица*. М.: Экзамен.

- Скаредов Г. И. 2007. Правовая сущность арбитражных управляющих. *Предпринимательское право*. 4: 27–31.
- Фролов И. В. 2010. *Банкротство как административно-правовой механизм регулирования экономических конфликтов*. Новосибирск: Альфа-Порте.
- Эрлих М. Е. 2014. *Конфликт интересов в процессе несостоятельности (банкротства): правовые средства разрешения*. М.: Проспект.
- Abbott A. 1986. Jurisdictional Conflicts: A New Approach to the Development of the Legal Professions. *American Bar Foundation Research Journal*. 11 (2): 187–224.
- Abbott A. 1988. *System of Professions: An Essay on the Division of Labor*. Chicago: University of Chicago Press.
- Abel R. L. 2003. *English Lawyers between Market and State: The Politics of Professionalism*. Oxford: Oxford University Press.
- Adams T. L. 2015. Sociology of Professions: International Divergences and Research Directions. *Work, Employment and Society*. 29 (1): 154–165.
- Azmat G., Cuñat V., Henry E. 2025. Gender Promotion Gaps and Career Aspirations. *Management Science*. 71 (3): 2127–2141.
- Ben-Ishai S., Schwartz S. 2007. Bankruptcy for the Poor. *Osgoode Hall Law Journal*. 45 (3): 471–512.
- Bird S. R. 1996. Welcome to the Men's Club: Homosociality and the Maintenance of Hegemonic Masculinity. *Gender & Society*. 10 (2): 120–132.
- Bolton S. C., Muzio D. 2007. Can't Live with'Em; Can't Live without'Em: Gendered Segmentation in the Legal Profession. *Sociology*. 41 (1): 47–64.
- Braucher J., Cohen D., Lawless R. M. 2012. Race, Attorney Influence, and Bankruptcy Chapter Choice. *Journal of Empirical Legal Studies*. 9 (3): 393–429.
- Bourdieu P. 1990. *The Logic of Practice*. Redwood City, CA: Stanford University Press.
- Cribari-Neto F., Zeileis A. 2010. Beta Regression in R. *Journal of Statistical Software*. 34 (2): 1–24.
- Evetts J. 2003. The Sociological Analysis of Professionalism: Occupational Change in the Modern World. *International Sociology*. 18 (2): 395–415.
- Felstiner W. L., Abel R. L., Sarat A. 1980–1981. The Emergence and Transformation of Disputes: Naming, Blaming, Claiming... *Law & Society Review*. 15 (3/4). Special Issue on Dispute Processing and Civil Litigation: 631–654. Available at: <http://www.jstor.org/stable/3053495> (accessed 6 September 2025).
- Ferrari S., Cribari-Neto F. 2004. Beta Regression for Modelling Rates and Proportions. *Journal of Applied Statistics*. 31 (7): 799–815.

- Foohey P., Lawless R. M., Thorne D. 2024. Debt on the Ground: The Scholarly Discourse of Bankruptcy and Financial Precarity. *Annual Review of Law and Social Science*: 20: 219–236.
- Freidson E. 2014. The Theory of Profession: State of the Art. In: Dingwall R., Lewis P. (eds). *The Sociology of the Professions: Lawyers, Doctors and Others*. New Orleans: Quid Pro Books; 19–37.
- Gellis A. J. 1991. Great Expectations: Women in the Legal Profession: A Commentary on State Studies. *Indiana Law Journal*. 66 (4): 941–976.
- Heinz J. P., Laumann E. O. 1982. *Chicago Lawyers: The Social Structure of the Bar*. New York; Chicago: Russel Sage Foundation; American Bar Association.
- Kennedy D. S., Clift III R. S., Veach S. F. 2002. Professionalism in the Legal Profession: The Bankruptcy Attorney as a True Professional. *University of Memphis Law Review*. 33 (1): 1–40.
- Kilborn J. J. 2016. Treating the New European Disease of Consumer Debt in a Post-Communist State: The Groundbreaking New Russian Personal Insolvency Law. *Brooklyn Journal of International Law*. 41 (2): 655–720.
- Kilborn J. J. 2020. Fatal Flaws in Financing Personal Bankruptcy: The Curious Case of Russia in Comparative Context. *American Bankruptcy Law Journal*. 94 (3): 419–461.
- Larson M. S. 2013. *The Rise of Professionalism. Monopolies of Competence and Sheltered Markets*. New Brunswick; London: Transaction Publishers.
- Laws S. 2020. What Kind of Relief? Consumer Bankruptcy and Private Administration in the Neoliberal American Welfare State. *New Political Science*. 42 (3): 333–356.
- Macdonald K. 1995. *The Sociology of the Professions*. Thousand Oaks, CA: SAGE Publications.
- McIntyre F., Sullivan D. M., Summers L. 2015. Lawyers Steer Clients Toward Lucrative Filings: Evidence from Consumer Bankruptcies. *American Law and Economics Review*. 17 (1): 245–289.
- Merton R. 1958. The Functions of the Professional Association. *The American Journal of Nursing*. 58 (1): 50–54.
- Moiseeva E., Bocharov T. 2020. The Professional Portrait of Russian Advocates: Market Challenges and Boundary Work. In: Abel R. et al. (eds) *Lawyers in 21st-Century Societies*. Vol. 1: National Reports. Oxford: Hart Publishing; 331–352.
- Pinnington A. H., Sandberg J. 2013. Lawyers' Professional Careers: Increasing Women's Inclusion in the Partnership of Law Firms. *Gender, Work & Organization*. 20 (6): 616–631.
- Ramsay I. 2000. Market Imperatives, Professional Discretion and the Role of Intermediaries in Consumer Bankruptcy: A Comparative Study of the Canadian Trustee in Bankruptcy. *American Bankruptcy Law Journal*. 74 (4): 399–460.
- Ramsay I. 2017a. *Personal Insolvency in the 21st Century: A Comparative Analysis of the US and Europe*. London, UK: Bloomsbury Publishing.

- Ramsay I. 2017b. Towards an International Paradigm of Personal Insolvency Law? A Critical View. *QUT Law Review*. 17 (1): 15–39.
- Sciulli D. 2005. Continental Sociology of Professions Today: Conceptual Contributions. *Current Sociology*. 53 (6): 915–942.
- Smithson M., Verkuilen J. 2006. A Better Lemon Squeezer? Maximum-Likelihood Regression with Beta-Distributed Dependent Variables. *Psychological Methods*. 11 (1): 54–71.
- Soldatenkov V. Y., Evenko V. V. 2018. Bankruptcy of an Individual in Russia: State and Prospects of Development. *Opción: Revista de Ciencias Humanas y Sociales*. 34 (14. Especial Number): 1136–1156.
- Sommerlad H. 2002. Women Solicitors in a Fractured Profession: Intersections of Gender and Professionalism in England and Wales. *International Journal of the Legal Profession*. 9 (3): 213–234.
- Treshchev S., Malevich E. 2015. Russia: Law on Bankruptcy of Individuals. *Insolvency & Restructuring International*. 9 (1): 37–42.
- Vinogradova M. V. et al. 2018. Bankruptcy of Individuals: Russian and Foreign Experience. *Journal of Legal, Ethical & Regulatory Issues*. 21 (4): 1–10.

BEYOND BORDERS

Ksenya Anfimova, Sergey Bondarkov, Timur Bocharov, Elena Kalinina, Diana Chistyakova

The Profession of Bankruptcy Trustee in Russia: The Role of Debtor Type in Structuring the Community

ANFIMOVA, Ksenya — student of the program *Fundamental Sociology*, Department of Social Sciences, Moscow School of Social and Economic Sciences. Address: 3–5 Gazetny Lane, building 1, 125009, Moscow, Russian Federation,

Email: MSS2401047@universitas.ru

BONDARKOV, Sergey — junior researcher, Institute for the Rule of Law, European University. Address: 6/1 A Gagarinskaya Street, 191187, St. Petersburg, Russian Federation.

Email: sbondarkov@eu.spb.ru

BOCHAROV, Timur — PhD, researcher, Institute for the Rule of Law, European University. Address: 6/1 A Gagarinskaya Street, 191187, St. Petersburg, Russian Federation.

Email: tbocharov@eu.spb.ru

KALININA, Elena — student of X Winter School IRL EUSP 2025. Address: 6/1 A Gagarinskaya Street, 191187, St. Petersburg, Russian Federation.

Email: elenakalininarus@list.ru

CHISTYAKOVA, Diana — student of X Winter School IRL EUSP 2025. Address: 6/1 A Gagarinskaya Street, 191187, St. Petersburg, Russian Federation.

Email: chistyakovadi@ya.ru

Abstract

This article examines the profession of bankruptcy trustees in Russia and its stratification based on the type of debtor. For a long time, trustees were primarily dealing with business bankruptcies. However, the introduction of personal bankruptcy in 2015 substantially changed the landscape. This way of debt release has gained popularity among ordinary citizens. However, these debtors in most cases lack assets from which trustees could derive their fees. In this study, we demonstrate how these specific features shape the professional community. Indeed, the social characteristics of trustees focusing on personal bankruptcy differ significantly. This niche has a higher proportion of women, residents of provincial regions, and early career trustees with limited experience. The remuneration in this field is considerably lower than in corporate cases. Consequently, the work patterns also differ: cases are frequently handled in a streamlined manner with fewer procedural actions. The research is located at the intersection of the sociology of profession, sociology of law and economic sociology. The empirical base consisted of disaggregated biographical data on all active bankruptcy trustees (more than 10 thousand specialists), data on bankruptcy procedures (more than 168 thousand cases), semi-structured interviews with current practitioners, as well as publications in professional media. The analysis uses descriptive statistics and beta regression applied to the transformed share of corporate cases in the practice of a particular bankruptcy trustee. The results offer a new perspective on the internal organization of the profession and contribute to the literature on horizontal labor segregation in legal professions.

Keywords: sociology of profession; sociology of law; economic sociology; personal bankruptcy; stratification; income.

Acknowledgements

The work on this research was initiated during the 10th Winter School of the Institute for the Rule of Law at the European University at St. Petersburg in January 2025. We are grateful to all participants of the School, as well as to the staff of the Institute for the Rule of Law at the EUSP, for their valuable comments.

References

- Abbott A. (1986) Jurisdictional Conflicts: A New Approach to the Development of the Legal Professions. *American Bar Foundation Research Journal*, vol. 2, pp. 187–224.
- Abbott A. (1988) *System of Professions: An Essay on the Division of Labor*, Chicago: University of Chicago Press.
- Abel R. L. (2003) *English Lawyers between Market and State: The Politics of Professionalism*, Oxford: Oxford University Press.
- Adams T. L. (2015) Sociology of Professions: International Divergences and Research Directions. *Work, Employment and Society*, vol. 29, no 1, pp. 154–165.
- Arkhatov D., Bocharov T., Zhizhin L., Skugarevskii D. (2022) *Bankrotstvo grazhdan v Rossii: sem let institutu lichnogo bankrotstva* [Bankruptcy of Citizens in Russia: Seven Years of the Personal Bankruptcy Institution], St. Petersburg: Institute for the Rule of Law at the European University at St. Petersburg. (Series “Analiticheskie obzory po problemam pravoprimereniya” [Analytical Reviews on Law Enforcement Issues], no 3) (in Russian).
- Azmat G., Cuñat V., Henry E. (2025) Gender Promotion Gaps and Career Aspirations. *Management Science*, vol. 71, no 3, pp. 2127–2141.
- Ben-Ishai S., Schwartz S. (2007) Bankruptcy for the Poor. *Osgoode Hall Law Journal*, vol. 45, no 3, pp. 471–512.
- Bird S. R. (1996) Welcome to the Men’s Club: Homosociality and the Maintenance of Hegemonic Masculinity. *Gender & Society*, vol. 10, no 2, pp. 120–132.
- Bocharov T., Moiseeva E. (2017) *Byt’ advokatom v Rossii* [Being a Lawyer in Russia], St. Petersburg: EUSP Press (in Russian).
- Bolton S. C., Muzio D. (2007) Can’t Live with ‘Em; Can’t Live without ‘Em: Gendered Segmentation in the Legal Profession. *Sociology*, vol. 41, no 1, pp. 47–64.
- Braucher J., Cohen D., Lawless R. M. (2012) Race, Attorney Influence, and Bankruptcy Chapter Choice. *Journal of Empirical Legal Studies*, vol. 9, no 3, pp. 393–429.
- Bourdieu P. (1990) *The Logic of Practice*, Redwood City, CA: Stanford University Press.
- Cribari-Neto F., Zeileis A. (2010) Beta Regression in R. *Journal of Statistical Software*, vol. 34, no 2, pp. 1–24.
- Dorokhina E. G. (2006) Priroda pravootnosheniya nesostoyatelnosti (bankrotstva) [The Nature of the Legal Relationship of Insolvency (Bankruptcy)]. *Journal of Russian Law = Zhurnal Rossiiskogo prava*, no 5 (113), pp. 110–117 (in Russian).
- Emelyanova I. A., Ershov A. V. (2024) Pravovoe polozhenie arbitrazhnogo upravlyayushchego v sovremennoy Rossii: sootnoshenie publicnykh i chastnykh nachal [The Legal Status of the Insolvency Administrator in Modern Russia: The Relationship Between Public and Private Principles]. *Bulletin of the Volga*

Region Institute of Administration = Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniia, vol. 24. no 1, pp. 38–49 (in Russian).

Erlich M. E. (2014) *Konflikt interesov v protsesse nesostoyatelnosti (bankrotstva): Pravovye sredstva razresheniya* [Conflict of Interest in the Process of Insolvency (Bankruptcy): Legal Means of Resolution], Moscow: Prospekt (in Russian).

Evetts J. (2003) The Sociological Analysis of Professionalism: Occupational Change in the Modern World. *International Sociology*, vol. 18, no 2, pp. 395–415.

Felstiner W. L., Abel R. L., Sarat A. (1980–1981) The Emergence and Transformation of Disputes: Naming, Blaming, Claiming... *Law & Society Review*, vol. 15, no 3/4, Special Issue on Dispute Processing and Civil Litigation, pp. 631–654. Available at: <http://www.jstor.org/stable/3053495> (accessed 6 September 2025).

Ferrari S., Cribari-Neto F. (2004) Beta Regression for Modelling Rates and Proportions. *Journal of Applied Statistics*, vol. 31, no 7, pp. 799–815.

Foohy P., Lawless R. M., Thorne D. (2024) Debt on the Ground: The Scholarly Discourse of Bankruptcy and Financial Precarity. *Annual Review of Law and Social Science*, vol. 20, pp. 219–236.

Freidson E. (2014) The Theory of Profession: State of the Art. *The Sociology of the Professions: Lawyers, Doctors and Others* (eds. R. Dingwall, P. Lewis), New Orleans: Quid Pro Books, pp. 19–37.

Frolov I. V. (2010). *Bankrotstvo kak administrativno-pravovoy mekhanizm regulirovaniya ekonomicheskikh konfliktov* [Bankruptcy as an Administrative-Legal Mechanism for Regulating Economic Conflicts], Novosibirsk: Alfa-Porte (in Russian).

Gellis A. J. (1991) Great Expectations: Women in the Legal Profession: A Commentary on State Studies. *Indiana Law Journal*, vol. 66, no 4, pp. 941–976.

Gerasimov A. A. (2007) Nekotorye itogi deyatelnosti samoreguliruemyykh organizatsii arbitrazhnykh upravlyayushchikh [Some Results of the Activities of Self-Regulatory Organizations of Insolvency Administrators]. *Imushchestvennye otnosheniya v Rossiiskoi Federatsii*, no 9 (72), pp. 3–10 (in Russian).

Heinz J. P., Laumann E. O. (1982) *Chicago Lawyers: The Social Structure of the Bar*, New York; Chicago: Russell Sage Foundation; American Bar Association.

Kennedy D. S., Clift III R. S., Veach S. F. (2002) Professionalism in the Legal Profession: The Bankruptcy Attorney as a True Professional. *University of Memphis Law Review*, vol. 33, no 1, pp. 1–40.

Kilborn J. J. (2016) Treating the New European Disease of Consumer Debt in a Post-Communist State: The Groundbreaking New Russian Personal Insolvency Law. *Brooklyn Journal of International Law*, vol. 41, no 2, pp. 655–720.

Kilborn J. J. (2020) Fatal Flaws in Financing Personal Bankruptcy: The Curious Case of Russia in Comparative Context. *American Bankruptcy Law Journal*, vol. 94, no 3, pp. 419–461.

Larson M. S. (2013) *The Rise of Professionalism: Monopolies of Competence and Sheltered Markets*, New Brunswick; London: Transaction Publishers.

- Laws S. (2020) What Kind of Relief? Consumer Bankruptcy and Private Administration in the Neoliberal American Welfare State. *New Political Science*, vol. 42, no 3, pp. 333–356.
- Macdonald K. (1995) *The Sociology of the Professions*, Thousand Oaks, CA: SAGE Publications.
- McIntyre F., Sullivan D. M., Summers L. (2015) Lawyers Steer Clients Toward Lucrative Filings: Evidence from Consumer Bankruptcies. *American Law and Economics Review*, vol. 17, no 1, pp. 245–289.
- Merton R. (1958) The Functions of the Professional Association. *The American Journal of Nursing*, vol. 58, no 1, pp. 50–54.
- Moiseeva E., Bocharov T. (2020) The Professional Portrait of Russian Advocates: Market Challenges and Boundary Work. *Lawyers in 21st-Century Societies* (eds. R. Abel, H. Sommerland, U. Schultz, O. Hammerslev), Oxford: Hart Publishing, no 30, pp. 331–352.
- Pinnington A. H., Sandberg J. (2013) Lawyers' Professional Careers: Increasing Women's Inclusion in the Partnership of Law Firms. *Gender, Work & Organization*, vol. 20, no 6, pp. 616–631.
- Poluektov M. (2000) Pravovoy status arbitrazhnogo upravlyayushchego [Legal Status of the Insolvency Administrator]. *Zakonodatelstvo i ekonomika*, no 1, pp. 24–30 (in Russian).
- Ramsay I. (2000) Market Imperatives, Professional Discretion and the Role of Intermediaries in Consumer Bankruptcy: A Comparative Study of the Canadian Trustee in Bankruptcy. *American Bankruptcy Law Journal*, vol. 74, no 4, pp. 399–460.
- Ramsay I. (2017a) *Personal Insolvency in the 21st Century: A Comparative Analysis of the US and Europe*, London, UK: Bloomsbury Publishing.
- Ramsay I. (2017b) Towards an International Paradigm of Personal Insolvency Law? A Critical View. *QUT Law Review*, vol. 17, no 1 pp. 15–39.
- Sciulli D. (2005) Continental Sociology of Professions Today: Conceptual Contributions. *Current Sociology*, vol. 53, no 6, pp. 915–942.
- Semina A. N. (2003) *Bankrotstvo: voprosy pravosposobnosti dolzhnika — yuridicheskogo litsa* [Bankruptcy: Issues of the Legal Capacity of the Debtor — Legal Entity], Moscow: Ekzamen (in Russian).
- Skaredov G. I. (2007) Pravovaya sushchnost arbitrazhnykh upravlyayushchikh [Legal Essence of Insolvency Administrators]. *Predprinimatelskoe pravo*, no 4, pp. 27–31 (in Russian).
- Smithson M., Verkuilen J. (2006) A Better Lemon Squeezer? Maximum-Likelihood Regression with Beta-Distributed Dependent Variables. *Psychological Methods*, vol. 11, no 1, pp. 54–71.
- Soldatenkov V. Y., Evenko V. V. (2018) Bankruptcy of an Individual in Russia: State and Prospects of Development. *Opción: Revista de Ciencias Humanas y Sociales*, vol. 34, especial no 14, pp. 1136–1156.
- Sommerlad H. (2002) Women Solicitors in a Fractured Profession: Intersections of Gender and Professionalism in England and Wales. *International Journal of the Legal Profession*, vol. 9, no 3, pp. 213–234.

- Treshchev S., Malevich E. (2015) Russia: Law on Bankruptcy of Individuals. *Insolvency & Restructuring International*, vol. 9, no 1, pp. 37–42.
- Vinogradova M. V., Kulyamina O. S., Vishnyakova V. A., Oganyan V. A. (2018) Bankruptcy of Individuals: Russian and Foreign Experience. *Journal of Legal, Ethical & Regulatory Issues*, vol. 21, no 1, pp. 1–10.
- Vinokurov A. A., Loshkarev A. V. (2020) K voprosu roli i mesta arbitrazhnogo upravlyayushchego v pravootnosheniyakh, reguliruemym zakonodatelstvom o bankrotstve [On the Role and Place of the Insolvency Administrator in Legal Relations Regulated by Bankruptcy Legislation]. *Modern Science*, no 6–3, pp. 251–253 (in Russian).
- Zaitsev O. R. (2014) Voznagrazhdenie arbitrazhnogo upravlyayushchego: novye razyasneniya VAS RF [Remuneration of the Insolvency Administrator: New Clarifications from the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation]. *Arbitrazhnaya praktika*, no 2, pp. 72–79. Available at: <https://bankruptcyclub.ru/wp-content/uploads/2021/08/Зайцев-О.Р.-Вознаграждение-АУ.-Арб.-практика.-2014.-№-2.pdf> (accessed 30 April 2025) (in Russian).

Received: May 5, 2025

Citation: Anfimova K., Bondarkov S., Bocharov T., Kalinina E., Chistyakova D. (2025) Prophessiya arbitrazhnogo upravlyayushchego v Rossii: rol tipa dolzhnika v strukturirovanii soobshhestva [The Profession of Bankruptcy Trustee in Russia: The Role of Debtor Type in Structuring the Community]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 26, no 4, pp. 83–120. doi: [10.17323/1726-3247-2025-4-83-120](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2025-4-83-120) (in Russian).

Р. С. Мухаметов

Взаимосвязь православной религиозности и готовности граждан РФ участвовать в коллективных политических действиях: анализ данных «Всемирного исследования ценностей» за 2011 и 2017 гг.



МУХАМЕТОВ Руслан Салихович — кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. Адрес: 620083, Россия, г. Екатеринбург, пр. Ленина, д. 51.

Email: muhametov.ru@mail.ru

Работа публикуется журналом «Экономическая социология» при поддержке программы «Университетское партнёрство» НИУ ВШЭ.

Почему одни граждане участвуют в акциях протеста, а другие отвергают саму эту возможность? В данной работе утверждается, что коллективные политические действия имеют значение для государственной политики и экономического развития. Автор отмечает, что в научной литературе рассматриваются различные факторы, оказывающие воздействие на уровень индивидуального протестного потенциала. Показано, что малоизученной темой в этом случае выступает исследование влияния религиозности граждан. Автором публикуемой работы уделено внимание определению протестного потенциала как способности и готовности отдельных лиц принимать участие в коллективных политических действиях. Теоретической основой, которая описывает ожидаемую взаимосвязь между православной религиозностью и протестным потенциалом, является в данной работе марксистская концепция религии как части гипотезы о компенсации депривации. В работе сформулирована гипотеза, согласно которой религиозность граждан уменьшает индивидуальную склонность к протесту. Для эмпирической проверки автор обратился к данным социологических опросов «Всемирного исследования ценностей». Итоговая выборка составила 3500–3600 респондентов. Методом исследования стала порядковая логистическая регрессия. По итогам исследования рабочая гипотеза не получила своего эмпирического подтверждения: отрицательная взаимосвязь (чем выше уровень православной религиозности граждан, тем меньше их протестный потенциал) между переменными отсутствует, что опровергает марксистскую концепцию религии. Показано, что готовность граждан протестовать усиливают новости в социальных сетях, интерес к политике и постматериалистические ценности, а уменьшают новости, транслируемые по ТВ. Отмечается, что изучение протестного потенциала — важный инструмент для понимания социальных и политических процессов, выявления проблем, которые волнуют граждан, а также для разработки эффективных стратегий управления общественными отношениями.

Ключевые слова: религиозность; РПЦ; политическое участие; протестный потенциал; коллективные политические действия; гипотеза о компенсации депривации.

Введение

Изучение протестов привлекает огромное внимание представителей академического сообщества. Это вызвано тем, что протест имеет значение для государственной политики и экономического развития. Исследователи обнаружили, что протесты могут влиять на перераспределение бюджетных средств, то есть центральные правительства увеличивают финансирование протестующих регионов, но только в том случае, если регионы политически связаны с правительствами [Archibong 2022]. В предшествующих работах показано, что политические забастовки приводят к существенному росту производственных издержек фирм [Ulug, Asar 2017], и отмечается, что протесты привлекают внимание парламентариев к вопросам, которые связаны с гражданскими и политическими правами, особенно на ранних стадиях процесса формирования повестки дня [King, Bentele, Soule 2007]. Также отмечается сдерживающий эффект протестов: люди, участвовавшие в протестной деятельности при коммунистическом правлении в 1989 г., как правило, демонстрировали долгосрочное снижение политического недовольства [Opp, Kittel 2010]. Протест как один из особых сигналов общественного мнения может повлиять на то, что парламентарии думают о политических вопросах [Wouters, Walgrave 2017]. Важно сказать, что насильственные протесты могут заставить некоторых политиков дистанцироваться от такого способа сопротивления и отказаться от идеологической идентификации с ним [Eady 2023].

Согласно данным ВЦИОМа, протестный потенциал граждан РФ находится на достаточно низком уровне: в январе 2019 г. индекс личного протестного потенциала был 35 пунктов, а в феврале 2025 г. он составил 22 пункта, то есть готовность граждан принять участие в протестах уменьшилась [Протестный потенциал 2025]. По данным «Всемирного исследования ценностей» за 2017 г., 12,1% населения России участвовали в мирных демонстрациях, 31% могли бы участвовать и 56,9% никогда не стали бы участвовать в протестных акциях [Haerpfer et al. 2022]. Исходя из представленных цифр, можно сформулировать исследовательский вопрос: почему одни граждане участвуют в акциях протеста, а другие отвергают саму такую возможность? Что влияет на уровень протестного потенциала?

Настоящая статья посвящена изучению факторов формирования и развития протестного потенциала в России, но не является единственной на эту тему. Многие исследователи подчёркивают влияние Интернета и социальных сетей, их роль в повышении способности человека преодолевать проблему коллективных действий, связанную с трудностями организации и координации усилий большого числа людей ради достижения общей цели. Интернет и социальные сети снижают затраты на координацию таких действий [Иванов 2013; Ениколопов, Макарьин, Петрова 2015; Ахременко, Стукал, Петров 2020; Беленков, Конча, Ахременко 2024]. Ряд учёных утверждают, что участие в протестах определяется оценкой гражданами социально-экономической ситуации в стране, формируется под влиянием реальных изменений в худшую сторону условий жизни человека [Дементьева 2013; Печеркина 2017]. Анализ показывает, что сторонники акций протеста в стране — это граждане со средним доходом [Латова 2021b]. Другие исследователи считают, что к протестам более склонны люди с левыми взглядами, которые интересуются политикой и разделяют эмансипативные ценности [Кольцова, Киркиж 2016]. Также отмечается, что в протестах принимают участие более образованные и политизированные граждане [Латова 2021a]. Необходимо сказать, что число исследований, посвящённых взаимосвязи религиозности и протестов, очень ограничено. К таким исследованиям относится работа А. Кульковой, которая обнаруживает положительную связь между политическим участием в России и посещением религиозных мероприятий и (или) совершением молитвы [Кулькова 2015].

В научной литературе большая часть работ сосредоточена на изучении взаимосвязи между религиозностью и рождаемостью [Сигарева, Сивоплясова 2019; Пруцкова, Павлюткин, Борисова 2023], моральными нормами [Пруцкова 2013; Алексеева (Калиновская) 2023], базовыми ценностями [Пруцкова 2014], патриотизмом [Мухаметов 2025], а также индивидуальными предпочтениями относительно

перераспределения благ [Кулькова 2018]. Учёные выявили положительную взаимосвязь православия с социальным капиталом [Забаев, Орешина, Пруцкова 2014; Пруцкова, Забаев, Маркин 2022] и просоциальными гражданскими установками [Mersianova, Schneider 2018]. Кроме того, исследователи показали влияние сети православных церквей в постсоветской России на индивидуальные политические предпочтения: более густая сеть церквей повышает средний уровень одобрения действующего президента на местах и долю голосов инкумбента на президентских выборах. В то же время не было найдено доказательств какого-либо влияния Церкви на доверие к президенту или на политическую популярность других ветвей и уровней власти (главы регионов, правящая партия, правительство и Дума) [Travova 2022]. Таким образом, обзор литературы показывает, что существует научный вакуум, недостаток исследований, посвящённых взаимосвязи между православной религиозностью граждан и их готовностью к коллективному политическому поведению. Это означает, что присутствует пробел в знаниях, который не заполнен предыдущими академическими работами. Имеющиеся исследования не дают полного ответа на исследовательский вопрос. Настоящая статья стремится в какой-то степени улучшить понимание факторов, оказывающих воздействие на участие граждан в уличных акциях протеста.

Целью настоящей работы является исследование взаимосвязи между православной религиозностью граждан и их способностью, готовностью к коллективному политическому поведению. Иными словами, мы изучаем, как религиозные верования и практики влияют на участие (или неучастие) людей в различных формах совместного выражения своих интересов. Подчёркивая важность протестного потенциала, исследователи отмечают, что готовность к политическому действию является более надёжным предиктором будущей активности, чем анализ прошлых событий. Исследование фокусируется не на факторах, вызывающих конкретные политические проявления, а на детерминантах, стимулирующих формирование группы граждан, потенциально готовых к участию в политических процессах [Kwak 2022].

Предлагаемая статья структурирована следующим образом: вначале с целью обеспечения концептуальной ясности даётся определение понятия «протестный потенциал». Во втором разделе представляется теоретическая основа исследования. Методология исследования, включая описание источников данных и методов анализа, подробно излагается в третьем разделе. Результаты проведённого эмпирического анализа, а также их интерпретация и обсуждение представлены в четвёртом разделе. Наконец, основные выводы исследования и их теоретические и практические импликации суммируются в заключении.

Концептуальные рамки исследования

В литературе по социальным движениям различные формы социального протеста (например, пикеты, уличные шествия) часто описываются как репертуар разногласий (*repertoire of contention*) [Tilly 2004]. Ч. Тилли определил такой репертуар как ограниченный набор процедур, которые изучаются, разделяются и разыгрываются с помощью относительно обдуманного процесса выбора. Сам этот репертуар представляет собой установленные способы, с помощью которых пары акторов предъявляют и получают претензии, касающиеся интересов друг друга [Tilly 1995: 26–27]. Таким образом, понятие «репертуар разногласий» применяется для описания структурированного набора типичных способов выражения политического несогласия гражданами. Протест является одной из форм действий, которые индивиды могут выбирать из этого репертуара, и «красноречивым индикатором проблем, которые не регистрируются и не решаются надлежащим образом», и его можно рассматривать как публичное выражение инакомыслия или критики, часто сопровождающееся предъявлением претензий. Если бы эти претензии были адресованы соответствующим инстанциям или властям, они могли бы затронуть интересы определённых групп в обществе [Rucht, Koopmans, Neidhardt 1999: 8–9]. Протест можно рассматривать как мирную политическую деятельность, сохраняющую некоторую дистанцию от по-

литической системы, но в то же время направленную на то, чтобы оказывать на неё косвенное влияние через подписание петиций или посещение законных демонстраций [Marien, Hooghe, Quintelier 2010]. К. Д. Опп определяет протест как «совместное (то есть коллективное) действие отдельных лиц, направленное на достижение их целей или задач путём воздействия на решения тех, кто обладает властью или принимает ключевые решения» [Opp 2009: 38].

В настоящей работе мы опираемся на определение, данное Д. Макадамом, С. Тэрроу и Ч. Тилли, и полагаем, что протест представляет собой эпизодическое коллективное мероприятие, осуществляемое лицами, предъявляющими претензии к другим лицам, обладающим политической и экономической властью. Эти претензии, в случае их удовлетворения, затрагивают интересы по крайней мере одного из заявителей. Иск заявителей представляет собой спорный вопрос или предмет разногласий, который выносится на публичное мероприятие с физическим присутствием трёх и более человек [McAdam, Tarrow, Tilly 2003: 5].

Протесты могут принимать различные формы. К классическим типам политического протеста, выделенным М. Каазе и А. Маршем, относятся подписание петиции, присоединение к бойкоту, участие в законных и (или) мирных демонстрациях, присоединение к неофициальным забастовкам, захват зданий или фабрик [Kaase, Marsh 1979]. По мнению исследователей, протестный репертуар имеет иерархическую структуру. Первый уровень этой иерархии включает легитимные и неортодоксальные формы политической деятельности (например, подписание петиций и участие в мирных демонстрациях, которые остаются в рамках принятых демократических норм). Второй уровень представляет собой переход к методам прямого действия, например, бойкотам, которые оказывают более активное, но ненасильственное давление. Третий уровень охватывает незаконные, но ненасильственные действия, включая неофициальные забастовки и мирный захват зданий. Наконец, четвёртый уровень предполагает насильственные действия, направленные на достижение политических целей [Dalton 2008].

Под протестным потенциалом понимается «общая готовность поддерживать движение и принимать участие в различных типах коллективных действий, которые движение может проводить» [Oegema, Klandermans 1994: 704]. Исследователи отмечают, что этот потенциал объединяет как прошлый опыт участия, так и будущие намерения [William 2023], отражая общую способность или желание выражать несогласие, которое может реализоваться в реальных действиях при создании соответствующих условий. Протестный потенциал характеризует индивидуальную склонность к вовлечённости в протестные акции и концептуально отличается от фактического участия, которое зависит от конкретных политических или экономических факторов, влияния окружения и (или) воздействия вербовочных усилий [Kwak 2022]. Таким образом, протестный потенциал — это совокупность внутренних предпосылок и мотиваций, способствующих участию в протестных движениях.

Теория и гипотезы

В данном разделе представлена теоретическая рамка, которая служит основой для объяснения взаимосвязи между религиозностью граждан и их протестным потенциалом. Теорией, на которой базируется настоящее исследование, является марксистское понимание религии как «опиума народа» [Маркс 1955: 415]. Эта метафора является краеугольным камнем всей идеологии марксизма о религии, когда все современные религии и церкви рассматриваются как инструменты «эксплуатации и одурманивания рабочего класса» [Сухов 2014: 49–50]. Согласно К. Марксу, религия выполняет две важнейшие функции: она укрепляет существующий порядок, освящая его и предполагая, что политический порядок каким-то образом установлен божественной властью, а также утешает угнетённых и эксплуатируемых, предлагая им на небесах то, в чём им отказывают на земле. Маркс, в частности, указал, что религия использовалась правящим классом как удобный способ отвлечь внимание людей от ин-

тересов в политике. Фраза «религия есть опиум народа» употребляется в значении «обезболивание», то есть указывает на возможность уйти от мерзости и убожества бессердечного мира и перенести тяготы отчуждённого бытия, снять боль. В. И. Ленин поддержал аргумент Маркса, утверждая, что правящий класс одурманивает «простой народ» и тем самым отвлекают его от борьбы за свои права [Ленин 1968: 142–143; Сухов 2014]. Исходя из этого, современные марксисты утверждают, что религия с её идеологической направленностью на послушание и конформизм функционирует как препятствие политической активности. Л. Альтюссер полагает, что религия является частью идеологического государственного аппарата: наряду с образованием и СМИ она транслирует господствующую идеологию и поддерживает ложное классовое сознание [Альтюссер 2011]. А. Грамши рассматривал религию как элемент гегемонистского контроля правящего класса и понимал, что превосходство господствующих социальных классов в капиталистических индустриальных обществах всегда основывается на балансе двух факторов — «силы» (принуждения) и «гегемонии» (см. подробнее: [Billings 1990]). Таким образом, согласно марксистской точке зрения, люди усваивают доминирующие нормы послушания, придерживаясь религиозных убеждений, то есть подчёркивается негативное влияние религии на активное участие в политической деятельности.

Современные исследователи также полагают, что при прочих равных условиях компонент религиозности, как правило, служит оправданию статус-кво и подавлению политического протеста, поскольку религиозная вера тесно связана с такими ценностями, способствующими сохранению социального порядка, как традиция и соответствие социальным правилам и нормам. Религиозные люди склонны отдавать предпочтение ценностям, направленным на сохранение социального и индивидуального порядка (традиции и конформизм), и, наоборот, не любят ценности, способствующие открытости к изменениям и автономии (стимулирование, самоуправление), а также придают низкое значение гедонистическим ценностям и открытости к изменениям [Saroglou, Delpierre, Dernelle 2004]. Основным механизмом влияния церкви связан с тем, что этот общественный институт формирует поведение своих членов. В частности, предоставляет им различные поведенческие стимулы для участия в религиозной деятельности, что, в свою очередь, имеет систематические последствия для участия в политической деятельности [Campbell 2004; Suh 2021].

Основные положения данной концепции стали частью гипотезы о компенсации депривации (*the deprivation-compensation hypothesis*), согласно которой люди, испытывающие различные формы депривации (социальной, экономической и т. д.), могут обратиться к религии как к способу компенсации того, чего им не хватает в жизни. Предполагается, что люди, находящиеся в неблагоприятных социально-экономических условиях, с большей вероятностью обратятся к Богу, чтобы компенсировать своё тяжёлое положение. Этот тезис утверждает, что вера в сверхъестественное существо может компенсировать негативные психологические последствия непрекращающихся невзгод в повседневной жизни [Glock 1964; Glock, Stark 1965]. В дальнейшем этот тезис получил развитие в теории компенсации религиозной приверженности Старка — Бейнбриджа (*The Stark — Bainbridge Compensation Theory of Religious Commitment*), по которой религиозные убеждения и приверженность должны обеспечивать позитивное вознаграждение, а не просто удовлетворять потребности, порождаемые лишениями [Stark, Bainbridge 1980].

Важно отметить, что односторонний взгляд на религию как фактор, который узаконивает существующий социально-политический порядок и подавляет гражданскую активность, не отражает всей сложности её влияния на общественно-политические процессы. Существуют теории, объясняющие, как религия может увеличивать протестный потенциал верующих. Например, согласно теологии освобождения, миссия Церкви выходит за рамки духовного руководства, предполагает выступление против всех форм несправедливости, освобождение угнетённых, противостояние политическим силам, которые усугубляют страдания лиц с низким социально-экономическим статусом [Gutiérrez 1998].

Таким образом, исходя из рассмотрения марксистской концепции и гипотезы о компенсации депривации, можно сформулировать рабочую гипотезу исследования: более высокий уровень религиозности граждан отрицательно коррелирует с их протестным потенциалом, снижая готовность к участию в коллективных политических действиях.

Источники данных и методы исследования

Источником информации для исследования являются данные социологического опроса «Всемирного исследования ценностей» (World Values Survey, WVS). Это международный исследовательский проект, который посвящён академическому изучению социально-политических, экономических, культурно-религиозных ценностей людей во всём мире. Широкий географический и тематический охват, бесплатная доступность данных опроса и результатов проекта для широкой общественности превратили WVS в один из самых авторитетных и широко используемых межнациональных опросов в социальных науках. Непосредственными источниками информации стали данные двух волн исследований — шестой (2010–2014 гг.) и седьмой (2017–2022 гг.). В России опросы были проведены в 2011 и 2017 гг. В рамках шестой волны было опрошено 2500 человек в стране, а в рамках седьмой — 1810, что в сумме составило 4300 человек. В результате исключения пропущенных значений в итоговую выборку попали приблизительно 3500–3600 опрошенных (более точные цифры представлены в табл. 3). В эту выборку включены ответы только граждан РФ; лиц, которые говорят дома на русском языке, а также исповедуют православное христианство или никакой религиозной веры не придерживаются. По мнению исследователей, Православная церковь исходит из того, что все этнические русские считаются носителями одной и той же религиозной традиции [Agadjanian, Kenworthy, Daugherty 2011]. Россия считается преимущественно православной страной, поскольку 60–70% населения называют себя приверженцами православного христианства, однако большинство из них не ведут активную религиозную жизнь либо ограничиваются редкими проявлениями религиозной практики [Маркин 2018]. Другими словами, в России проживает большое количество непрактикующих верующих. Более строгая цифра представителей православной веры составляет 15–20% населения страны (для сравнения: мусульман в стране около 10–15%) [CIA World Factbook... 2022: 4210]. Подчеркнём, что исключение из нашего анализа представителей других конфессий вызвано и тем, что К. Маркс говорил именно о христианском учении [Omonijo, Uche, Nnedum 2016; Schnabel 2021].

Зависимая переменная (протестный потенциал) операционализируется через ответы на вопрос: «Я буду называть Вам различные формы политических действий, в которых люди могут принимать участие. Скажите мне по каждому из них, (1) участвовали ли Вы когда-нибудь в таком действии; (2) могли бы участвовать или (3) ни при каких обстоятельствах не стали бы участвовать в нём?». Таким образом, использование дифференцированного подхода к мобилизации протеста позволяет выделить настоящих демонстрантов (то есть тех, кто уже протестовал), потенциальных демонстрантов (тех, кто хочет провести демонстрацию, но ещё не участвовал в уличных акциях протеста) и недемонстрантов (тех, кто сказал, что никогда не будет выходить на демонстрации) [Tatar 2020].

В настоящем исследовании рассматриваются четыре формы коллективных политических действий: подписание петиций (модель 1); участие в мирных демонстрациях (модель 2); участие в бойкотах (модель 3) и в забастовках (модель 4). В таблице 1 в процентах показан протестный потенциал граждан в зависимости от той или иной формы коллективного политического действия.

Таблица 1

Протестный потенциал форм коллективных политических действий (в %)

Протестный потенциал	Формы коллективных политических действий			
	Подписание петиций	Участие в мирных демонстрациях	Участие в бойкотах	Участие в забастовках
Принимал участие	12,6	12,7	2,1	2,1
Мог бы участвовать	27,5	26	18,8	18,8
Никогда не стану участвовать	59,9	61,3	79,1	79,1

Объясняющие предикторы определены целью исследования и теоретическими рамками. Независимая переменная — это религиозность, то есть степень, в которой человек практикует и придерживается убеждений в отношении конкретных религиозных целей и ценностей. В академической литературе хорошо представлена концептуализация различных аспектов религиозности [Пруцкова 2012; Бабич, Хоменко 2018]. А. Окулич-Козарин описала два типа религиозности — социальную и личную. Первую можно рассматривать как посещение религиозных служб или принадлежность к религиозным организациям, в то время как вторая объясняется верой в то, что религия важна, нужно быть религиозным [Okulicz-Kozaryn 2010]. Операционализация независимых предикторов представлена в таблице 2.

Таблица 2

Операционализация объяснительных переменных

Аспекты религиозности	Переменные	Вопрос из анкеты	Ответы
Социальный	Участие в религиозных организациях	«Сейчас я назову различные общественные организации, а Вы скажите по каждой из них, Вы в них активно участвуете; состоите, но активно не участвуете; не состоите в этой организации или группе?»	«2» — активно участвуете; «1» — состоите, но активно не участвуете; «0» — не состоите в церковных или религиозных организациях.
	Посещение религиозных служб	«Не считая венчаний и похорон, как часто Вы посещаете религиозные службы в настоящее время?»	«1» — чаще, чем раз в неделю; «2» — раз в неделю; «3» — раз в месяц; «4» — по особым религиозным праздникам; «5» — раз в год; «6» — реже, чем раз в год; «7» — никогда, почти никогда
Личный	Важность Бога	«Насколько важен Бог в Вашей жизни?»	«1» — совсем не важен; «10» — очень важен
	Молитвы	«Не считая венчаний и похорон, как часто Вы молитесь Богу?»	«1» — несколько раз в день; «2» — один раз в день; «3» — несколько раз в неделю; «4» — только когда посещаю религиозные службы; «5» — только по особым религиозным праздникам; «6» — раз в год; «7» — реже, чем раз в год; «8» — никогда, почти никогда

Важно отметить, что переменная «Важность Бога» была перекодирована из возрастающей в понижающую шкалу.

В настоящем исследовании используются и контрольные переменные, то есть дополнительные факторы, включённые в статистическую модель для учёта их потенциального влияния на взаимосвязь между исследуемыми независимыми (объясняющими) и зависимыми переменными. Наличие контрольных переменных помогает отвергать альтернативные объяснения эмпирических результатов, что, в свою очередь, позволяет быть уверенным, что полученные эффекты обусловлены главным образом объясняющими предикторами [Atinc, Simmering, Kroll 2012; Bernerth et al. 2018; Weerakoon 2023]. Предыдущие исследования показали влияние СМИ на политическую активность [Kirkizh, Koltsova 2021], поэтому в настоящей работе контролируется просмотр телевизионных новостей и новостного контента по сотовому телефону (Вопрос: «Скажите, пользуетесь Вы этим источником информации (1) каждый день; (2) каждую неделю; (3) каждый месяц; (4) реже, чем раз в месяц, или (5) никогда?»).

Согласно концепции постматериализма (см.: [Инглхарт 2018]) и эмпирическим исследованиям (см.: [Белоусов, Давыдов, Кочухова 2020]), у людей с эмансипативными ценностями больше выражен протестный потенциал. Постматериализм, под которым понимается набор индивидуальных и общественных приоритетов, вытесняющих ценности, связанные с материальными потребностями, способствует участию в различных формах коллективных действий. Необходимо отметить, что в наборе данных за 2017 г. представлены три градации индекса «Постматериализм»: 1 — материалистические ценности; 2 — смешанные; 3 — постматериалистические убеждения. Но в данных за 2011 г. этот индекс отсутствует. Исходя из этого, переменная «Постматериализм» была преобразована в дихотомическую, где значение «0» присвоено ответам, представляющим материалистические ориентации («поддержание порядка в стране» и «борьба с ростом цен»), а «1» — постматериалистические ценности («дать людям возможность больше влиять на правительство при принятии решений» и «защита свободы слова»).

В настоящем исследовании присутствует контрольная переменная, отражающая субъективное финансовое благополучие («Насколько Вы удовлетворены финансовым положением Вашей семьи?», где 1 — полностью удовлетворён, а 10 — совершенно не удовлетворён). Шкала из опроса 2017 г. имела противоположные значения, поэтому она была перекодирована. В предшествующей литературе показано, что высокое субъективное благополучие влияет на готовность людей участвовать в спорных политических действиях, снижая протестные настроения [Sulemana, Agyapong 2019; Lindholm 2020].

Взаимосвязь между политическим интересом и участием в протестах хорошо изучена и свидетельствует о том, что более высокий политический интерес часто коррелирует с более активным участием в протестах [Levy, Akiva 2019]. В связи с этим мы стремимся учитывать влияние «интереса к политике» («Скажите, пожалуйста, насколько Вы интересуетесь политикой?», где 1 — очень интересуетесь; 2 — скорее интересуетесь, чем нет; 3 — не очень интересуетесь; 4 — совсем не интересуетесь).

В работе присутствуют переменные, отражающие социально-демографические индикаторы [Martinez 2008; Tatar 2020]: (1) пол (1 — мужской; 0 — женский); (2) возраст (всего шесть периодов, где 1 — 16–24 года, а 6 — 65 лет и старше); (3) образование (по классификации ISCED, где 0 — вообще не учился в школе или закончил лишь 1–2 класса школы, а 8 — научная степень кандидата или доктора наук); (4) численность населения в пункте проживания респондента, где 1 — ниже 2000 жителей, а 8 — более 500 тыс. человек). Необходимо отметить, что варианты ответов по трём последним переменным выстроены в логическом порядке, который отражает возрастающую степень, поэтому ответы были перекодированы в понижающую шкалу.

Описательная статистика представлена в таблице 3.

Таблица 3

Описательная статистика

Переменные	Среднее значение	Медиана	Стандартное отклонение	Минимальное значение	Максимальное значение
Петиции	2,472	3	0,718	1	3
Демонстрации	2,435	3	0,831	1	3
Бойкот	2,769	3	0,469	1	3
Забастовка	2,659	3	0,812	1	3
Участие в религиозных организациях	0,078	0	0,386	1	2
Частота посещения религиозных служб	5,018	5	1,981	1	7
Важность Бога	5,693	6	3,431	1	10
Частота молитв	5,017	5	3,028	1	8
ТВ-новости	1,416	1	0,967	1	5
Новости из социальных сетей	3,163	4	1,962	1	5
Постматериализм	1,281	1	0,497	1	2
Удовлетворён финансовым положением	5,028	5	2,410	1	10
Интерес к политике	2,703	3	0,965	1	4
Пол	0,431	0	0,495	0	1
Возраст	3,621	4	1,630	1	6
Образование	5,803	5	1,995	0	8
Размер города	5,444	7	2,664	1	8

Результаты регрессионного анализа

Цель данного раздела состоит в том, чтобы представить ключевые результаты нашего исследования, в котором эмпирическим путём проверяется влияние религиозности граждан на уровень их протестного потенциала. Для тестирования сформулированной в ходе исследования рабочей гипотезы, основанной на марксистской концепции религии, и гипотезы о компенсации депривации была построена порядковая логистическая регрессионная модель. Проведение теста на обнаружение мультиколлинеарности методом инфляционных факторов (Variance Inflation Factor, VIF) указало на её отсутствие. В таблице 4 представлены результаты с учётом робастных оценок стандартных ошибок (с поправкой на гетероскедастичность).

Таблица 4

Результаты регрессионного анализа

Переменные	Зависимая переменная — уровень протестного потенциала граждан			
	Модель 1 Подписание петиций	Модель 2 Уча- стие в мирных демонстрациях	Модель 3 Участие в бойкотах	Модель 4 Участие в за- бастовках
Участие в религиозных организациях	– 0,138 (0,086)	– 0,163 (0,105)	– 0,353* (0,185)	– 0,202* (0,113)
Частота посещения религиозных служб	– 0,013 (0,021)	0,042* (0,022)	– 0,037 (0,047)	0,02 (0,028)
Важность Бога	– 0,001 (0,01)	0,009 (0,01)	0,008 (0,026)	0,015 (0,014)
Частота молитв	0,012 (0,013)	0,045*** (0,013)	– 0,11*** (0,032)	– 0,006 (0,018)
ТВ-новости	– 0,085** (0,036)	– 0,019** (0,035)	– 0,078 (0,053)	– 0,044** (0,041)
Новости из социальных сетей	0,032* (0,017)	0,084*** (0,018)	0,243*** (0,04)	0,086*** (0,022)
Постматериализм	0,075** (0,031)	0,047** (0,032)	0,232** (0,101)	0,101** (0,044)
Удовлетворён финансовым положением	– 0,002 (0,013)	– 0,011 (0,014)	0,08** (0,032)	– 0,025 (0,018)
Интерес к политике	0,343*** (0,039)	0,309** (0,039)	0,454*** (0,077)	0,311*** (0,041)
Пол	0,098 (0,07)	0,037 (0,071)	– 0,23 (0,141)	– 0,284*** (0,088)
Возраст	0,058*** (0,022)	–0,035** (0,023)	0,005 (0,047)	0,119*** (0,027)
Образование	0,057*** (0,017)	0,004 (0,017)	0,039 (0,038)	0,002 (0,021)
Размер города или населённого пункта	– 0,008 (0,012)	– 0,027** (0,012)	– 0,043 (0,027)	– 0,016 (0,016)
Константа	2,2*** (0,093)	2,016*** (0,11)	2,525*** (0,095)	2,282*** (0,1)
Количество наблюдений	3695	3644	3623	3593
Количество корректно предсказанных случаев	2201 (59,6%)	2222 (61,0%)	2873 (79,3%)	2835 (78,9%)
Критерий отношения правдоподобия: Хи-квадрат	505,971 [0,0000]	480,209 [0,0000]	338,899 [0,0000]	610,973 [0,0000]

R-квадрат — 0,34. Исправленный R-квадрат — 0,31.

* $p < 0,1$; ** $p < 0,05$; *** $p < 0,01$

Примечание: В скобках по столбцам указаны стандартные ошибки.

В теоретическом разделе данной статьи было сформировано ожидание, что высокая религиозность граждан снижает их протестный потенциал. Другими словами, люди с меньшей вероятностью выразят готовность принять участие в протестах при более высоком уровне религиозности. Для повышения достоверности результатов данного исследования были соотнесены различные аспекты религиозности с отдельными видами протестов (подписание петиций, участие в мирных демонстрациях и т. д.). Из таблицы 2 видно, что в большинстве случаев коэффициенты регрессии имеют отрицательные значения, что согласуется с гипотезой о снижении протестного потенциала среди более религиозных граждан.

Однако только в двух случаях (переменная «частота молитв» для моделей 2 (участие в мирных демонстрациях) и 3 (участие в бойкотах)) эта связь статистически значима ($p < 0,05$). Иными словами, абсолютное большинство показателей религиозности не демонстрируют статистически значимой связи с участием в различных формах коллективных политических действий. Таким образом, результаты настоящего исследования, основанного на данных «Всемирного исследования ценностей», не подтверждают гипотезу об однозначной отрицательной взаимосвязи между православной религиозностью и протестным потенциалом граждан России.

Анализ показал, что другие факторы оказывают значимое влияние на готовность граждан к участию в протестных акциях. Во-первых, результаты настоящего исследования выявили, что просмотр ТВ-новостей сдерживает протестный потенциал граждан: в целом наблюдается отрицательная связь между частотой просмотра ТВ-новостей и готовностью к участию в различных формах протеста (в отношении участия в бойкотах связь также отрицательная, однако статистически незначимая). Во-вторых, просмотр новостей в социальных сетях демонстрирует положительную связь с протестным потенциалом в целом. Статистически значимая положительная взаимосвязь прослеживается для всех рассматриваемых форм протеста (подписание петиций, участие в мирных демонстрациях, бойкотах и забастовках). Наиболее выраженное влияние отмечено на готовность к участию в бойкотах ($k = 0,243$). Таким образом, чем чаще граждане получают информацию из социальных сетей, тем выше вероятность их участия в протестных действиях. В-третьих, обнаружена статистически значимая и положительная взаимосвязь между постматериалистическими ценностями и протестным потенциалом в целом. Максимальное влияние наблюдается на готовность к участию в бойкотах: $k = (-0,232)$. Наконец, положительную связь с протестным потенциалом в целом демонстрирует интерес к политике. В этом случае все рассматриваемые формы протеста (подписание петиций, участие в мирных демонстрациях, бойкотах и забастовках) демонстрируют статистически значимую положительную связь. Наиболее сильное влияние, как и в случае с социальными сетями, наблюдается для модели 3 (участие в бойкотах) ($k = 0,454$). Это свидетельствует о том, что интерес к политике, вероятно, является ключевым фактором, стимулирующим граждан к активному участию в политической жизни и, в частности, в протестных действиях.

Обсуждение результатов исследования

Данный раздел посвящён объяснению отсутствия подтверждения рабочей гипотезы исследования, согласно которой религиозность граждан отрицательным образом взаимосвязана с протестным потенциалом, то есть более высокий уровень православной религиозности способствует меньшей готовности людей участвовать в протестах. Важно отметить, что данное теоретическое ожидание было основано не только на марксистской концепции религии и гипотезе о компенсации депривации, но и на доминирующем представлении об идеальной форме взаимоотношений между Церковью и государством: концепция «симфония власти» предполагает гармоничное и взаимодополняемое сотрудничество между церковной и светской властью, где каждая сторона выполняет свои функции, сохраняя автономию, но действуя в общих интересах [Мигунова, Романовская 2013]. В современной России данная концепция стала одной из идеологических основ сотрудничества РПЦ и государства. Исследователи отмечают, что в стране имеет место политизация религии, то есть идёт процесс превращения «нормальной» религии в политическую, возникает смесь религии и идеологии [Mitrofanova 2005]. Сотрудничество РПЦ и российских властей — это многогранный процесс, охватывающий различные сферы общественной жизни — от патриотического воспитания молодёжи и укрепления духовных основ общества в целом, социального служения и благотворительности до международной деятельности [Основы социальной концепции... 2008]. Одним из направлений сотрудничества является взаимодействие РПЦ и оборонного ведомства. Церковь служит инструментом мобилизации, которая обеспечивает качество и количество призыва, помогает ВС РФ в решении ряда проблем, таких как мотивация солдат (укрепление

патриотического духа военнослужащих) и придание дополнительных смыслов в условиях геополитической напряжённости [Adamsky 2019]. Таким образом, *православная религиозность ассоциируется с лояльностью к власти и поддержкой существующего политического режима*. Отечественные исследования показывают, что православное духовенство может оказывать влияние на электоральный выбор верующих, способствуя поддержке партии «Единая Россия» с помощью различных механизмов [Богачёв, Сорвин 2019; 2020].

Итак, учитывая теоретическую обоснованность исходной гипотезы и её связь с ключевыми концепциями, отсутствие её эмпирического подтверждения требует углублённого анализа и подробного объяснения возможных причин.

Необходимо отметить двоякое отношение руководства РПЦ к участию прихожан в протестных акциях. С одной стороны, существует одобрение свободной и добровольной общественной деятельности, которая основывается на принципах христианской нравственности и направлена на достойное устройство жизни [Общественная деятельность... 2011; Рогозянский 2013]. С другой стороны, митинги рассматриваются как собрания, организаторы которых выступают с речами и призывами, «заводящими» толпу, а участники жертвуют индивидуальностью, попадая под массовый гипноз, что противоречит мирному состоянию духа православного христианина [Штейнберг 2019; Приемлемо ли для православного... 2021].

Православные активисты, являющиеся членами религиозных организаций, могут принимать участие в публичных акциях и кампаниях, направленных на защиту традиционных ценностей (например, против абортов и влияния западной культуры), религиозных святынь (например, от вандализма в отношении церквей и икон) и чувств верующих, а также на борьбу с безнравственностью. В России существуют несколько объединений православных верующих с активной гражданской позицией («Союз православных братств», православное общество «Радонеж», «Союз православных граждан», движение «Сорок сороков», «Божья воля» и др.) [Шилкина 2018: 229–230]. Кроме того, как отмечают отечественные исследователи, неприятие или настороженное отношение к цифровым технологиям остаётся доминирующей чертой российского православия, особенно его фундаменталистско-консервативных течений, что приводит к неприятию цифровизации [Кнорре, Мурашова 2021]. Можно в каком-то плане согласиться с выводами предшествующих исследований, в которых утверждается, что деятельность в религиозных организациях увеличивает участие членов в коллективных политических действиях, так как, во-первых, религиозные сети объединяют людей и способствуют формированию общей идентичности и солидарности; во-вторых, знакомство с политической информацией через участие в религиозных сообществах повышает значимость групповых интересов их членов, вовлекает их в политику и формирует политическое сознание [Arikan, Ben-Nun Bloom 2019].

Объяснением подтверждения отрицательной связи между религиозностью граждан и их протестным потенциалом является также фактор социализации, поскольку рабочая гипотеза не подтвердилась. Исследователи считают, что социальные механизмы, опосредующие влияние религиозности, в значительной степени зависят от уровня первичной религиозной социализации, которая оказывает наиболее значимое воздействие на формирование норм и ценностей, а также рассматривается как фактор, объясняющий отсутствие связи (или очень слабую связь) между религиозностью и ценностями в стране [Пруцкова 2015]. Важно подчеркнуть, что концепция религии как опиума народа не находит эмпирического подтверждения в современной России, поскольку религиозность может проявляться в активной социальной деятельности, направленной на решение общественных проблем другими способами, отличными от политического протеста. Для многих верующих социальное служение и благотворительность — это не просто проявление милосердия, но и способ внести вклад в улучшение общества, решить конкретные социальные проблемы и оказать помощь нуждающимся [Антонова, Костина 2009;

Рулинский 2023]. Все это можно рассматривать как альтернативную форму политической активности, направленную на достижение тех же целей, что и протест, но другими средствами.

Наконец, ряд учёных полагают, что отношения между государством и РПЦ в современной России описываются как сложное взаимодействие двух институтов, которые вовлечены не только в сотрудничество, но и в конфронтацию [Kollner 2020]. Исследователи также указывают на существование напряжённости между официальным курсом Русской православной церкви и альтернативными интерпретациями православия, представленными неконформистским духовенством и мирянами, для которых религиозные принципы являются определяющими в их политическом выборе и действиях [Кнох 2004]. Это выступает продолжением разделения, характерного для советской эпохи, когда официальная церковь присягала на верность коммунистическим властям, не защищала православных диссидентов от государственных репрессий [Эллис 1990].

Представляется целесообразным дать также интерпретацию контрольных переменных.

В настоящем исследовании используются и контрольные переменные, то есть дополнительные факторы, включённые в статистическую модель для учёта их потенциального влияния на взаимосвязь между исследуемыми независимыми (объясняющими) и зависимыми переменными. Наличие контрольных переменных помогает отвергать альтернативные объяснения эмпирических результатов, что, в свою очередь, позволяет быть уверенным, что полученные эффекты обусловлены главным образом объясняющими предикторами.

Произведённые статистические расчёты показали отрицательное влияние телевизионных новостей на уровень протестного потенциала: чем чаще граждане смотрят ТВ-новости, тем ниже их готовность участвовать в протестных акциях. Этот результат соответствует выводам предшествующих исследований [Boulianne, Kos-Michalska, Bimber 2020] и укладывается в рамки так называемой парадигмы протеста — теоретической модели, описывающей типичные способы освещения протестных событий в средствах массовой информации. Парадигма протеста включает набор шаблонов и моделей новостного повествования, которые формируются под воздействием различных факторов, таких как личная предвзятость репортёров, редакционная политика новостных организаций, профессиональные нормы журналистики, а также культурные и идеологические барьеры в социальной системе и ограничения, присущие медиа. В результате, освещение протестов на телевидении часто носит демонизирующий характер: протестующих и их сторонников изображают как угрозу общественному порядку, маргинализируют их позиции и недооценивают их требования, жалобы и программы.

Регрессионный анализ демонстрирует положительное и статистически значимое воздействие ознакомления с новостями из социальных сетей на протестный потенциал. Взаимосвязь между использованием социальных сетей и участием в акциях протеста привлекает значительное внимание учёных. Необходимо сказать, что в академической среде существует несколько точек зрения относительно направления этой взаимосвязи. Предшествующие исследования показывают положительную взаимосвязь на индивидуальном уровне между частотой использования социальных медиа и участием в акциях протеста [Valenzuela, Arriagada, Scherman 2014]. Учёные говорят о нескольких способах, с помощью которых социальные сети могут влиять на коллективные действия: предоставление мобилизующей информации и новостей, недоступных в других СМИ; облегчение координации демонстраций, предоставление пользователям возможности присоединиться к политическим действиям; создание возможностей для обмена мнениями с другими людьми [Valenzuela, Arriagada, Scherman 2012]. Другими словами, социальные сети выступают как источник новостей, пространство для выражения политических мнений, а также как место объединения усилий и поиска мобилизующей информации [Valenzuela 2013]. Ещё одна точка зрения представлена лагерем скептиков, представители которого критикуют оптимистиче-

ский диагноз и не только ставят под сомнение либерализующий эффект этой технологии как инструмента политических изменений, но и предполагают, что последствия будут прямо противоположными [Gladwell 2010; Alterman 2011]. По мнению «киберпессимистов», такие технологии не только не способствуют процессу демократизации, но, более того, обладают характеристиками, которые ведут к регрессу, поскольку наделяют авторитарные режимы ресурсами, усиливающими социальный контроль и эффективное преследование инакомыслящих. Словом, социальные сети провоцируют политический регресс, поскольку ослабляют способность общества к самоорганизации и способствуют укреплению репрессивного аппарата и социального контроля авторитарных режимов [Morozov 2011].

Эмпирический анализ выявил положительное влияние политического интереса граждан на уровень их протестного потенциала. Исследователи утверждают, что субъективный политический интерес эквивалентен проявлению внимания, которое рассматривается как предварительное условие для изучения того, что могло бы дать гражданам возможность участвовать в демократических процессах принятия решений [Deth 2000: 119]. Считается, что межличностная дискуссия о политике улучшает понимание политических и социальных проблем, что выражается в гражданской активности. Теоретически данный тезис опирается на модель дифференциальной выгоды (The Differential Gains Model), которая предполагает, что межличностное общение между гражданами влияет на их способность и желание извлекать значимую и мобилизующую информацию из традиционных источников новостей. Иными словами, разговоры о политике помогают людям лучше усваивать информацию из СМИ, повышая их готовность участвовать в политической жизни и протестных акциях [Scheufele 2002; Hardy, Scheufele 2005].

Наконец, настоящее исследование показало, что склонность граждан к участию в акциях протеста выше, если у них явно выражены постматериалистические ценности. Постматериализм, под которым понимается набор индивидуальных и общественных приоритетов, вытесняющих ценности, связанные с материальными потребностями [Miller 2013], способствует множеству коллективных действий. Этот результат укладывается в выводы большей части предшествующей литературы, где поддерживается мысль о том, что лица с эмансипативными ценностями с большей вероятностью стремятся к расширению политических прав и возможностей [Welzel, Deutsch 2012; Charm, Lin 2023]. Р. Инглхарт предлагает три объяснения данной связи: во-первых, постматериалисты способны вкладывать свою энергию в заботы, отличные от сиюминутных физиологических потребностей; во-вторых, они, как правило, составляют меньшинство, которое чувствует, что их приоритеты не разделяются большинством; в-третьих, разрушение, присущее нетрадиционным политическим действиям (например, протестам), может быть менее негативным для постматериалистов, потому что такие действия в меньшей степени угрожают приоритетам постматериалистов, чем материалистов [Inglehart 1990].

Вопреки ожиданиям, основанным на гипотезе компенсации депривации, в настоящем исследовании не было обнаружено статистически значимой связи между субъективным ощущением финансового благополучия и участием в различных формах коллективных политических действий. Это может указывать на то, что экономическое недовольство само по себе не является достаточным фактором для протеста и роль других факторов (например, политических взглядов, уровня социального капитала или страха репрессий) может быть важнее. Предположим, что участие в коллективных политических действиях требует определённых ресурсов (таких как время, деньги, социальные связи), которые могут быть недоступны для людей, находящихся в тяжёлом экономическом положении. В этом случае протест можно рассматривать как «роскошь», доступную только тем, кто имеет определённый уровень благополучия.

Заключение

Проблематика участия граждан в политических протестах остаётся одним из актуальных направлений исследований в современной политической социологии. Настоящее исследование сосредоточено на анализе связи между уровнем православной религиозности граждан и их протестным потенциалом. В теоретической части работа опиралась на марксистскую концепцию, рассматривающую религию как инструмент идеологического контроля, который способствует снижению политической активности, отвлекая внимание граждан от борьбы за свои права. В рамках эмпирического анализа, основанного на данных «Всемирного исследования ценностей» (выборка 3500–3600 респондентов), была проверена рабочая гипотеза о наличии отрицательной связи между уровнем православной религиозности и готовностью к участию в протестных действиях. Однако полученные результаты показали отсутствие статистически значимой связи между указанными переменными. Научная новизна исследования заключается в том, что оно эмпирически опровергает устоявшееся в научной и общественно-политической дискуссии теоретическое ожидание о демобилизующей роли религиозности. Несмотря на значительное теоретическое обоснование идеи о том, что православная религия способствует смирению и снижению гражданской активности, в современных российских реалиях такие представления не находят подтверждения. Это обстоятельство свидетельствует о необходимости более гибкого и контекстуального подхода к анализу роли религиозности в политическом поведении. Таким образом, результаты данного исследования вносят вклад в развитие теоретических представлений о взаимодействии религиозности и протестной активности, указывая на ограниченность универсального применения марксистской концепции религии и подчёркивая важность учёта социально-политического контекста при интерпретации эмпирических данных.

Несмотря на отсутствие подтверждения основной гипотезы, исследование позволило выявить ряд факторов, оказывающих значительное влияние на протестный потенциал граждан РФ. Установлено, что использование социальных сетей в качестве источника новостной информации положительно коррелирует с готовностью участвовать в коллективных политических действиях, а это свидетельствует о потенциальной роли таких платформ в формировании и распространении протестных настроений. Политический интерес граждан также положительно коррелирует с их склонностью участвовать в протестных акциях. Кроме того, регрессионный анализ показал прямую положительную взаимосвязь между постматериалистическими ценностями и протестным потенциалом. В то же время просмотр телевизионных новостей продемонстрировал отрицательную взаимосвязь с протестным потенциалом, что может свидетельствовать о конформистском влиянии традиционных средств массовой информации. Основные положения настоящей работы позволяют прогнозировать вероятность участия граждан в протестах. Результаты данного исследования могут быть использованы для распространения знаний и повышения осведомлённости властей о способах управления конфликтами и их предотвращении. Изучение протестного потенциала позволяет разрабатывать более точные прогнозы социальных и политических процессов. Представляется перспективным направлением будущих исследований анализ влияния исламских ценностей и норм на политическое поведение и протестный потенциал мусульман в России.

Литература

- Алексеева (Калиновская) П. А. 2023. Связь религиозности и ценностно-нормативных представлений о браке: взгляд российской брачной молодёжи. *Мир России*. 3: 119–144.
- Альтюссер Л. 2011. Идеология и идеологические аппараты государства (заметки для исследования). *Неприкосновенный запас*. 3: 14–58.

- Антонова О. И., Костина Н. Б. 2009. Роль религиозных общностей в реализации социальной политики. *Социологические исследования*. 9: 89–97.
- Ахременко А. С., Стукал Д. К., Петров А. П. 2020. Сеть или текст? Факторы распространения протеста в социальных медиа: теория и анализ данных. *Полис. Политические исследования*. 2: 73–91.
- Бабич Н. С., Хоменко В. И. 2018. Шкала «предрасположенность к религиозности»: эмпирическая апробация и повышение уровня формализации модели. *Социологические исследования*. 1: 94–104.
- Беленков В. Е., Конча В., Ахременко А. С. 2024. Влияние информационно-коммуникационных технологий на политическую стабильность в меняющемся мире: кросс-страновой количественный анализ. *Политическая наука*. 2: 171–192.
- Белоусов А. Б., Давыдов Д. А., Кочухова Е. С. 2020. В постматериалистическом тренде: мотивация участников протеста в сквере у Театра драмы в Екатеринбург. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 6: 53–72.
- Богачёв М., Сорвин К. 2019. Политика в Церкви: воздействуют ли священники на электоральные предпочтения православных верующих? *Мир России. Социология. Этнология*. 28 (4): 68–91.
- Богачев М., Сорвин К. 2020. Политика в Церкви: за кого агитируют православные священники? Государство, религия, *Церковь в России и за рубежом*. 38 (3): 331–361.
- Дементьева И. Н. 2013. Социально-экономические и общественно-политические аспекты формирования протестного потенциала в регионе. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 6: 39–50.
- Ениколопов Р., Макарьин А., Петрова М. 2015. Социальные медиа и политические протесты. *Вестник общественного мнения*. 3–4 (121): 149–159.
- Забаев И., Орешина Д., Пруцкова Е. 2014. Социальный капитал русского православия в начале XXI в.: исследование с помощью методов социально-сетевых анализа. *Государство, религия, Церковь в России и за рубежом*. 32 (1): 40–66.
- Иванов Д. А. 2013. Роль виртуальных социальных сетей в политическом протесте (Пермский случай, 2011–2012 гг.). *Вестник Пермского университета. Политология*. 1: 52–59.
- Инглхарт Р. 2018. *Культурная эволюция. Как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир*. М.: Мысль.
- Кнорре Б. К., Мурашова А. А. 2021. «В начале было Слово...», а в конце будет число? Православие и антицифровой протест в России: с 1990-х до коронавируса. *Мир России. Социология. Этнология*. 30 (2): 146–166.
- Кольцова О. Ю., Киркиж Э. А. 2016. Влияние Интернета на участие в протестах. *Полития*. 80 (1): 90–110.
- Кулькова А. Ю. 2015. *Религиозность и политическое участие: роль политики в российских религиозных общинах*. Препринт WP14/2015/02. Серия WP14: Политическая теория и политический анализ. М.: Изд. дом ВШЭ.

- Кулькова А. Ю. 2018. Религия и социальная справедливость: обзор исследований влияния религиозности на предпочтения относительно социальной политики. *Журнал исследований социальной политики*. 16 (2): 251–264.
- Латова Н. В. 2021a. Влияние образования на политическое участие и запрос на перемены в современной России. *Journal of Institutional Studies*. 13 (4): 112–125.
- Латова Н. В. 2021b. Социально-экономическое положение акторов запроса на перемены. *Социологическая наука и социальная практика*. 2: 7–26.
- Ленин В. И. 1968 (1905) *Социализм и религия*. В изд.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. 12. М.: Политиздат; 142–147.
- Маркин К. В. 2018. Между верой и неверием: непрактикующие православные в контексте российской социологии религии. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2: 274–290.
- Маркс К. 1955 (1844). К критике гегелевской философии права. Введение. В изд.: Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения*. Изд. 2-е. Т. 1. М.: Издательство политической литературы; 414–429.
- Мигунова Т. Л., Романовская Л. Р. 2013. «Симфония властей» как принцип взаимоотношений между церковью и государством. *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*. 3 (2): 147–150.
- Мухаметов Р. С. 2025. Взаимосвязь религиозности и уровня патриотизма граждан РФ: анализ данных Всемирного обзора ценностей. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 3: 134–155.
- Общественная деятельность православных христиан*. 2011. Русская православная церковь. Официальный сайт Московского Патриархата. Электронный ресурс [код доступа]: <https://www.patriarchia.ru/article/97707> (дата обращения: 2 сентября 2025 г.).
- Основы социальной концепции Русской православной церкви*. 2008. Русская православная церковь. Официальный сайт Московского Патриархата. Электронный ресурс [код доступа]: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html> (дата обращения: 2 сентября 2025 г.).
- Печеркина И. Ф. 2017. Детерминанты протестных настроений. *Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования*. 3 (4): 86–97.
- Приемлемо ли для православного христианина участие в протестных политических акциях?* 2021. Азбука веры. Форумы. Электронный ресурс [код доступа]: <https://azbyka.ru/forum/threads/priemlemo-li-dlja-pravoslavnogo-xristianina-uchastie-v-protestnyx-politicheskix-akcijax.24653/> (дата обращения: 2 сентября 2025 г.).
- Протестный потенциал*. 2025. ВЦИОМ. Новости. Электронный ресурс [код доступа]: <https://wciom.ru/ratings/protestnyi-potencial> (дата обращения: 2 сентября 2025 г.).
- Пруцкова Е. В. 2012. Операционализация понятия «религиозность» в эмпирических исследованиях. *Государство, религия, Церковь в России и за рубежом*. 30 (2): 268–293.

- Пруцкова Е. В. 2013. Религиозность и её следствия в ценностно-нормативной сфере. *Социологический журнал*. 2: 72–88.
- Пруцкова Е. В. 2014. Влияние религиозности на базовые ценности населения европейских стран: эффект первичной религиозной социализации. В сб.: *XIV Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества*: В 4 кн. Кн. 3. М.: Изд. дом ВШЭ; 527–536.
- Пруцкова Е. В. 2015. Связь религиозности и ценностно-нормативных показателей: фактор религиозной социализации. *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия I: Богословие. Философия*. 3: 62–80.
- Пруцкова Е. В., Забаев И. В., Маркин К. В. 2022. Социальный капитал и религиозность в России: анализ с позиции «донора» и «реципиента». Научный результат. *Социология и управление*. 8 (2): 39–59.
- Пруцкова Е. В., Павлюткин И. В., Борисова О. Н. 2023. Связь религиозности и рождаемости в России на фоне других европейских стран: эффект социального контекста. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2: 103–126.
- Рогозянский А. 2013. Позволительное с полезным. Может ли христианин участвовать в протестах? *Православие.RU*. Электронный ресурс [код доступа]: <https://pravoslavie.ru/66626.html> (дата обращения: 2 сентября 2025).
- Рулинский В. В. 2023. Социальное служение Русской православной церкви на современном этапе (2010–2023 гг.). В сб.: *Диалог власти и гражданского общества (европейский опыт)*. М.: Ин-т Европы РАН; 125–150.
- Сигарева Е. П., Сивоплясова С. Ю. 2019. Рождаемость и религиозность в России: оценка взаимосвязи. *Logos et Praxis*. 18 (1): 104–115.
- Сухов А. Д. 2014. *Философия религии в марксизме и русском материализме XIX в.* М.: ИФ РАН.
- Шилкина М. В. 2018. Православные братства Русской православной церкви: религиозный и социальный проекты. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2: 225–242.
- Штейнберг А. 2019. Можно ли православному христианину участвовать в митингах? *Клин православный*. Электронный ресурс [код доступа]: <https://правклин.пф/2019/11/11/mozhno-li-pravoslavnomu-hristianinu-uchastvovat-v-mitingah/> (дата обращения: 2 сентября 2025).
- Эллис Д. 1990. *Русская православная церковь: согласие и инакомыслие*. Перев. с англ. прот. Георгия Сидоренко. London: Overseas Publications Interchange Ltd.
- Adamsky D. 2019. *Russian Nuclear Orthodoxy: Religion, Politics, and Strategy*. Stanford: Stanford University Press.
- Agadjanian A., Kenworthy S., Daughrity D. 2011. *Understanding World Christianity Russia*. Minneapolis: Fortress Press.

- Alterman J. 2011. The Revolution Will Not Be Tweeted. *The Washington Quarterly*. 34 (4): 103–116.
- Archibong B. 2022. *Protest Matters: The Effects of Protests on Economic Redistribution*. Available at: https://www.researchgate.net/publication/362080514_Protest_Matters_The_Effects_of_Protests_on_Economic_Redistribution (accessed 2 September 2025).
- Arikan G., Ben-Nun Bloom P. 2019. Religion and Political Protest: A Cross-Country Analysis. *Comparative Political Studies*. 52 (2): 246–276.
- Atinc G., Simmering M., Kroll M. 2012. Control Variable Use and Reporting in Macro and Micro Management Research. *Organizational Research Methods*. 15 (1): 57–74.
- Bernerth J. et al. 2018. Control Variables in Leadership Research: A Qualitative and Quantitative Review. *Journal of Management*. 44 (1): 131–160.
- Billings D. 1990. Religion as Opposition: A Gramscian Analysis. *American Journal of Sociology*. 96 (1): 1–31.
- Boulianne S., Koc-Michalska K., Bimber B. 2020. Mobilizing Media: Comparing TV and Social Media Effects on Protest Mobilization. *Information, Communication & Society*. 23 (3):1–23.
- Campbell D. 2004. Acts of Faith: Churches and Political Engagement. *Political Behavior*. 26 (2): 155–180.
- Charm T., Lin T. 2023. Post-Materialism and Political Grievances: Implications for Protest Participation in Hong Kong. *Journal of Asian and African Studies*. 58 (1): 46–67.
- CIA World Factbook 2022–2023. 2022. New York: Skyhorse Publishing.
- Dalton R. J. 2008. *Citizen Politics: Public Opinion and Political Parties in Advanced Industrial Democracies*. Chatham: Chatham House.
- Deth J. 2000. Interesting but Irrelevant: Social Capital and the Saliency of Politics in Western Europe. *European Journal of Political Research*. 37 (2): 115–147.
- Eady G. 2023. Do Violent Protests Affect Expressions of Party Identity? Evidence from the Capitol Insurrection. *American Political Science Review*. 117 (3): 1151–1157.
- Gladwell M. 2010. Small Change: Why the Revolution Will Not Be Tweeted. *New Yorker*. October 4: 42–49.
- Glock C. 1964. The Role of Deprivation in the Origin and Evolution of Religious Groups. In: Lee R., Marty M. (eds) *Religion and Social Conflict*. New York: Oxford University Press; 24–36.
- Glock C., Stark R. 1965. *Religion and Society in Tension*. Chicago: Rand McNally.
- Gutiérrez G. 1998. *A Theology of Liberation: History, Politics, and Salvation*. New York: Orbis Books.
- Haerpfer C. et al. (eds) 2022. *World Values Survey: Round Seven — Country-Pooled Datafile*. Version 5.0. Madrid, Spain; Vienna, Austria: JD Systems Institute & WVSA Secretariat.

- Hardy B., Scheufele D. 2005. Examining Differential Gains from Internet Use: Comparing the Moderating Role of Talk and Online Interactions. *Journal of Communication*. 55 (1): 71–84.
- Inglehart R. 1990. *Culture Shift in Advanced Industrial Society*. Princeton: Princeton University Press.
- Levy B. L. M., Akiva T. 2019. Motivating Political Participation Among Youth: An Analysis of Factors Related to Adolescents' Political Engagement. *Political Psychology*. 40 (5): 1039–1055.
- Lindholm A. 2020. Does Subjective Well-Being Affect Political Participation? *Swiss Journal of Sociology*. 46 (3): 467–488.
- Kaase M., Marsh A. 1979. Political Action. A Theoretical Perspective. In: Barnes S., Kaase M. (eds) *Political Action: Mass Participation in Five Western Democracies*. Beverly Hills: Sage; 27–56.
- King B. G., Bentele K., Soule S. 2007. Protest and Policymaking: Explaining Fluctuation in Congressional Attention to Rights Issues, 1960–1986. *Social Forces*. 86 (1): 137–163.
- Kirkizh N., Koltsova O. 2021. Online News and Protest Participation in a Political Context: Evidence from Self-Reported Cross-Sectional Data. *Social Media + Society*. 7 (1): 205630512098445.
- Knox Z. 2004. *Russian Society and the Orthodox Church: Religion in Russia after Communism*. London, UK: Routledge.
- Kollner T. 2020. *Religion and Politics in Contemporary Russia: Beyond the Binary of Power and Authority*. London, UK: Routledge.
- Kwak J. 2022. Measuring and Analyzing Protest Potential from a Survey Data Recycling Framework. *American Behavioral Scientist*. 66 (4): 434–458.
- Marien S., Hooghe M., Quintelier E. 2010. Inequalities in Non-Institutionalized Forms of Political Participation: A Multi-Level Analysis of 25 Countries. *Political Studies*. 58 (1): 187–213.
- Martinez L. 2008. The Individual and Contextual Determinants of Protest Among Latinos. *Mobilization: An International Quarterly*. 13 (2): 189–204.
- McAdam D., Tarrow S., Tilly Ch. 2003. *Dynamics of Contention*. Cambridge: Cambridge University Press.
- McLeod D. 2007. News Coverage and Social Protest: How the Media's Protect Paradigm Exacerbates Social Conflict. *Journal of Dispute Resolution*. 1: 185–194.
- McLeod D., Detenber B. 1999. Framing Effects of Television News Coverage of Social Protest. *Journal of Communication*. 49 (3): 3–23.
- McLeod D., Hertog J. 1992. The Manufacture of Public Opinion by Reporters: Informal Cues for Public Perceptions of Protest Groups. *Discourse & Society*. 3 (3): 259–275.
- Mersianova I. V., Schneider F. A. 2018. Russian Faith Matters: Religiosity and Civil Society in the Russian Federation. *Sociology of Religion*. 79 (4): 495–519.

- Miller P. 2013. Postmaterialism and Social Movements. In: Snow D. et al. (eds) *The Wiley-Blackwell Encyclopedia of Social and Political Movements*. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons. doi: <https://doi.org/10.1002/9780470674871.wbespm165>
- Mitrofanova A. 2005. *The Politicization of Russian Orthodoxy: Actors and Ideas*. Stuttgart: ibidem-Verlag.
- Morozov E. 2011. *The Net Delusion: The Dark Side of Internet Freedom*. New York: Public Affairs.
- Oegema D., Klandermans B. 1994. Why Social Movement Sympathizers Don't Participate. *American Sociological Review*. 59 (5): 703–722.
- Okulicz-Kozaryn A. 2010. Religiosity and Life Satisfaction Across Nations. *Mental Health, Religion & Culture*. 13 (2): 155–169.
- Omonijo D. O., Uche O. O. C., Nnedum O. A. U. 2016. Chine B.C. Religion as the Opium of the Masses: A Study of the Contemporary Relevance of Karl Marx. *Asian Research Journal of Arts & Social Sciences*. 1 (3): 1–7.
- Opp K. D. 2009. *Theories of Political Protest and Social Movements: A Multi-Disciplinary Introduction, Critique, and Synthesis*. Abingdon, UK: Routledge.
- Opp K. D., Kittel B. 2010. The Dynamics of Political Protest: Feedback Effects and Interdependence in the Explanation of Protest Participation. *European Sociological Review*. 26 (1): 97–109.
- Rucht D., Koopmans R., Neidhardt F. 1999. *Acts of Dissent: New Developments in the Study of Protest*. Lanham, MD: Rowman & Littlefield.
- Saroglou V., Delpierre V., Dernelle R. 2004. Values and Religiosity: A Meta-Analysis of Studies Using Schwartzs Model. *Personality and Individual Differences*. 37 (4): 721–734.
- Scheufele D. A. 2002. Examining Differential Gains from Mass Media and Their Implication for Participatory Behavior. *Communication Research*. 29 (1): 46–65.
- Schnabel L. 2021. Opiate of the Masses? Inequality, Religion, and Political Ideology in the United States. *Social Forces*. 99 (3): 979–1012.
- Stark R., Bainbridge W. 1980. Towards a Theory of Religion: Religious Commitment. *Journal for the Scientific Study of Religion*. 19 (2): 114–128.
- Suh C. S. 2021. In the Smoke of the People's Opium: The Influence of Religious Beliefs and Activities on Protest Participation. *International Sociology*. 36 (3): 026858092096201. doi:[10.1177/0268580920962016](https://doi.org/10.1177/0268580920962016)
- Sulemana I., Agyapong E. 2019. Subjective Well-Being and Political Participation: Empirical Evidence from Ghana. *Review of Development Economics*. 23 (3): 1368–1386.
- Tatar M. I. 2020. What Drives Individual Participation in Mass Protests? Grievance Politicization, Recruitment Networks and Street Demonstrations in Romania. *Journal of Identity and Migration Studies*. 14 (2): 112–140.

- Tilly Ch. 1995. Contentious Repertoires in Great Britain, 1758–1834. In: Traugott M. (ed.) *Repertoires and Cycles of Collective Action Durham*. Durham, NC: Duke University Press; 15–42.
- Tilly Ch. 2004. *Social Movements, 1768–2004*. London: Paradigm.
- Travova E. 2022. For God, Tsar and Fatherland? The Political Influence of Church. *CERGE-EI Working Paper Series*. 722. Available at: <https://www.cerge-ei.cz/pdf/wp/Wp722.pdf> (accessed 2 September 2025).
- Ulug Ö. M., Acar Y. 2017. What Happens After the Protests? Understanding Protest Outcomes Through Multi-Level Social Change. *Peace and Conflict Journal of Peace Psychology*. 24 (1): 44–53.
- Valenzuela S. 2013. Unpacking the Use of Social Media for Protest Behavior: The Roles of Information, Opinion Expression, and Activism. *American Behavioral Scientist*. 57 (7): 920–942.
- Valenzuela S., Arriagada A., Scherman A. 2012. The Social Media Basis of Youth Protest Behavior: The Case of Chile. *Journal of Communication*. 62 (2): 299–314.
- Valenzuela S., Arriagada A., Scherman A. 2014. Facebook, Twitter, and Youth Engagement: A Quasi-Experimental Study of Social Media Use and Protest Behavior Using Propensity Score Matching. *International Journal of Communication*. 8 (1): 2046–2070.
- Weerakoon C. 2023. Enhancing Methodological Rigour: Control Variable Utilisation and Reporting in Social Entrepreneurship Research. *Journal of Social Entrepreneurship*. 14: 1–31. doi: <https://doi.org/10.1080/19420676.2023.2266813>
- Welzel C., Deutsch F. 2012. Emancipative Values and Non-Violent Protest: The Importance of ‘Ecological’ Effects. *British Journal of Political Science*. 42 (2): 465–479.
- William D. 2023. How Do Political Opportunities Impact Protest Potential? A Multilevel Cross-National Assessment. *International Journal of Comparative Sociology*. 64 (4): 350–374.
- Wouters R., Walgrave S. 2017. Demonstrating Power: How Protest Persuades Political Representatives. *American Sociological Review*. 82 (2): 361–383.

Ruslan Mukhametov

The Relationship Between Orthodox Religiosity and the Willingness of Russian Citizens to Participate in Collective Political Action: Evidence from the 2011 and 2017 World Values Survey

MUKHAMETOV, Ruslan —

PhD in Political Science,
Associate Professor,
Department Political Sciences,
Ural Federal University named
after the first President of
Russia B. N. Yeltsin. Address:
51 Lenin Ave., 620083,
Yekaterinburg, Russian
Federation.

Email: muhametov.ru@mail.ru

Abstract

The article explores why some citizens engage in protest actions while others reject the possibility altogether, arguing that protest influences public policy and economic development. It notes that existing scientific literature identifies various factors affecting individual protest potential but highlights that the influence of citizens' religiosity remains underexplored. Theoretical grounding is provided by the Marxist concept of religion as part of the deprivation-compensation hypothesis, which suggests religiosity may reduce protest propensity. Formulating a hypothesis that Orthodox religiosity decreases individuals' willingness to protest, the author empirically tests this using data from the World Values Survey, involving a sample of approximately 3,500–3,600 respondents

and employing ordinal logistic regression. The study finds no empirical support for the hypothesized negative relationship; hence, the Marxist concept is not confirmed in this context. Additional findings reveal that reading news on social networks, political interest, and post-materialist values increase protest potential, whereas watching TV news decreases it. The author underscores that studying protest potential provides valuable insights into social and political dynamics, citizen concerns, and aids in developing effective public relations management strategies.

Keywords: religiosity; Russian Orthodox Church; political participation; protest potential; collective political action; the deprivation-compensation hypothesis.

References

- Adamsky D. (2019) *Russian Nuclear Orthodoxy: Religion, Politics, and Strategy*, Stanford: Stanford University Press.
- Agadjanian A., Kenworthy S., Daugherty D. (2011) *Understanding World Christianity Russia*, Minneapolis: Fortress Press.
- Ahremenko A. S., Stukal D. K., Petrov A. P. (2020) Set ili tekst? Phactory rasprostraneniya protesta v sotsialnykh media: teoriya i analiz dannykh [Network or Text? Factors of the Spread of Protest in Social Media: Theory and Data Analysis]. *Polis. Political Studies = Polis. Politicheskie issledovaniya*, no 2, pp. 73–91 (in Russian).
- Alekseeva (Kalinovskaya) P. A. (2023) Svyaz religioznosti i tsennostno-normativnykh predstavleniy o brake: vzglyad rossiyskoy brachnoy molodezhi [The Connection between Religiosity and Value-Normative Ideas

about Marriage: The View of Russian Married Youth]. *Universe of Russia = Mir Rossii*, no 3, pp. 119–144 (in Russian).

Alterman J. (2011) The Revolution Will Not Be Tweeted. *The Washington Quarterly*, vol. 34, no 4, pp. 103–116.

Al'tjusser L. (2011) Ideologiya i ideologicheskie apparaty gosudarstva (zametki dlja issledovaniya) [Ideology and Ideological Apparatuses of the State (Notes for Research)]. *Neprikosnovennyj zapas*, no 3, pp. 14–58 (in Russian).

Antonova O. I., Kostina N. B. (2009) Rol religioznykh obshhnostey v realizatsii sotsialnoy politiki. [The Role of Religious Communities in the Implementation of Social Policy]. *Sociological Studies = Sociologicheskie issledovaniya*, no 9, pp. 89–97 (in Russian).

Archibong B. (2022) *Protest Matters: The Effects of Protests on Economic Redistribution*. Available at: https://www.researchgate.net/publication/362080514_Protest_Matters_The_Effects_of_Protests_on_Economic_Redistribution (accessed 2 September 2025).

Arikan G., Ben-Nun Bloom P. (2019) Religion and Political Protest: A Cross-Country Analysis. *Comparative Political Studies*, vol. 52, no 2, pp. 246–276.

Atinc G., Simmering M., Kroll M. (2012) Control Variable Use and Reporting in Macro and Micro Management Research. *Organizational Research Methods*, vol. 15, no 1, pp. 57–74.

Babich N. S., Homenko V. I. (2018) Shkala “predraspolozhennost’ k religioznosti”: empiricheskaya aprobatsiya i povyshenie urovnya phormalizatsii modeli [The Scale of “Predisposition to Religiosity”: Empirical Approbation and Increasing the Level of Formalization of the Model]. *Sociological Studies = Sociologicheskie issledovaniya*, no 1, pp. 94–104 (in Russian).

Belenkov V. E., Koncha V., Ahremenko A. S. (2024) Vliyanie inphormatsionno-kommunikatsionnykh tekhnologiy na politicheskuyu stabilnost v menyayushchemsya mire: kross-stranovoy kolichestvennyy analiz [The Impact of Information and Communication Technologies on Political Stability in a Changing World: A Cross-Country Quantitative Analysis]. *Political Science (RU) = Politicheskaja nauka*, no 2, pp. 171–192 (in Russian).

Belousov A. B., Davydov D. A., Kochuhova E. S. (2020) V postmaterialisticheskom trende: motivatsiya uchastnikov protesta v skvere u Teatra dramy v Ekaterinburg [In the Post-Materialist Trend: The Motivation of the Protesters in the Square Near the Drama Theater in Yekaterinburg]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes = Monitoring obshhestvennogo mnenija: ekonomicheskie i social'nye peremeny*, no 6, pp. 53–72 (in Russian).

Bernerth J., Cole M., Taylor E., Walker J. (2018) Control Variables in Leadership Research: A Qualitative and Quantitative Review. *Journal of Management*, vol. 44, no 1, pp. 131–160.

Billings D. (1990) Religion as Opposition: A Gramscian Analysis. *American Journal of Sociology*, vol. 96, no 1, pp. 1–31.

Bogachev M., Sorvin K. (2019) Politika v Tserkvi: vozdeystvujut li svyashhenniki na elektoralnye predpochteniya pravoslavnykh veruyushchikh? [Politics in the Church: Do Priests Influence the Electoral Preferences of Orthodox Believers?]. *Universe of Russia = Mir Rossii*, no 4, pp. 68–91 (in Russian).

- Bogachev M., Sorvin K. (2020) Politika v Tserkvi: za kogo agitiruyut pravoslavnye svyashchenniki? [Politics in the Church: Whom do Orthodox Priests Campaign for?]. *State, Religion and Church in Russia and Worldwide = Gosudarstvo, religiya, Cerkov' v Rossii i za rubezhom*, vol. 38, no 3, pp. 331–361 (in Russian).
- Boulianne S., Koc-Michalska K., Bimber B. (2020) Mobilizing Media: Comparing TV and Social Media Effects on Protest Mobilization. *Information, Communication & Society*, vol. 23, no 3, pp. 1–23.
- Campbell D. (2004) Acts of Faith: Churches and Political Engagement. *Political Behavior*, vol. 26, no 2, pp. 155–180.
- Charm T., Lin T. (2023) Post-Materialism and Political Grievances: Implications for Protest Participation in Hong Kong. *Journal of Asian and African Studies*, vol. 58, no 1, pp. 46–67.
- CIA World Factbook 2022–2023*. (2022), New York: Skyhorse Publishing.
- Dalton R. J. (2008) *Citizen Politics: Public Opinion and Political Parties in Advanced Industrial Democracies*, Chatham: Chatham House.
- Dementeva I. N. (2013) Sotsialno-ekonomicheskie i obshchestvenno-politicheskie aspekty phormirovaniya protestnogo potentsiala v regione [Socio-Economic and Socio-Political Aspects of the Formation of Protest Potential in the Region]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes = Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, no 6, pp. 39–50 (in Russian).
- Deth J. (2000) Interesting but Irrelevant: Social Capital and the Saliency of Politics in Western Europe. *European Journal of Political Research*, vol. 37, no 2, pp. 115–147.
- Eady G. (2023) Do Violent Protests Affect Expressions of Party Identity? Evidence from the Capitol Insurrection. *American Political Science Review*, vol. 117, no 3, pp. 1151–1157.
- Ellis J. (1990) *Russkaya pravoslavnaya tserkov* [The Russian Orthodox Church], London: Overseas Publications Interchange Ltd (in Russian).
- Enikolopov R., Makar'in A., Petrova M. (2015) Sotsialnye media i politicheskie protesty [Social Media and Political Protests]. *The Russian Public Opinion Herald = Vestnik obshchestvennogo mneniya*, no 3–4, pp. 149–159 (in Russian).
- Gladwell M. (2010) Small Change: Why the Revolution Will Not Be Tweeted. *New Yorker*, October 4, pp. 42–49.
- Glock C. (1964) The Role of Deprivation in the Origin and Evolution of Religious Groups. *Religion and Social Conflict* (eds. R. Lee, M. Marty), New York: Oxford University Press, pp. 24–36.
- Glock C., Stark R. (1965) *Religion and Society in Tension*, Chicago: Rand McNally.
- Gutiérrez G. (1998) *A Theology of Liberation: History, Politics, and Salvation*, New York: Orbis Books.
- Haerpfer C., Inglehart R., Moreno A., Welzel C., Kizilova K., Diez-Medrano J., Lagos M., Norris P., Ponar-in E., Puranen B. (eds). (2022) *World Values Survey: Round Seven — Country-Pooled Datafile*. Version 5.0, Madrid, Spain; Vienna, Austria: JD Systems Institute & WVSA Secretariat.

- Hardy B., Scheufele D. (2005) Examining Differential Gains from Internet Use: Comparing the Moderating Role of Talk and Online Interactions. *Journal of Communication*, vol. 55, no 1, pp. 71–84.
- Inglehart R. (1990) *Culture Shift in Advanced Industrial Society*, Princeton: Princeton University Press.
- Inglehart R. (2018) *Kulturnaya evolyutsiya. Kak izmenyayutsya chelovecheskie motivatsii i kak eto menyaet mir* [Cultural Evolution: How People's Motivations are Changing and How this is Changing the World], Moscow: Mysl (in Russian).
- Ivanov D. A. (2013) Rol virtualnykh sotsialnykh setey v politicheskom proteste (Permskiy sluchay, 2011–2012 gg.) [The Role of Virtual Social Networks in Political Protest (Perm Case, 2011–2012)]. *Bulletin of Perm University. Political Science = Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya*, no 1, pp. 52–59 (in Russian).
- Latova N. V. (2021a) Vliyanie obrazovaniya na politicheskoe uchastie i zapros na peremeny v sovremennoy Rossii [The Influence of Education on Political Participation and the Demand for Change in Modern Russia]. *Journal of Institutional Studies*, no 4, pp. 112–125 (in Russian).
- Latova N. V. (2021b) Sotsial'no-ekonomicheskoe polozhenie aktorov zaprosa na peremeny [The Socio-Economic Situation of the Actors Requesting Change]. *Sociological Science and Social Practice = Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika*, no 2, pp. 7–26 (in Russian).
- Levy B. L. M., Akiva T. (2019) Motivating Political Participation Among Youth: An Analysis of Factors Related to Adolescents' Political Engagement. *Political Psychology*, vol. 40, no 5, pp. 1039–1055.
- Lindholm A. (2020) Does Subjective Well-Being Affect Political Participation? *Swiss Journal of Sociology*, vol. 46, no 3, pp. 467–488.
- Kaase M., Marsh A. (1979) Political Action. A Theoretical Perspective. *Political Action: Mass Participation in Five Western Democracies* (eds. S. Barnes, M. Kaase), Beverly Hills: Sage, pp. 27–56.
- King B. G., Bentele K., Soule S. (2007) Protest and Policymaking: Explaining Fluctuation in Congressional Attention to Rights Issues, 1960–1986. *Social Forces*, vol. 86, no 1, pp. 137–163.
- Kirkizh N., Koltsova O. (2021) Online News and Protest Participation in a Political Context: Evidence from Self-Reported Cross-Sectional Data. *Social Media + Society*, vol. 7, no 1, art. 205630512098445. Available at: <https://scila.hse.ru/data/2021/02/16/1407929288/2056305120984456.pdf?ysclid=mf6un5h3wn936891788> (accessed 3 September 2025).
- Knorre B. K., Murashova A. A. (2021) “V nachale bylo Slovo...”, a v kontse budet chislo? Pravoslaviye i antitsifrovoy protest v Rossii: s 1990-kh do koronavirusa [“In the Beginning Was the Word...”, and in the End Will There Be a Number? Orthodoxy and Anti-Digital Protest in Russia: From the 1990s to the Coronavirus]. *Universe of Russia = Mir Rossii*, vol. 30, no 2, pp. 146–166 (in Russian).
- Knox Z. (2004) *Russian Society and the Orthodox Church: Religion in Russia after Communism*, London, UK: Routledge.
- Koltsova O. Yu, Kirkizh Ye. A. (2016) Vliyanie Interneta na uchastie v protestakh [The Impact of the Internet on Participation in Protest]. *Politeia*, no 1 (80), pp. 90–110 (in Russian).

- Kollner T. (2020) *Religion and Politics in Contemporary Russia: Beyond the Binary of Power and Authority*, London, UK: Routledge.
- Kulkova A. Yu. (2015) Religioznost i politicheskoe uchastie: rol politiki v rossiyskikh religioznykh obshchinakh [Religiosity and Political Participation: The Role of Politics in Russian Religious Communities]. *Working paper WP14/2015/02*. Series WP14 "Political Theory and Political Analysis", Moscow: HSE Publishing House (in Russian).
- Kul'kova A. Ju. (2018) Religiiy i sotsialnaya spravedlivost: obzor issledovaniy vliyaniya religioznosti na predpochteniya otnositelno sotsialnoy politiki [Religion and Social Justice: A Review of Studies on the Impact of Religiosity on Social Policy Preferences]. *The Journal of Social Policy Studies = Zhurnal Issledovaniy Social'noj Politiki*, vol. 16, no 2, pp. 251–264 (in Russian).
- Kwak J. (2022) Measuring and Analyzing Protest Potential from a Survey Data Recycling Framework. *American Behavioral Scientist*, vol. 66, no 4, pp. 434–458.
- Lenin V. I. (1968 [1905]) Sotsializm i religiya [Socialism and Religion]. *Poln. sobr. soch* [Complete Works], 5 th edn., vol. 12, Moscow: Политиздат, pp. 142–147 (in Russian).
- Markin K. V. (2018) Mezhdru veroy i neveriem: nepraktikuyushhie pravoslavnye v kontekste rossiyskoy sotsiologii religii [Between Faith and Unbelief: Non-Practicing Orthodox Christians in the Context of the Russian Sociology of Religion]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes = Monitoring obshhestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny*, no 2, pp. 274–290 (in Russian).
- Marx K. (1955 [1844]) K kritike gegelevskoy filosofii prava. Vvedenie [Critique of Hegel's Philosophy of Law. Introduction]. *Sochineniya*. [Works], 2nd edn., vol. 1], Moscow: Izdatelstvo politicheskoy literatury, pp. 414–429. (in Russian).
- Marien S., Hooghe M., Quintelier E. (2010) Inequalities in Non-Institutionalized Forms of Political Participation: A Multi-Level Analysis of 25 Countries. *Political Studies*, vol. 58, no 1, pp. 187–213.
- Martinez L. (2008) The Individual and Contextual Determinants of Protest Among Latinos. *Mobilization: An International Quarterly*, vol. 13, no 2, pp. 189–204.
- McAdam D., Tarrow S., Tilly Ch. (2003) *Dynamics of Contention*, Cambridge: Cambridge University Press.
- McLeod D. (2007) News Coverage and Social Protest: How the Media's Protect Paradigm Exacerbates Social Conflict. *Journal of Dispute Resolution*, no 1, pp. 185–194.
- McLeod D., Detenber B. (1999) Framing Effects of Television News Coverage of Social Protest. *Journal of Communication*, vol. 49, no 3, pp. 3–23.
- McLeod D., Hertog J. (1992) The Manufacture of Public Opinion by Reporters: Informal Cues for Public Perceptions of Protest Groups. *Discourse & Society*, vol. 3, no 3, pp. 259–275.
- Mersianova I. V., Schneider F. A. 2018. Russian Faith Matters: Religiosity and Civil Society in the Russian Federation. *Sociology of Religion*, vol. 79, no 4, pp. 495–519.

- Migunova T. L., Romanovskaja L. R. (2013) “Simfoniya vlastey” kak printsip vzaimootnosheniy mezhdu tserkovyu i gosudarstvom [The “Symphony of Authorities” as a Principle of the Relationship between Church and State]. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod = Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*, no 3 (2), pp. 147–150 (in Russian).
- Miller P. (2013) Postmaterialism and Social Movements. *The Wiley-Blackwell Encyclopedia of Social and Political Movements* (eds. D. Snow, D. della Porta, B. Klandermans), Hoboken, NJ: John Wiley & Sons, pp. 1–4. Available at: <https://doi.org/10.1002/9780470674871.wbespm165> (accessed 2 September 2025).
- Mitrofanova A. (2005) *The Politicization of Russian Orthodoxy: Actors and Ideas*, Stuttgart: ibidem-Verlag.
- Morozov E. (2011) *The Net Delusion: The Dark Side of Internet Freedom*, New York: Public Affairs.
- Mukhametov R. S. (2025) Vzaimosvyaz religioznosti i urovnya patriotizma grazhdan RF: analiz dannykh Vsemirnogo obzora tsennostey [The Relationship between Religiousness and the Level of Patriotism among Russian Citizens: An Analysis of Data from the World Values Survey]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes = Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsialnye peremeny*, no 3, pp. 134–155 (in Russian).
- Obshchestvennaya deyatel'nost pravoslavnykh khristian [Social Activities of Orthodox Christians] (2011) *The Russian Orthodox Church. The official website of the Moscow Patriarchate = Russkaya pravoslavnaya tserkov. Ofitsialnyy sayt Moskovskogo Patriarkhata*. Available at: <https://www.patriarchia.ru/article/97707> (accessed 3 September 2025) (in Russian).
- Oegema D., Klandermans B. (1994) Why Social Movement Sympathizers Don't Participate. *American Sociological Review*, vol. 59, no 5, pp. 703–722.
- Okulicz-Kozaryn A. (2010) Religiosity and Life Satisfaction Across Nations. *Mental Health, Religion & Culture*, vol. 13, no 2, pp. 155–169.
- Omonijo D. O., Uche O. O. C., Nnedum O. A. U. (2016) Chine B. C. Religion as the Opium of the Masses: A Study of the Contemporary Relevance of Karl Marx. *Asian Research Journal of Arts & Social Sciences*, vol. 1, no 3, pp. 1–7.
- Opp K. D. (2009) *Theories of Political Protest and Social Movements: A Multi-Disciplinary Introduction, Critique, and Synthesis*, Abingdon, UK: Routledge.
- Opp K. D., Kittel B. (2010) The Dynamics of Political Protest: Feedback Effects and Interdependence in the Explanation of Protest Participation. *European Sociological Review*, vol. 26, no 1, pp. 97–109.
- Osnovy sotsialnoy kontseptsii Russkoy pravoslavnoy tserkvi [The Foundations of the Social Concept of the Russian Orthodox Church] (2008) *The Russian Orthodox Church. The official website of the Moscow Patriarchate = Russkaya pravoslavnaya tserkov. Ofitsialnyy sayt Moskovskogo Patriarkhata*. Available at: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html> (accessed 3 September 2025) (in Russian).
- Pecherkina I. F. (2017) Determinanty protestnykh nastroyeniy [Determinants of Protest Sentiments]. *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research = Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsialno-ekonomicheskie i pravovye issledovaniya*, vol. 3, no 4, pp. 86–97 (in Russian).

- Priemlemo li dlya pravoslavnogo khristianina uchastie v protestnykh politicheskikh aktsiyakh? [Is it Acceptable for an Orthodox Christian to Participate in Political Protest Actions?] (2021) *Azbyka very. Forums*. Available at: <https://azbyka.ru/forum/threads/priemlemo-li-dlja-pravoslavnogo-xristianina-uchastie-v-protestnyx-politicheskix-akcijax.24653/> (accessed 3 September 2025) (in Russian).
- Protestnyy potentsial [Protest Potential] (2025) *Russian Public Opinion Research Center = VCIOM*. Available at: <https://wciom.ru/ratings/protestnyi-potencial> (accessed 3 September 2025) (in Russian).
- Pruckova E. V. (2012) Operatsionalizatsiya ponyatiya «religioznost» v empiricheskikh issledovaniyakh [Operationalization of the Concept of “Religiosity” in Empirical Research]. *State, Religion and Church in Russia and Worldwide = Gosudarstvo, religiya, Cerkov' v Rossii i za rubezhom*, vol. 30, no 2, pp. 268–293 (in Russian).
- Pruckova E. V. (2013) Religioznost i ee sledstviya v tsennostno-normativnoy sphere [Religiosity and Its Consequences in the Value-Normative Sphere]. *Sociological Journal = Sociologicheskii zhurnal*, no 2, pp. 72–88 (in Russian).
- Pruckova E. V. (2014) Vliyanie religioznosti na bazovye tsennosti naseleniya evropeyskikh stran: effekt pervichnoy religioznoy sotsializatsii [The Influence of Religiosity on the Basic Values of the Population of European Countries: The Effect of Primary Religious Socialization]. *XIV Aprelskaya mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva*: [XIV April International Scientific Conference on the Problems of Economic and Social Development], vol. 3, Moscow: HSE Publishing House, pp. 527–536 (in Russian).
- Pruckova E. V. (2015) Svjaz' religioznosti i tsennostno-normativnykh pokazateley: phaktor religioznoy sotsializatsii [The Relationship between Religiosity and Value-Normative Indicators: A Factor of Religious Socialization]. *St. Tikhon's University Review. Theology. Philosophy. Religious Studies = Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya I: Bogoslovie. Filosofiya*, no 3, pp. 62–80 (in Russian).
- Pruckova E. V., Pavljutkin I. V., Borisova O. N. (2023) Svyaz religioznosti i rozhdaemosti v Rossii na phone drugikh evropeyskikh stran: effekt sotsialnogo konteksta [The Relationship between Religiosity and Fertility in Russia Compared to other European Countries: The Effect of the Social Context]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes = Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny*, no 2, pp. 103–126 (in Russian).
- Pruckova E. V., Zabaev I. V., Markin K. V. (2022) Sotsialnyy kapital i religioznost v Rossii: analiz s pozitsii “donora” i “retsipienta” [Social Capital and Religiousness in Russia: Analysis from the Perspective of a “Donor” and a “Recipient”]. *Research result. Sociology and Management = Nauchnyy rezultat. Sotsiologiya i upravlenie*, vol. 8, no 2, pp. 39–59 (in Russian).
- Rogozjanskij A. (2013) *Pozvolitel'noe s poleznym. Mozhets li khristianin uchastvovat v protestakh?* [Permissible with Useful. Can a Christian Participate in Protests?]. *Pravoslavie.RU*. Available at: <https://pravoslavie.ru/66626.html> (accessed 3 September 2025) (in Russian).
- Rucht D., Koopmans R., Neidhardt F. (1999) *Acts of Dissent: New Developments in the Study of Protest*, Lanham, MD: Rowman & Littlefield.
- Rulinskij V. V. (2023) Sotsialnoe sluzhenie Russkoy pravoslavnoy tserkvi na sovremennom etape (2010–2023 gg.) [Social Service of the Russian Orthodox Church at the Present Stage (2010–2023)]. *Dialog*

vlasti i grazhdanskogo obshchestva (evropeyskiy opyt) [Dialogue of the Government and Civil Society (European Experience)], Moscow: Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, pp. 125–150 (in Russian).

Saroglou V., Delpierre V., Dernelle R. (2004) Values and Religiosity: A Meta-Analysis of Studies Using Schwartzs Model. *Personality and Individual Differences*, vol. 37, no 4, pp. 721–734.

Scheufele D. A. (2002) Examining Differential Gains from Mass Media and Their Implication for Participatory Behavior. *Communication Research*, vol. 29, no 1, pp. 46–65.

Schnabel L. (2021) Opiate of the Masses? Inequality, Religion, and Political Ideology in the United States. *Social Forces*, vol. 99, no 3, pp. 979–1012.

Shilkina M. V. (2018) Pravoslavnye bratstva Russkoy pravoslavnoy tserkvi: religioznyj i sotsialnyy proekty [Orthodox Brotherhoods of the Russian Orthodox Church: Religious and Social Projects]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes = Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsialnye peremeny*, no 2, pp. 225–242 (in Russian).

Shteynberg A. (2019) Mozhno li pravoslavnomu khristianinu uchastvova v mitingakh? [Is it Allowed for an Orthodox Christian to Participate in Rallies?]. *Klin pravoslavnyy*. Available at: <https://pravklin.rf/2019/11/11/mozhno-li-pravoslavnomu-hristianinu-uchastvovat-v-mitingah/> (accessed 3 September 2025) (in Russian).

Sigareva E. P., Sivopljasova S. Ju. (2019) Rozhdaemost i religioznost v Rossii: otsenka vzaimosvyazi [Fertility and Religiosity in Russia: An Assessment of the Relationship]. *Logos et Praxis*, vol. 18, no 1, pp. 104–115 (in Russian).

Stark R., Bainbridge W. (1980) Towards A Theory of Religion: Religious Commitment. *Journal for the Scientific Study of Religion*, vol. 19, no 2, pp. 114–128.

Suh C. S. (2021) In the Smoke of the People's Opium: The Influence of Religious Beliefs and Activities on Protest Participation. *International Sociology*, vol. 36, no 3, art. 026858092096201. doi:10.1177/0268580920962016

Suhov A. D. (2014) *Philosophiya religii v marksizme i russkom materializme XIX v.* [Philosophy of Religion in Marxism and Russian Materialism of the 19th Century], Moscow: RAS Institute of Philosophy (in Russian).

Sulemana I., Agyapong E. (2019) Subjective Well-Being and Political Participation: Empirical Evidence from Ghana. *Review of Development Economics*, vol. 23, no 3, pp. 1368–1386.

Tatar M. I. (2020) What Drives Individual Participation in Mass Protests? Grievance Politicization, Recruitment Networks and Street Demonstrations in Romania. *Journal of Identity and Migration Studies*, vol. 14, no 2, pp. 112–140.

Tilly Ch. (1995) Contentious Repertoires in Great Britain, 1758–1834. *Repertoires and Cycles of Collective Action* Durham (ed. M. Traugott), Durham, NC: Duke University Press, pp. 15–42.

Tilly Ch. (2004) *Social Movements, 1768–2004*, London: Paradigm.

- Travova E. (2022) For God, Tsar and Fatherland? The Political Influence of Church. *CERGE-EI Working Paper Series*, no 722. Available at: <https://www.cerge-ei.cz/pdf/wp/Wp722.pdf> (accessed 2 September 2025).
- Ulug Ö. M., Acar Y. (2017) What Happens After the Protests? Understanding Protest Outcomes Through Multi-Level Social Change. *Peace and Conflict Journal of Peace Psychology*, vol. 24, no 1, pp. 44–53.
- Valenzuela S. (2013) Unpacking the Use of Social Media for Protest Behavior: The Roles of Information, Opinion Expression, and Activism. *American Behavioral Scientist*, vol. 57, no 7, pp. 920–942.
- Valenzuela S., Arriagada A., Scherman A. (2012) The Social Media Basis of Youth Protest Behavior: The Case of Chile. *Journal of Communication*, vol. 62, no 2, pp. 299–314.
- Valenzuela S., Arriagada A., Scherman A. (2014) Facebook, Twitter, and Youth Engagement: A Quasi-Experimental Study of Social Media Use and Protest Behavior Using Propensity Score Matching. *International Journal of Communication*, vol. 8, no 1, pp. 2046–2070.
- Weerakoon C. (2023) Enhancing Methodological Rigour: Control Variable Utilisation and Reporting in Social Entrepreneurship Research. *Journal of Social Entrepreneurship*, vol. 14, pp. 1–31. Available at: <https://doi.org/10.1080/19420676.2023.2266813> (accessed 2 September 2025).
- Welzel C., Deutsch F. (2012) Emancipative Values and Non-Violent Protest: The Importance of ‘Ecological’ Effects. *British Journal of Political Science*, vol. 42, no 2, pp. 465–479.
- William D. (2023) How Do Political Opportunities Impact Protest Potential? A Multilevel Cross-National Assessment. *International Journal of Comparative Sociology*, vol. 64, no 4, pp. 350–374.
- Wouters R., Walgrave S. (2017) Demonstrating Power: How Protest Persuades Political Representatives. *American Sociological Review*, vol. 82, no 2, pp. 361–383.
- Zabaev I., Oreshina D., Pruckova E. (2014) Sotsialnyy kapital russkogo pravoslaviya v nachale XXI v.: issledovanie s pomoshchyu metodov sotsialno-setevogo analiza. [Social Capital of Russian Orthodoxy at the Beginning of the 21st Century: A Study Using Social Network Analysis Methods]. *State, Religion and Church in Russia and Worldwide = Gosudarstvo, religiya, Tserkov' v Rossii i za rubezhom*, vol. 32, no 1, pp. 40–66 (in Russian).

Received: March 10, 2025

Citation: Mukhametov R. (2025) Vzaimosvyaz pravoslavnoy religioznosti i gotovnosti grazhdan RF uchastvovat v kollektivnykh politicheskikh deystviyakh: analiz dannykh Vsemirnogo issledovaniya tsennostey za 2011 i 2017 gg. [The Relationship Between Orthodox Religiosity and the Willingness of Russian Citizens to Participate in Collective Political Action: Evidence from the 2011 and 2017 World Values Survey]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 26, no 4, pp. 121–151. doi: [10.17323/1726-3247-2025-4-121-151](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2025-4-121-151) (in Russian).

Ю. О. Корешкова, Д. О. Тимошкин, А. А. Волошин, Н. Н. Зборовицкая

Деревня — городу, город — деревне: транслокальные сети внутренних мигрантов как фактор социально-экономической конвергенции регионального центра и периферии

На примере Иркутска и Красноярска



КОРЕШКОВА

Юлия Олеговна —
младший научный
сотрудник Иркутского
государственного
университета. Адрес:
664003, Россия,
г. Иркутск, ул. Карла
Маркса, д. 1.

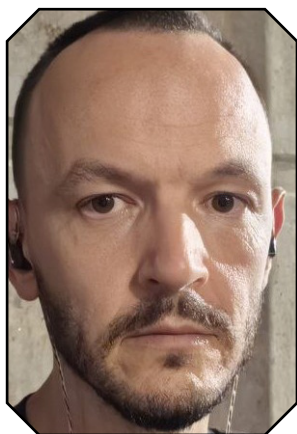
Email: yuliakodzhaeva@yandex.ru

Работа публикуется
журналом «Экономическая социология» при поддержке программы «Университетское партнёрство» НИУ ВШЭ.

В статье рассматриваются транслокальные сети внутренних мигрантов в Иркутске и Красноярске, связывающие город и деревню. Опираясь на мнение пяти фокус-групп и данные 22 полуформализованных интервью с людьми, переехавшими в региональные центры из небольших поселений, мы изучали, как эти сети складываются, поддерживаются и к каким социальным эффектам приводят. Мы выделили два ключевых момента: с одной стороны, увеличение экономической и эмоциональной устойчивости мигрантов, а с другой — увеличение устойчивости сельских сообществ. Такая двусторонняя зависимость приводит к социально-экономической конвергенции города и деревни. Горизонтальные сети, о которых говорили наши респонденты, способствуют постоянному перемещению ресурсов и информации между городом и селом. На первоначальных этапах продукты, деньги, социальный капитал и эмоциональная поддержка двигаются из села в город. Характерный для этого типа взаимоотношений принцип реципрокности влияет на то, что позднее, когда человек включается в городские инфраструктурные и социальные сети, ресурсы начинают двигаться в обратном направлении. Нередко ресурсы, идущие из села, меняют своё значение с экономического на символическое: обмен подарками становится способом поддерживать общность группы, часть которой находится в поселении исхода, часть — в региональном центре. В результате социальная, экономическая и культурная дистанция, разделяющая два типа поселений, постепенно сокращается, частично нивелируются её негативные последствия. В заключении выводится гипотеза-следствие о том, что транслокальные сети сельских мигрантов способствуют снижению негативных последствий миграционного оттока для сибирских деревень, приводя к частичному выравниванию инфраструктурного и экономического разрыва между региональными центрами и периферией.

Ключевые слова: транслокальность; сети; экономическая и социальная устойчивость; сельские мигранты; Сибирь; реципрокность.

¹ Работа выполнена в рамках темы государственного задания № 121021800157-8.



ТИМОШКИН Дмитрий Олегович — доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории устойчивого развития Байкальского региона, Иркутский институт химии им. А. Е. Фаворского Сибирского отделения Российской академии наук (ИрИХ СО РАН). Адрес: 664033, Россия, г. Иркутск, ул. Фаворского, д. 1. Профессор кафедры информационных технологий в креативных и культурных индустриях Гуманитарного института Сибирского федерального университета. Адрес: 660049, Россия, г. Красноярск, проспект Свободный, д. 81.

Email: dotimoshkin@sfu-kras.ru

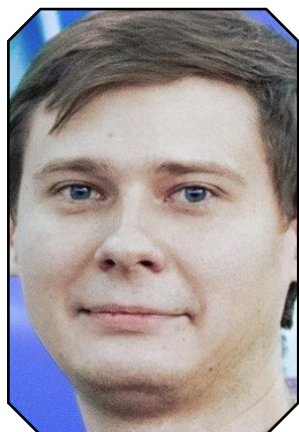
Введение

Внутрирегиональная миграция составляет значительную долю от общего потока перемещений населения в России. В каждом регионе есть свои «Москва» и «Питер», куда съезжаются жители местной «глубинки» [Мкртчян, Карачурина 2013]. Не является исключением и Сибирь: здесь на движение от центра к периферии [Мкртчян 2011] приходится больше половины всего объёма миграционных потоков [Григоричев et al. 2015].

Эти процессы имеют давнюю историю. Сокращение населения деревень стало довольно устойчивым трендом в СССР, поддерживаемым агрессивной политикой советской власти в отношении крестьянства, форсированной индустриализацией, голодом, войной. В послевоенные годы и позже, в 1959–1989 гг., отток населения из деревень питал процессы урбанизации, в результате чего сельское население сократилось на 22,9%. Молодёжь массово покидала деревни в поисках лучшей жизни, стремясь завести семью и получить жильё в городе [Цыкунов 2019]. Отток населения усугублялся и недостаточной инфраструктурной поддержкой сельских территорий.

С распадом СССР эти процессы лишь усилились. Ликвидация совхозов и колхозов лишила жителей сёл рабочих мест, доступа к жизненно важным объектам инфраструктуры, что спровоцировало новую волну массовой миграции в города, ускорив обезлюдение, в том числе, и сибирских деревень [Вербицкая 2009]. Увеличивался разрыв между уровнем качества жизни в городе и селе. Сокращение населения использовалось властями как обоснование для «оптимизации» социальной инфраструктуры, когда закрывались фельдшерские пункты [Чернышев et al. 2022], школы [Воробьёв, Алексеев 2023], детские сады [Леонидова 2015] в местах с малочисленным населением, что усилило социально-экономическую асимметрию [Зеленюк, Салатин 2023: 38] и ускорило депопуляцию. В результате сегодня население российских регионов постоянно перемещается с периферии в центры, с востока на запад в поисках лучшей жизни, образования и работы. В статье мы описываем, как создаются и поддерживаются горизонтальные сети, связывающие внутренних мигрантов в Красноярске и Иркутске с их родными поселениями, функции этих сетей и то, как они влияют на экономическую и социальную устойчивость приезжих.

Оба выбранных города вносят существенный вклад в «западный дрейф»: ежегодно эти города покидают тысячи жителей, многие из которых переезжают в западные регионы страны. Потери частично компенсируются за счёт миграции из прилегающих сельских территорий и из поселений, расположенных восточнее. В Иркутской области, одном из лидеров по убыли населения в округе, основной миграционный отток приходится именно на сельскую местность. Жители малых городов и посёлков переезжают в Иркутск, отчасти восполняя потери регионального центра, возникающие вследствие «западного дрейфа» [Мкртчян 2004]. Аналогичные потери периферийных поселений компенсировать некому. Наряду с Читой и Улан-Удэ, Иркутск также теряет часть населения в пользу Красноярска, который, в свою очередь, подпитывает крупнейшие города Европейской части России.



ВОЛОШИН Андрей Александрович — младший научный сотрудник Иркутского государственного университета. Адрес: 664003, Россия, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, д. 1.

Email: voloha94@yandex.ru



ЗБОРОВИЦКАЯ Насья Николаевна — младший научный сотрудник Иркутского государственного университета. Адрес: 664003, Россия, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, д. 1.

Email: zborovickaya@mail.ru

В качестве теоретического инструмента мы использовали концепт транслокальности [Boccanhi 2012], часто применяющийся для описания взаимодействия мигрантов с местом исхода [Glick Schiller, Bash, Szanton-Blanc 1992; Zontini 2010; Шахназарян 2020]. Исследования демонстрируют, как транслокальные сети обеспечивают ресурсный обмен и динамику власти, связывая разные локальности [Oakes, Schein 2006; Brickell, Datta 2011]. Пространственными репрезентациями таких сетей могут быть возникающие как в городе, так и в деревне «сетевые узлы» [Кастельс 1999], где благодаря постоянному взаимодействию групп складываются уникальные конфигурации экономических и культурных практик [Pries 1999; Капустина 2017].

На примере исследований сельской миграции в Китае, Намибии [Greiner 2010], Южной Индии [Velayutham, Wise 2005] и других странах [Freitag, Oppen 2010; Tenhunen 2011] мы видим, что горизонтальные сети, связывающие регион-донор и регион-реципиент, критически важны для сельских мигрантов, которые нередко сталкиваются с теми же проблемами, что и трансграничные мигранты [Greiner, Sakdapolrak 2013; Варшавер et al. 2021; Тимошкин et al. 2023]. Сети позволяют выжить, получая помощь из дома, в ситуации крайнего дефицита на первых этапах интеграционного процесса. Возможность такой поддержки сама по себе влияет как на вероятность решения переехать в город, так и на решение о возвращении [Ermisch, Mulder 2019]. Этот фактор сохраняет значимость и на более поздних этапах, влияя как на мигрантов, так и на тех, кто остался в деревне: родители приезжают в города, чтобы навестить детей; дети возвращаются в деревни, чтобы ухаживать за престарелыми родственниками или поддерживать семейное хозяйство.

Мы полагали, что применение концепта в отношении внутрироссийских миграционных процессов позволяет добавить деталей к существующим в академическом нарративе большим объяснительным моделям. Перемещения и сети в рассказах респондентов укладывались в рамки двух концептов, описывающих внутреннюю миграцию в России, — «западного дрейфа» и миграции снизу вверх по уровням поселенческой иерархии [Мкртчян, Гильманов 2023].

Данные о транслокальных сетях внутренних мигрантов позволяют дополнить эти модели сведениями о том, как параллельно людям двигаются ресурсы и образы, как одно может быть связано с другим. Например, мы увидим, что образы городской жизни, перемещающиеся из города в деревню, могут предшествовать «физической» миграции, формируя ожидания и мотивации. Несмотря на это, маршруты движения не всегда ориентированы с востока на запад, от малых поселений к большим. Порой респондентам просто не понравилось жить в столицах, и они вернулись на восток страны, выбрав город поменьше и поближе к месту исхода. Иные и вовсе возвращались в село. Такие маршруты способствовали перемещению социального, символического и даже финансового капитала в обратном направлении. Маршруты оказывались довольно сложными, на них, помимо экономических мотивов, влияли эмоции, привязанности, эстетика и другие факторы. Так или иначе, сети отношений, о которых говорили наши респонденты, по-

могают, в определённой степени, конвергенции города и деревни за счёт людей, предметов и практик, постоянно перемещающихся в обоих направлениях.

В России исследования транслокальных сетей сельских мигрантов и выстроенных на их основе сообществ довольно редки. Мы попытались отчасти восполнить этот пробел и, опираясь на полужформализованные интервью, выделяли из рассказов респондентов причины и результаты выстраивания и поддержания внутренними мигрантами транслокальных сетей. Наша гипотеза состояла в том, что сети, связывающие город и деревню в Сибири, помогают мигрантам справиться с негативными эффектами от переезда, упрощая процесс их интеграции и способствуя формированию уникальных конфигураций сельских и городских культурных и экономических практик, трансформирующих как село, так и город.

В статье четыре раздела. В первом мы описываем выборку, даём характеристики респондентов (см. также приложение: таблица П.1 содержит сведения об индивидуальных интервью; таблице П.2 — о групповых интервью), обсуждаем ограничения. Во втором анализируются мотивы и ожидания сельских мигрантов. В третьем разделе показано, как транслокальные сети, связывающие город с деревней, способствуют реализации этих ожиданий. В четвёртом анализируются «сетевые узлы», места, в которых происходит контакт сельских и городских сообществ.

Описание выборки и ограничения исследования

В исследовании мы опирались на пять групповых и 22 индивидуальных интервью с внутренними мигрантами. Некоторые из наших респондентов двигались из деревень Иркутской области, Красноярского края, Республики Бурятия и других областей в региональные центры, другие уезжали из небольших периферийных городов (см. приложение, табл. П.1). Респондентами были мужчины и женщины в возрасте 19–52 лет. Мы нашли их методом «снежного кома». Длительность интервью составляла 30–60 минут; гайды включали вопросы о том, поддерживают ли собеседники связи с регионом исхода, почему они это делают, что получают и что отдают взамен. Расшифровки анализировались методом качественного контент-анализа.

Большинство участников исследования — выпускники сельских школ, решившие связать свою дальнейшую жизнь с городом, в возрасте 25–40 лет. В нашу выборку попали по большей части люди, имевшие достаточно средств для переезда и определённые контакты в городах, что увеличивало их устойчивость. Можно предположить, что в иных случаях сельские мигранты таких преимуществ не имеют, что сказывается на их маршрутах, однако они нашей выборкой затронуты не были. Среди наших собеседников не было ни одного человека, который бы не справился с интеграцией в город. Все респонденты получили образование, трудоустроились, имеют жильё, а в некоторых случаях — собственное. Большинство респондентов работают в сферах образования, медицины, торговли, услуг и транспорта. Безработные и занятые в теневых сегментах экономики отсутствовали. Не было в выборке и людей, переехавших совсем недавно. Практически все участники поддерживают устойчивые связи с родными и близкими как в регионе исхода, так и в городах, где они проживают или проживали прежде.

Специфика выборки ведёт к следующим ограничениям: во-первых, она не позволяет делать обобщений о масштабах явлений, о которых пишем; во-вторых, ограничивает выводы лишь теми выходцами с региональной периферии, кто успешно адаптировался в городе, обладал определённым социальным и финансовым капиталом, поскольку большинство наших собеседников были выходцами не из самых бедных семей в тех районах, которые они покинули. Ещё одно ограничение — географическое, отмеченное в подзаголовке статьи.

Расширить границы, но сохранить связи: миграционные мотивации и ожидания

Описывая, как принималось решение об отъезде, респонденты связывали его с рядом эмоциональных и социально-экономических аргументов. Порой отделить одно от другого было довольно сложно. К социально-экономическим аргументам можно отнести, например, желание повысить свой статус, получить доступ к более качественной инфраструктуре — медицине, сфере услуг, образованию:

Мы вот решили, что для ребёнка <...> будет лучше, больше перспектив будет в городе у него, чем в деревне <...> Надо было уезжать, в посёлке нет высших учебных заведений (респондент 1).

Доступ к инфраструктуре, желание расширить круг социальных контактов или улучшить карьерные перспективы часто фигурировали в рассказах. Эмоциональные составляющие также оказались не менее важным стимулом к решению о переезде. Например, респонденты придавали большое значение возможности попасть в «более культурную среду», внутреннему желанию «изменить жизнь», получить «большую свободу», «вырваться из деревни».

Упоминалось и об ощущении невозможности найти в селе «смысл жизни», реализовать свои амбиции; об общем «желании перемен»; о «тесноте» и «ограниченности». Под этими субъективными переживаниями могли подразумеваться дефицит форм досуга и отсутствие возможностей удовлетворить культурные потребности, живя в селе. Так, например, одна из респонденток (№ 16) упоминала, что её решению о переезде способствовало желание заниматься танцами и вокальным искусством, что в деревне было невыполнимо.

Говоря о преодолении «ограниченности» деревни, респонденты могли подразумевать под этим необходимость выйти из-под родительского контроля, что было невозможно сделать, оставаясь в селе. Ещё одним важным мотивом, дополняющим предыдущие, являлся образ городской жизни и соответствующих альтернатив сельской жизни, влиявших на принятие решения:

Мне не нравилась такая деревенская жизнь. Ну, то есть родители держали хозяйство, там корова, поросёнок, курица... И я для себя как-то решила, что, наверное, нет. Я хочу другого <...> Я всегда хотела уехать в большой город... И все! Родители приняли уже очень спустя много лет, что я уехала <...> Хотелось от родителей оторваться, самостоятельности какой-то... (респондент 7).

У многих задолго до переезда было довольно чёткое представление о городской жизни, заимствованное в том числе от живущих там знакомых. Сохранив связи с друзьями и родственниками, покинувшими село, люди получали постоянный источник сведений о эстетике города и связанных с ним возможностях. Города виделись респондентам красивыми, динамичными, культурными и, что не менее важно, богатыми.

Из интервью понятно, что многие наши собеседники не являлись первопроходцами: их сообщества уже были связаны с региональным центром горизонтальными сетями, по которым циркулировали информация и ресурсы. Перебираясь в город, люди заранее рассчитывали на поддержку таких сетей. В первую очередь, они ожидали, что с ними поделятся рецептами наиболее эффективного и экономичного включения в городские социальные и экономические сети. Зачастую именно соседний региональный центр оказывается узлом социальных сетей, на которые может опереться респондент, что решает вопрос с выбором направления:

У меня здесь жили подружки, с которыми я училась. И в 2006 году я уехала [К ним. — Авторы статьи.] с одной сумкой (респондент 1);

Родители, конечно, были против, чтобы я уезжала, но у меня была возможность уехать. У меня здесь жили подружки, с которыми я училась (респондент 17);

Потому что здесь были родственники бывшего мужа (респондент 1);

Иркутск был всё равно близким. Молоденькая, после школы, куда-то далеко уехать было <...> страшно, может быть. А Иркутск рядом, только сюда и рассматривала (респондент 11).

В некоторых случаях мотивом становилась исключённость из социальных сетей в домашнем поселении. По ощущениям респондентов, это блокировало им возможность развития. Включённость же в горизонтальные сети региональной периферии, напротив, задерживала человека в родном поселении. В крупном городе, по представлениям респондентов, структура социальных отношений иная, что позволит повысить доходы и статус даже без опоры на личные контакты.

В Саянске [где я училась] было на тот момент очень тяжело устроиться на работу, там было очень всё занято, то есть там надо было через каких-то знакомых, вот. Ну, и я не рассматривала этот город для своей дальнейшей жизни, поэтому я уехала (респондент 6).

В целом эмоциональные аргументы в нарративах респондентов преобладали над экономическими, которые часто рассматриваются как основные стимулы к переезду [Мукомель 2011; Калачикова, Будиллов 2018]. К эмоциональным аргументам можно отнести, например, субъективное ощущение чуждости, с которым респонденты сталкивались в деревне. Оно-то и «выдавливало» их в город:

Даже маленькой, [там] где родилась, всегда чувствовала себя каким-то иностранцем. Потому что мне всегда была интересна иностранная тема, иностранные языки. И я всегда хотела переехать <...> Много каких-то таких местечковых деталей уже узнала, потому что наши приезжие, они тоже меня в важные места водили, например, на рынок, к кому-нибудь в гости в общежитии <...> Иммиграционные делишки. А ребята из Иркутска — в театры, например, в кинотеатры. Такие, более культурные обстоятельства... И это то, к чему я стремилась (респондент 9).

Эмоциональные аргументы влияли на решение не только уехать, но и вернуться. Привязанность к месту и сообществу исхода ограничивала возможности проживания на большом расстоянии от дома. Чем больше расстояние, тем выше была вероятность разрыва связей, которыми респонденты дорожили. Разрыв воспринимался некоторыми как угроза потери эмоционального комфорта, способствовал росту ощущения изолированности и одиночества. Именно по этой причине для многих респондентов оптимальным вариантом становился переезд в ближайший региональный центр:

Мне всё же Иркутск более привычен, более знаком. И как-то хотелось быть поближе к родному краю, при возможности туда приезжать, возвращаться и быть поближе к друзьям (респондент 2).

Люди, для которых этот аргумент важен, нередко рассматривают переезд как способ не разорвать связи с селом, а расширить их, использовать элементы городских сетей и практик. Некоторые изначально ориентированы на создание или расширение существующих транслокальных сетевых структур, связывающих город и деревню. Иногда соответствующие соображения приводили к тому, что человек

возвращался в региональный центр, прожив несколько лет в ключевых точках притяжения «западного дрейфа», чтобы лучше балансировать на границе сельских и городских сетевых структур:

Поступила, поехала жить в Москву, прожила там шесть лет, потом пожила в Питере, потом <...> вернулась снова к родителям в посёлок <...> Выбрала для себя промежуточный вариант, потому что Питер и Москва великоваты, а посёлок уже маловат. Иркутск к этому времени стал более привлекательным в плане архитектуры, инфраструктуры, близости к Байкалу и, конечно, семье. (респондент 10).

Разъехавшись по разным городам, люди продолжают регулярно возвращаться в село. Живя в городе, они по-прежнему считают именно село своим домом и одновременно узлом, связывающим их с друзьями и родными. Город в этом контексте выглядит как несколько вынужденная и, возможно, даже временная мера. Родительские дома в деревнях становятся местом встречи, местом, где отмечают все важные события:

Наш родовой дом, он до сих пор существует <...> И мы всегда все туда с удовольствием приезжаем. Приезжаем часто. И зимой приезжаем на зимние каникулы. И весной приезжаем, когда какие-то такие церковные праздники. Пасха или родительский день. Приезжаем на 9 Мая. Но летом уже само собой, там уже не только мы, там прямо вот сестры, братья, там все наши гости, всякие разные. Вообще все... (респондент 11).

Мотивации и ожидания людей, с которыми мы говорили, не сильно отличаются от мотивации других групп мигрантов. Переезжая в город, они рассчитывают расширить горизонт возможностей, найти место, лучше соответствующее их субъективным представлениям о счастье, упрочить своё экономическое положение. Многие связаны деловыми, дружескими или семейными связями с земляками, проживающими в принимающем городе, что влияет на формирование миграционных мотиваций, выбор направления и тактик интеграции.

Можно заключить, что переезд в более крупный город (неважно, ближайший региональный центр или далёкий город в западной части России) необязательно означает разрыв с поселением исхода. Напротив, отъезд друга или родственника в большой город порой может означать расширение возможностей и для тех, кто остался. Благодаря транслокальным сетям, построенным на реципрокности, земляческой или родственной солидарности, город и деревня постепенно сближаются.

Реципрокный обмен между городом и деревней как инструмент увеличения устойчивости сельских и городских сообществ

Несмотря на декларируемое желание порвать с сельской жизнью, для многих респондентов переезд начинается с опоры на сети, созданные в городе их бывшими земляками. Многими нашими респондентами таковые обнаруживались без труда, что может свидетельствовать об плотности таких сетей. Принцип реципрокности увеличивал шансы на то, что сети будут функциональными. Реципрокный обмен, предметом которого становились как материальные, так и нематериальные блага (мешки с картошкой, социальный капитал, эмоциональная поддержка), увеличивал вероятность закрепиться в новой среде с наименьшими издержками. Переоценить значимость ресурсов, курсирующих по этим сетям, довольно сложно. Благодаря им город и деревня в Сибири оказываются тесно связанными, граница между ними все больше размывается [Григоричев 2016; 2017].

Частью процесса обмена становится и помощь в снижении издержек интеграции. «Деревенские» владеют в городе недвижимостью, которая сдаётся их землякам, перебирающимся в региональный центр.

Прожившие много лет в городе возвращаются в село на постоянное место жительства, принося с собой накопленный за время работы там социальный и финансовый капитал, который теперь может тратиться на инвестиции в той или иной форме в родное поселение. Например, люди могут вкладываться в ремонт родительского дома, в поддержку пожилых родственников, помощь молодым поколениям в переезде:

Респондент. *Единственная возможность, за которую можно было как-то зацепиться и получить направление, потому что мама тогда работала на железных дорогах, и она смогла организовать мне встречу с каким-то начальником в РЦСе². И он провёл мне собеседование <...> и мне дали направление...*

Интервьюер. *А этот начальник — это был начальник вашей мамы? В Северобайкальске, да?*

Респондент. *Нет, нет <...> У мамы моей просто был знакомый, который знал этого начальника <...> Ну так по-свойски как-то устроили мне встречу.*

(Респондент 9.)

Первое найденное в городе рабочее место может определить карьерную траекторию приезжего на долгие годы вперёд. Полученная по знакомству работа становится точкой входа в местную экономику не только для самого мигранта. Заработав хорошую репутацию, он затем может её использовать, чтобы пристраивать земляков:

Интервьюер. *Касается занятости, как искали работу?*

Респондент. *Работу? По знакомым.*

Интервьюер. *И какая была первая работа?*

Респондент. *Продавец.*

Интервьюер. *Официально?*

Респондент. *Да. Мы работали в Белореченском, это же большая сеть по-иркутскому [То есть по меркам Иркутска. — Авторы.]<. И вот мы — ну, через друзей, через знакомых — мы нашли эту работу, и много лет работали.*

(Респондент 1.)

Многие респонденты вполне успешно находили работу без опоры на горизонтальные сети. Некоторые использовали формализованные алгоритмы вроде биржи труда или открытые конкурсы на вакансии в государственных или муниципальных учреждениях. Нужно заметить, что люди, упоминавшие об использовании горизонтальных связей, чаще называли в качестве первого места работы более привлекательные и перспективные должности, чем те, кто искал работу сам.

Если сразу после приезда встретить человека, который поможет найти жильё и работу, это избавит от большого стресса и одновременно позволит сэкономить деньги. Для многих наличие такой возможно-

² Региональный центр связи — структурное подразделение РЖД.

сти становится решающим аргументом, чтобы отправиться в путь, потому что без подобной поддержки многие просто не могут позволить себе эмиграцию. Получая поддержку, респонденты старались дать что-то взамен:

По приезде в Красноярск меня встретили мои девочки, с которыми я училась в лицее, на парикмахера. Они уже снимали здесь жильё. И мы потом начали снимать жильё втроём. Работу <...> вторую работу мою, очень длительную, помогла мне найти подруга, с которой мы проживали. Они меня встречали на автовокзале <...> Конечно, да, у нас были взаимозачёты. Кто-то — продукты, кто-то... Я ездила в деревню, к родителям привозила овощи <...>. На это я ничего не тратила, потому что я привозила продукты уже с деревни. Девчонки покупали здесь что-то определённое. Конечно, да, мы жили втроём и друг другу помогали (респондент 17).

Сети используются и для преодоления административных барьеров, один из которых — институт регистрации. Имея родственников в городе, прописаться гораздо проще: редкий хозяин квартиры просто так пропишет у себя первого встречного. В то же время прописку требуют некоторые крупные работодатели, предлагающие более выгодные условия труда:

Мне N. помог устроиться на завод, когда он туда ушёл. Даже нужна была прописка. И чтобы встать на воинский учёт. Это мне помогла сделать тётя из Иркутска. То есть она меня прописала. Она мне помогла всё сделать без проблем <...> Она тоже корнями из Качугского района (респондент 8);

Мы из Бодайбо выписались и сюда, когда приехали, ну, то есть встал же вопрос поиска работы, и, собственно, на работу-то нас нигде не брали, потому что у вас нет прописки, то есть вот с таким мы столкнулись <...> Прописывались мы в Иркутске, у моей родной тётки (респондент 1).

Некоторые, напротив, предпочитают сохранять сельскую прописку. Это выгодно, если город находится недалеко от деревни. В селе можно проще и быстрее получить справки и иные государственные услуги. Сельским жителям также полагаются льготы (скидки на ОСАГО, например). В таких случаях можно говорить о размывании именно формализованных, административных границ, отделяющих город от села.

Ресурсы, перемещающиеся по горизонтальным сетям, со временем могут менять свою функцию. Например, продукты, присылаемые родителями из дома, поначалу имеют очевидное и чисто экономическое значение, позволяя справиться с более высокой стоимостью жизни в городе. Однако некоторые наши собеседники, давно живущие в городе и уже вставшие на ноги, продолжают получать от родителей из деревни еду и воспринимают это как символический акт, считая важным способом сохранить связь со всеми, кто остался в селе.

Ресурс трансформируется в символ общности мигранта с местом исхода, без чего существование транслокальных сетей сложно представить. В центрах притяжения внутренней миграции такой символический обмен продуктами, ассоциированными с малой родиной, может быть положен в основу небольших предприятий, преимущественно связанных с онлайн- или офлайн-торговлей. В «земляческих» социальных медиа есть множество рекламных объявлений, предлагающих фермерские продукты, мясо, овощи, готовые блюда, ассоциированные с регионом исхода.

Выстроенные на принципе реципрокности связи сохраняются годами и становятся основой экономической и эмоциональной устойчивости как мигранта, так и села. Довольно распространённой практикой является налаживание возвратного потока ресурсов, когда мигрант интегрируется в городскую

экономическую структуру. Примером может считаться организация бизнеса в деревне, который полностью строится на возможности закупать и перевозить товары из города.

Отец респондентки 7 открыл в деревне магазин, переоборудовав под него старую баню; сама она с помощью родственников стала привозить туда товары из города. Затем, опираясь на опыт, приобретённый при ведении бизнеса в селе и используя полученную от него прибыль, наша собеседница открыла магазин уже в городе. Сформировавшееся в итоге транслокальное сообщество функционировало как инструмент перемещения ресурсов из города в деревню и обратно, способствуя устойчивости как сельского, так и городского микросообществ.

Респондент 21 получил у родителей деньги на покупку грузового автомобиля для работы в городе при условии, что в определённые дни он будет возить на нём вещи в принадлежащий родителям сельский магазин. Обе эти истории показывают, что благосостояние и сельских, и городских групп может базироваться в ряде случаев на постоянно функционирующих транслокальных сетях. Особенно это актуально для отдалённых и небольших поселений, где невыгодно открывать пункты выдачи заказов. В более крупных и близко расположенных к городу деревнях пункты выдачи заказов онлайн-магазинов всё более успешно конкурируют с местными предпринимателями.

Бывает, что «сельское» происхождение ресурса само по себе формирует символический капитал, который повышает шансы на успех продукта у «городской» аудитории. Так, респондент 22 начал фермерский бизнес, переехав из города в деревню. Он обеспечивал себе доход за счёт поддержания связей с горожанами, продавая мясо, молоко и овощи исключительно среди знакомых, которые, проживая в городе, с одной стороны, испытывали потребность в «экологичном» товаре, а с другой — были более склонны доверять многолетнему знакомству, нежели государственным сертификатам. Выручки вполне хватало не только на относительно безбедную жизнь, но и на расширение производства. По словам респондента, без горизонтальных сетей, связывающих его с городом, он никогда не смог бы начать бизнес. Пойти официальным путём он не мог, так как стоимость преодоления административных барьеров для него была слишком высока.

Важным ресурсом, который деревня приобретает благодаря поддерживаемым обменом сетям, становится возможность опереться на чужой опыт проживания в городе и использования его инфраструктуры. Живущие в городе водят земляков в спа-салоны, в медицинские и государственные учреждения, упрощая им логику. Благодаря транслокальным сетям сельские сообщества получают возможность лечиться, развлекаться и учиться:

Сейчас вот проходят дни открытых дверей <...> Наша классная руководитель, она у нас очень была продвинутая. Она сама заканчивала Питерский университет <>. И поэтому она нас всегда во всё посвящала, она нам советовала, где лучше. Ну вот, по её советам... (респондент 13);

Респондент. За месяц до окончания школы была экскурсия по самому политеху. И там была специальность показана, автоматизация технологических процессов производства. И всё. Я решил: пойду туда. Чем-то они меня впечатлили.

Интервьюер. Вы узнали вот об этой выставке профессий? Кто-то подсказал вам или вы сами просто узнавали информацию?

Респондент. Подсказали. У нас в школе, кажется. То есть целенаправленно нас повезли туда.

(Респондент 8.)

Таким образом, горизонтальные сети способствуют не только увеличению устойчивости деревни, но и воспроизводству исходящей миграции. Поколения будущих мигрантов ориентируются на образы, формируемые вернувшимися земляками, и опираются на возможности и ресурсы, приобретённые теми за годы проживания в крупных городах. Часть новых мигрантов также возвращается в село или сохраняет с ним контакт, повышая устойчивость тех, кто остался.

«Точки входа»: пространства взаимодействия города и деревни

В рассказах наших респондентов отмечены пространства, которые становятся своеобразными «точками входа» в город и сцепления сельских и городских сетей. В таких локусах возникали новые формы взаимодействия на основе комбинаций «сельских» и «городских» практик. Прежде всего, это автовокзалы, рынки, университеты.

Благодаря рынку местные сообщества получают то, чего им может не хватать в городе: «натуральные», «экологически чистые», «фермерские» продукты. Сельское происхождение как бы накладывает на такие продукты определённый знак качества. Их ценность повышается за счёт ассоциаций с «деревенской чистотой» [Grigorichev, Koreshkova 2022]. Возможно, причина в том, что сельские товары воспринимаются как носящие отпечаток труда, внимания и заботы конкретного продавца, с которыми ты взаимодействуешь. И сама сделка, и сам товар куда менее обезличены — именно это может подразумеваться под «чистотой» и «экологичностью».

Придя на рынок, горожанин получает не только уникальный продукт, но и менее формализованное, «живое» взаимодействие с продавцом. Некоторые этим пользуются, закупаая помидоры на тех же овощебазах, что и ритейлинговые сети, или напрямую у оптовых производителей, а затем продают с большой наценкой как «фермерские», выращенные своими руками. Жители региональной периферии могут приходить на рынки и в роли покупателей — за одеждой. На вещевые рынки, нередко соседствующие с «фермерскими», люди едут по привычке, из-за давно сложившихся приятельских отношений с торговцами, всегда готовыми сделать скидку постоянному клиенту. Мигранты могут приходить на такие рынки, чтобы повидаться с земляками, обменяться новостями и получить скидку.

Помимо больших стационарных рынков под открытым небом в центре города, появляются и сезонные, летние и осенние торговые пространства, куда также привозят свежие овощи, молоко, мясо, консервы. «Городские» — как мигранты, так и аборигены — приходят сюда пообщаться, купить «фермерскую» еду. «Сельские» приезжают сюда продать товар или, может быть, найти работу, узнать, где снять жильё подешевле.

Ещё одним важным узлом становятся автовокзалы. Для приезжих с региональной периферии автовокзал становится местом, с которого начнётся их знакомство с принимающим городом, именно он формирует их первые впечатления. Как и многие другие «пограничные» пространства, автовокзал может восприниматься как пространство «грязное», странное. Это отношение проскальзывает в полупрезрительных предупреждениях горожанам, собирающимся на автовокзал или рынок, остерегаться «воров», «мигрантов», «наркоманов» и прочих подозрительных чужаков. Аналогичными впечатлениями от автовокзалов делятся и приезжие из села, для которых эти пограничные пространства кажутся порой не менее странными и опасными.

Автовокзал становится местом встречи сельских и городских, отсюда забирают приехавших погостить родителей, встречают детей, ездивших на выходные в гости в село. С водителями пригородных автобусов отправляют и получают посылки. Все строится на доверии. Водителя, готового за скромную плату принять посылку, в нужный момент позвонить адресату, чтобы встретил, давно знают в поселениях по

всему его маршруту. Из города в деревню с автобусами и маршрутками отправляются одежда, автозапчасти, медикаменты, документы, техника. Горожанам из села на автовокзал привозят продукты — знаки внимания, заботы от тех, кто остался дома. Сюда приезжают таксисты из окрестных деревень, рассчитывая заработать на земляках, уставших ждать общественный транспорт.

Помимо сельского рынка и автовокзала, точкой пересечения сельских и городских сетей становится университет. Он помогает в поисках жилья в городе и полезных контактов. Некоторыми мигрантами, как трансграничными, так и внутренними, университет рассматривается в первую очередь как один из немногих доступных способов переехать в город, то есть становится не собственно предметом ожиданий, но инструментом их реализации. В целом образовательная среда делается более доступной для сельских мигрантов благодаря приобретённым контактам с земляками в университетах. Полученный в университете опыт видится респондентам как очень ценное приобретение, и они охотно готовы им делиться:

Моя сестра двоюродная уже училась на 5-м курсе <...> Она мне рассказывала про общежитие, про университет, про преподавателей. Она же со мной переехала <...> помогла мне заселиться в общежитие, и сама заселилась (респондент 9).

Помогают и преподаватели, которые приглядывают за земляками, при необходимости поддерживают их в учёбе. Преподаватель, благодарный студенту-земляку за помощь в доставке символического подарка из деревни, может впоследствии помочь его родственнику освоиться в университетской среде. И студенты, и преподаватели включаются в круг реципрокного обмена, помогая в транспортировке символических и материальных ценностей из деревни в город и обратно:

У меня в посёлке осталась подруга. Рассказывает, что белых грибов в этом году море уродилось. Насушила мне. Вот теперь думаю попросить N., которая тоже оттуда, чтобы она привезла мне их после каникул (респондент 13).

Так, поддерживаемая реципрокным обменом транслокальность помогает снижать барьеры между городом и селом. Для сельских мигрантов она открывает доступ к образованию, инфраструктуре, самореализации. Для горожан создаёт ощущение защищённости и эмоциональной поддержки, связи с деревенской «чистотой» и уникальностью.

Заключение

Люди, с которыми мы беседовали, описывали довольно сложные миграционные маршруты. Уехав из села в региональный центр, некоторые отправлялись дальше на запад, затем возвращались в регион исхода, выстраивая многоуровневые, разветвлённые горизонтальные сети. Многие, заводя новые связи в городе, не разрывали прежние контакты в селе. На начальном этапе это помогало им адаптироваться к городу, справиться с высокой стоимостью жизни, стрессом, связанным с непривычной, более активной и насыщенной социальной средой.

Сперва транслокальные сети способствуют в большей степени перекачке ресурсов из деревни в город, повышая уровень экономической и социальной устойчивости приезжих [Hallegatte 2014]. Еда распределяется между соседями по общежитию, деньги, присланные из дома, поступают в городскую экономику. Впоследствии, по мере включения приезжих в городские инфраструктурные и экономические сети, ситуация меняется, формируется обратный поток.

Люди охотно делятся инструкциями доступа к городским ресурсным узлам с земляками. Возникает относительно устойчивая система взаимоотношений, несколько смягчающая культурный и экономи-

ческий разрыв между региональной периферией и центром за счёт перераспределения дефицитных товаров, услуг и информации.

Построенные на реципрокном обмене, транслокальные сети способствуют формированию и воплощению миграционных ожиданий следующих поколений мигрантов. По транслокальным сетям из города на периферию движутся не только ресурсы, но и образы городской жизни — экономики, инфраструктуры и культуры. Были в нарративах наших респондентов и конкретные рецепты, помогавшие им справиться с последствиями переезда. На эти образы и ориентируются новые поколения мигрантов. Контакты, наработанные теми, кто вернулся на периферию или поддерживал с ней связь, сильно упрощают вновь прибывшим адаптацию в городе.

Семья, которая отправила родственника в региональный центр и поддерживала его инвестициями, в будущем с высокой долей вероятности получит собственную точку доступа к городу. Взаимодействие привносит сельские практики и ресурсы в город и наоборот. Возникают конфигурации городских и сельских практик, которые на примерах иркутских пригородов описывал К. В. Григоричев (см.: [Григоричев 2017]). Оказывается, что оба сообщества на микроуровне заинтересованы друг в друге; им, как минимум, есть чем обмениваться. Город может быть заинтересован в сельской «чистоте», «экологичности» и уникальности, село — в доступе к городской инфраструктуре. Благодаря постоянному обмену не только город становится более доступен селу, но и село — городу.

Гипотетически транслокальные сети, создаваемые сельскими мигрантами, способствуют сокращению экономического и культурного разрыва между городом и небольшими поселениями в Сибири. Если это предположение верно, то «западный дрейф» можно рассматривать не только как фактор депопуляции региональной периферии, но и как механизм, помогающий периферии выживать. Окраинные города и посёлки в историях наших респондентов не теряют людей, перебравшихся в города (по крайней мере, теряют не всех). Иногда «западный дрейф» может приносить для тех, кто остался, новые возможности и перспективы.

В некоторых случаях движение людей в одну сторону означает начало не менее интенсивного движения в обратном направлении ресурсов и информации. Это и сведения о том, как жить в большом городе, и социальный капитал, и экономический. Собственно, «образ города» — одна из основных ценностей, перемещающихся по подобным горизонтальным сетям. Наконец, деньги и вещи, которые нельзя приобрести в сёлах, особенно актуальны для отдалённых территорий, где ещё не открылись крупные логистические компании.

Рассматривая истории, рассказанные респондентами, в контексте существующих моделей перемещения населения России между уровнями поселенческой иерархии, можно заметить, что некоторые из них не вписываются в картину «движения вверх». Мы видим, что на уровне персональных миграционных историй «западный дрейф» не является линейным движением снизу вверх, с чётко выраженным вектором.

При сравнении результатов нашего исследования с аналогичными работами, описывающими сельскую миграцию в Китае [Chow, Lou 2015], заметно, что в нашем случае «мигрантские» транслокальные сети не препятствуют интеграции, а способствуют ей. При этом наши данные несколько расходятся с исследованиями, выполненными в контексте теории экономической миграции (*the new economics of migration*) в том, что касается мотивации человека, перебирающегося из деревни в город, и показывают, что чувства могут играть не менее важную роль в формировании мотиваций, чем экономический расчёт.

Приложение

Таблица П.1

Индивидуальные интервью: деревня ↔ город

№	Респондент	Продолжительность интервью	Место исхода	Место прибытия	Ключевые характеристики	Даты проведения интервью
1	Александра, 46 лет, продавец в мебельном магазине	00:29:03	Бодайбо	Иркутск	Приехала в Иркутск 20 лет назад с семьей сестры, первое время работала продавцом в магазине по знакомству	12 сентября 2024 г.
2	Антон, 21 год, студент	00:34:45	Качуг	Иркутск	Приехал поступать в университет. Снимал квартиру у знакомых, которые живут в месте исхода	12 сентября 2024 г.
3	Иван, 25 лет, инженер-технолог	00:27:38	Козельск	Иркутск	Переехал в Иркутск к девушке, место работы получил заранее, по договоренности	11 августа 2024 г.
4	Василий, 29 лет, офисный работник	00:40:58	Разгон	Иркутск	Приехал в Иркутск поступать в университет	12 сентября 2024 г.
5	Дарья, 26 лет, врач	00:28:50	Баргузин	Иркутск	Приехала в Иркутск поступать в университет и работать	26 августа 2024 г.
6	Евгения, 40 лет, медсестра	00:45:47	Уховский	Иркутск	Приехала изначально в Шелехов работать	25 августа 2024 г.
7	Елена, 52 года, врач, предприниматель	00:49:41	Оса	Иркутск	Приехала поступать в университет и работать. После окончания университета открыли частный магазин в месте исхода. Занимались бизнесом совместно с семьей, которая осталась проживать в месте исхода	2 сентября 2024 г.
8	Константин, 26 лет, инженер	00:25:07	Качуг	Иркутск	Приехал поступать в университет и работать. Продолжает опираться на поддержку родителей и родственников в месте исхода	6 сентября 2024 г.
9	Кристина, 33 года, сотрудник РЖД	00:50:48	Кумора	Иркутск	Приехала поступать в университет и работать по распределению в Иркутском отделении РЖД. Помогли связи сестры	21 июня 2024 г.
10	Кристина, 37 лет, инженер-эколог	00:47:48	Саянск	Иркутск	Приехала в Иркутск поступать в магистратуру и работать. Благодаря связям из Саянска получала предложения по работе	3 сентября 2024 г.
11	Светлана, 51 год, воспитатель в детском саду	00:56:14	Залог	Иркутск	Приехала поступать в педагогический университет, работать по приглашению в детском саду. Сохраняет тесную связь с местом исхода, думает о возвращении после выхода на пенсию	2 сентября 2024 г.
12	Олег, 49 лет, водитель	00:59:11	Качуг	Иркутск	Приехал для поступления в профессиональное училище. Остался жить и работать. Работу чаще всего находил по знакомству	3 августа 2024 г.
13	Дарья, 42 года, учитель	00:39:56	Вихоревка	Иркутск	Приехала поступать в университет, вышла замуж за своего земляка, остались жить и работать в Иркутске	11 августа 2024 г.
14	Валерий, 43 года, учитель	00:58:13	Посёлок в Забайкальском крае	Иркутск	Приехал после окончания вуза в Чите, так как многие знакомые его возраста перебирались в то время в Иркутск. Сохраняет тесную связь с местом исхода	27 июля 2024 г.

Таблица П.1. Окончание

№	Респондент	Продолжительность интервью	Место исхода	Место прибытия	Ключевые характеристики	Даты проведения интервью
15	Михаил, 34 года, работник банка	00:43:14	Посёлок в Забайкальском крае	Иркутск	Приехал для поступления в университет. При помощи знакомых родителей нашел работу в иркутском отделении банка	30 июля 2024 г.
16	Анна, 32 года, художник, библиотекарь	00:46:56	Мариинск	Красноярск	Приехала в Красноярск на учёбу в университете. На выбор города повлияло то, что там уже жила сестра, а также близкое расстояние до места исхода	20 августа 2024 г.
17	Валентина, 35 лет, парикмахер-универсал	00:47:37	Горный	Красноярск	Приехала в Красноярск в 2003 г., сначала — на учебу, затем осталась там жить	14 сентября 2024 г.
18	Евгения, 36 лет, инженер	00:51:31	Шушенское	Красноярск	Переехала школьницей вместе с мамой. Мама смогла найти более высокооплачиваемую работу. Сохраняют тесную связь с родственниками (в большей степени, с бабушкой), которые остались в месте исхода	3 сентября 2024 г.
19	Григорий, 29 лет, юрист	00:34:47	Синеборск	Красноярск	Приехал для поступления в университет, знакомые родителей помогли найти работу в Красноярске	7 июля 2024 г.
20	Андрей, 31 год, военный	00:47:38	Посёлок в Минусинском районе	Красноярск	Приехал в Красноярск для получения специального образования. По распределению несколько лет жил и работал в западной части России. Вернулся (специально оформил перевод) уже вместе с женой и ребёнком, чтобы жить ближе к месту исхода и родителям	1 августа 2024 г.
21	Николай, 40 лет, предприниматель	00:21:05	Посёлок в Красноярском Крае	Красноярск	Приехал в Красноярск, чтобы поступить в университет. Остался в городе, где основал небольшое предприятие, занимавшееся городским благоустройством. Регулярно ездит в деревню, где живут его родные.	Без даты
22	Илья, 37 лет, фермер	01:58:00	Хомутово, Иркутская область	Иркутск	Учился и работал в Иркутске, куда переехал из родительского села. Затем, заведя свою семью, вернулся в деревню, где начал выращивать на продажу кур, кроликов, овощи. Продавал все это знакомым в Иркутске	Без даты

Таблица П. 2

Фокус-группы: деревня ↔ город

№	Фокус-группа	Продолжительность	Места исхода	Место проведения фокус-группы	Ключевые характеристики	Даты проведения интервью
1	Ф-Г 1_кр, 20–30 лет	02:02:50	Информанты происходят из небольших посёлков, сёл и малых городов Восточной Сибири, в том числе из Красноярского края, Хакасии и соседних регионов	Красноярск	Большинство участников фокус-групп переезжали в молодом возрасте, как правило, сразу после окончания школы, с образовательной целью или для смены места работы. Основной мотив выбора города — региональный центр-миллионник, сравнимый по привлекательности с Екатеринбургом, Новосибирском, Казанью и Омском. В случае Красноярска часть респондентов изначально воспринимали город как загрязнённый промышленностью, с высокой загазованностью, что учитывалось при выборе места переезда	7 июля 2024 г.
2	Ф-Г 2_кр, 20–35 лет	02:39:00				10 июля 2024 г.
3	Ф-Г 1_ирк, 20–35 лет	01:38:00	Информанты происходят из небольших посёлков северной Иркутской области, пригородов городов региона и отдельных населённых пунктов Читинской области	Иркутск	Для переехавших в Иркутск ключевыми мотивами стали: возможность получить образование, находиться ближе к родственникам, получить лучшие возможности для заработка и карьерного роста, а также сохранить возможность материальной и эмоциональной поддержки со стороны семьи. Среди участников встречались и мигранты второго поколения, которые поддерживали связь с родственниками и сохраняли социальные сети родного региона	13 июля 2024 г.
4	Ф-Г 2_ирк, 20–40 лет	02:03:47				20 июля 2024 г.
5	Ф-Г 3_ирк, 20–35 лет	01:40:07				3 августа 2024 г.

Литература

- Варшавер Е. А. et al. 2021. *Мигранты в российских городах: расселение, концентрация, интеграция*. М.: Дело.
- Вербицкая О. М. 2009. Население российской деревни в демографическом кризисе 1990-х годов. *Российская история*. 4: 114–131.
- Воробьёв М. И., Алексеев А. И. 2023. «Оптимизация» сети сельских школ: плюсы и минусы (пример Уваровского района Тамбовской области). *Вестник Московского университета. Серия 5. География*. 4: 146–150
- Григоричев К. В. 2016. Многообразие пригорода: субурбанизация в сибирском регионе (случай Иркутска). *Городские исследования и практики*. 1 (2): 7–23. Электронный ресурс [код доступа]: https://www.academia.edu/30892083/Григоричев_К_Многообразие_пригорода_субурбанизация_в_сибирском_регионе_случай_Иркутска_Городские_исследования_и_практики_2016_Т_1_2_С_7_23 (дата обращения: 10 октября 2024 г.).
- Григоричев К. В. 2017. Субрегиональные миграции и формирование пригородов сибирского города. *Мир Большого Алтая*. 3 (1): 31–42.
- Григоричев К. В. et al. 2015. Региональный политический процесс в условиях переселенческого общества Сибири: материалы круглого стола. *Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение*. 12: 188–198.
- Зеленюк Ю. М., Салатин С. А. 2023. Трансформация сельских систем расселения Иркутской области в условиях депопуляции. *Известия Иркутского государственного университета. Серия: Науки о Земле*. 46: 65–78. Электронный ресурс [код доступа]: <https://doi.org/10.26516/2073-3402.2023.46.65> (дата обращения: 17 сентября 2025 г.).
- Калачикова О. Н., Будилов А. П. 2018. Отток молодёжи из сельской местности: мотивы и возможности регулирования. *Социальное пространство*. 3: 1–1.
- Капустина Е. Л. 2017. Между Севером и землёй: дорога из Западной Сибири в Дагестан как элемент социального пространства транслокального мигранта. *Социологические исследования*. 5: 26–34.
- Кастельс М. 1999. Становление общества сетевых структур. В кн.: Иноземцев В. Л. (отв. ред.) *Новая постиндустриальная волна на Западе: антология*. М: Academia; 492–505.
- Леонидова Г. В. 2015. Дошкольное образование в России: обеспеченность и доступность. *Проблемы развития территории*. 5 (79): 7–17.
- Мкртчян Н. В. 2004. «Западный дрейф» внутрироссийской миграции. *Отечественные записки*. 4 (19): 94–104.
- Мкртчян Н. В. 2011. Миграционный баланс российских городов: к вопросу о влиянии размера и положения в системе центр-периферийных отношений. *Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН*. 9: 416–430.

- Мкртчян Н. В. 2013. Города востока России «под натиском» демографического сжатия и западного дрейфа. В кн.: Дятлов В. И., Григоричев К. В. (научн. ред.) *Переселенческое общество Азиатской России: миграции, пространства, сообщества. Рубежи XIX–XX и XX–XXI вв.* Иркутск: «Оттиск»; 41–61.
- Мкртчян Н. В., Карачурина Л. Б. 2013. Миграция и естественное движение населения городов и административных районов России в 1990–2010 гг.: ключевые факторы различий. *Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН*. 11: 95–114.
- Мкртчян Н. В., Гильманов Р. И. 2023. Движение вверх: миграция между уровнями поселенческой иерархии в России в 2010-е годы. *Известия РАН. Серия географическая*. 87 (1): 29–41.
- Мукомель В. И. 2011. Российские дискурсы о миграции: «нулевые годы». В кн.: Горшков М. К. (отв. ред.) *Россия реформирующаяся*. Ежегодник. Вып. 10. СПб.: Институт социологии РАН, Нестор-История; 86–108. Электронный ресурс [код доступа]: <https://www.isras.ru/publ.html?id=2422> (дата обращения: 18 сентября 2025).
- Тимошкин Д. О. et al. 2023. Подготовка обучающего массива для выделения и категоризации практик интеграции мигрантов в социальной сети «ВКонтакте» с помощью нейросети BERT. В сб.: *VI Гомлибовские чтения: Востоковедение и регионоведение Азиатско-Тихоокеанского региона: материалы международной научной конференции*. Иркутск: Изд-во ИГУ; 227–235.
- Цыкунов Г. А. 2019. Миграционные процессы в Иркутской области: история и современность. *Проблемы социально-экономического развития Сибири*. 4: 181–185.
- Чернышев В. М. Et al. 2022. Сельское здравоохранение России. Состояние, проблемы, перспективы. *Сибирский научный медицинский журнал*. 42 (4): 4–14.
- Шахназарян Н. 2020. Рецензия на: Ольга Бредникова и Сергей Абашин, ред. «Жить в двух мирах»: переосмысляя транснационализм и транслокальность. Сборник статей. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 520 с. ISBN 9785444812822. *Laboratorium: журнал социальных исследований*. 14 (3): 168–173. doi: [10.25285/2078-1938-2022-14-3-168-173](https://doi.org/10.25285/2078-1938-2022-14-3-168-173)
- Boccanhi P. 2012. Revisiting the «Transnational» in Migration Studies: A Sociological Understanding. *Revue Européenne des Migrations Internationales*. 28 (1): 33–50. Available at: https://www.researchgate.net/publication/272435589_Revisiting_the_Transnational_in_Migration_Studies_A_Sociological_Understanding (accessed 13 November 2024).
- Brickell K., Datta A. (eds) 2011. *Translocal Geographies: Spaces, Places, Connections*. Burlington: ASHGATE.
- Chow J. C.-C., Lou C. W.-M. 2015. Community-Based Approaches to Social Exclusion among Rural-to-Urban Migrants in China. *China Journal of Social Work*. 8 (1): 33–46. Available at: <http://10.1080/17525098.2015.1009137> (accessed 17 September 2025).
- Ermisch J., Mulder C. H. 2019. Migration versus Immobility, and Ties to Parents. *European Journal of Population*. 35 (3): 587–608.

- Freitag U., Oppen A. von. 2010. "Translocality": An Approach to Connection and Transfer in Area Studies. In: Freitag U., Oppen A. von (eds) *Translocality: The Study of Globalising Processes from a Southern Perspective*. Series: Studies in Global Social History. Vol. 4. Leiden: Brill; 1–21.
- GlickSchiller N., Bash L., Szanton-Blanc C. 1992. Towards a Transnational Perspective on Migration: Race, Class, Ethnicity, and Nationalism Reconsidered. *Annals of the New York Academy of Sciences*. 645: 1–24. Available at: https://www.researchgate.net/publication/285339451_Towards_a_Transnational_Perspective_on_Migration_Race_Class_Ethnicity_and_Nationalism_Reconsidered (accessed 17 June 2024).
- Greiner C. 2010. Patterns of Translocality: Migration, Livelihoods and Identity in Northwest Namibia. *Sociologus*. 60 (2): 131–161. doi: [10.3790/soc.60.2.131](https://doi.org/10.3790/soc.60.2.131)
- Greiner C., Sakdapolrak P. 2013. Translocality: Concepts, Applications and Emerging Research Perspectives. *Geography Compass*. 7 (5): 373–384. Available at: https://www.academia.edu/2378020/Translocality_Concepts_applications_and_emerging_research_perspectives (accessed 20 July 2024).
- Grigoriev K., Koreshkova I. 2022. 'Chinese' or 'Local'? The Heterogeneous Identity of the Agrarian Assemblage in the Siberian Suburbs. *Inner Asia*. 24 (1): 31–52.
- Hallegatte S. 2014. Economic Resilience: Definition and Measurement. *World Bank Policy Research Working Paper*. 6852.
- Massey D. S. et al. 1993. Theories of International Migration: A Review and Appraisal. *Population and Development Review*: 19 (3): 431–466.
- Oakes T., Schein L. 2006. Translocal China: An Introduction. In: Oakes T., Schein L. (eds) *Translocal China: Linkages, Identities and the Re-Imagining of Space*. London; New York: Routledge; 1–35.
- Pries L. 1999. New Migration in Transnational Space. In: Ludger P. (ed.) *Migration and Transnational Social Spaces*. Aldershot: Ashgate Publication Ltd.; 1–35.
- Tenhunen S. 2011. Culture, Conflict, and Translocal Communication: Mobile Technology and Politics in Rural West Bengal, India. *Ethnos*. 76 (3): 398–420.
- Velayutham S., Wise A. 2005. Moral Economies of a Translocal Village: Obligation and Shame among South Indian Transnational Migrant. *Global Networks*. 5 (1): 27–47.
- Zontini E. 2010. *Transnational Families, Migration and Gender. Moroccan and Filipino Women in Bologna and Barcelona*. New York; Oxford: Berghahn Books.

Iulia Koreshkova, Dmitry Timoshkin, Andrey Voloshin, Nastassya Zborovitskaya

From Village to City and Back: Translocal Networks of Internal Migrants as a Driver of Socio-Economic Convergence Between Regional Centers and Peripheries

A Case Study of Irkutsk and Krasnoyarsk

KORESHKOVA, Iuliia O. — Junior Research Fellow, Irkutsk State University. Address: 1 Karl Marx str., 664003, Irkutsk, Russian Federation.

Email: yuliakodzhaeva@yandex.ru

TIMOSHKIN, Dmitry O. — Doctor of Sociological Sciences, Senior Research Fellow, Laboratory for Sustainable Development of the Baikal Region, Institute for Regional Research of the Irkutsk Scientific Center, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Address: 1 Favorskiy str., 664033, Irkutsk, Russian Federation. Professor, Department of Information Technologies in Creative and Cultural Industries, School of Humanities, Siberian Federal University. Address: 81 Svobodnyy Avenue, 660049, Krasnoyarsk, Russian Federation.

Email: dotimoshkin@sfu-kras.ru

VOLOSHIN, Andrey A. — Junior Research Fellow, Irkutsk State University. Address: 1 Karl Marx str., 664003, Irkutsk, Russian Federation.

Email: voloha94@yandex.ru

ZBOROVITSKAYA, Nastassya N. — Junior Research Fellow, Irkutsk State University. Address: 1 Karl Marx str., 664003, Irkutsk, Russian Federation.

Email: zborovickaya@mail.ru

Abstract

The article examines translocal networks of internal migrants in Irkutsk and Krasnoyarsk that connect the city and the countryside. Drawing on five focus groups and twenty semi-structured interviews with individuals who moved to these regional centers from small rural settlements, we explore how such networks are formed, maintained, and what social effects they produce. We identify two key dynamics: on the one hand, increased economic and emotional resilience of migrants; on the other, enhanced sustainability of rural communities. This mutual dependence leads to a process of socio-economic convergence between urban and rural areas. The horizontal networks described by our respondents facilitate the continuous movement of resources and information between city and village. In the early stages, products, money, social capital, and emotional support flow from the countryside to the city. The principle of reciprocity, characteristic of this type of relationship, results in a reversal of flow over time: as the migrant becomes embedded in urban infrastructural and social networks, resources begin to move in the opposite direction. Often, the resources coming from the village shift in meaning—from economic to symbolic: gift exchange becomes a means of sustaining group cohesion, with some members remaining in the place of origin and others now residing in the regional center. As a result, the social, economic, and cultural distance separating these two types of settlements gradually diminishes, and some of its negative consequences are mitigated. In conclusion, we propose a consequential hypothesis: translocal networks of rural migrants contribute to reducing the negative effects of outmigration for Siberian villages by partially bridging the infrastructural and economic gap between regional centers and the periphery.

Keywords: translocality; networks; network nodes; economic and social resilience; rural migrants; Siberia.

Acknowledgements

The paper was written as part of state assignment No. 121021800157-8.

References

- Boccanhi P. (2012) Revisiting the “Transnational” in Migration Studies: A Sociological Understanding. *Revue Européenne de Migrations Internationales*, vol. 28, no 1, pp. 33–50. Available at: https://www.researchgate.net/publication/272435589_Revisiting_the_Transnational_in_Migration_Studies_A_Sociological_Understanding (accessed 13 November 2024).
- Brickell K., Datta A. (eds) (2011) *Translocal Geographies: Spaces, Places, Connections*, Burlington: ASHGATE.
- Castells M. (1999). Stanovlenie obshchestva setevykh struktur [The Rise of the Network Society]. *Novaya postindustrialnaya volna na Zapade* [New Post-Industrial Wave in the West] (ed. V. L. Inozemtsev), Moscow: Academia, pp. 492–505 (in Russian).
- Chernyshev V. M., Voevoda M. I., Strelchenko O. V., Mingazov I. F. (2022) Selskoe zdravookhranenie Rossii. Sostoyanie, problemy, perspektivy [Rural Health Care of Russia. State, problems, prospects]. *Siberian Scientific Medical Journal = Sibirskiy nauchnyy meditsinskiy zhurnal*, vol. 42, no 4, pp. 4–14. doi: [10.18699/SSMJ20220401](https://doi.org/10.18699/SSMJ20220401) (in Russian).
- Chow J. C.-C., Lou C. W.-M. (2015) Community-Based Approaches to Social Exclusion among Rural-to-Urban Migrants in China. *China Journal of Social Work*, vol. 8, no 1, pp. 33–46. Available at: <https://escholarship.org/uc/item/5h4561xx> (accessed 19 November 2024).
- Cykunov G. A. (2019) Migratsionnye protsessy v Irkutskoy oblasti: istoriya i sovremennost [Migration Processes in the Irkutsk Oblast: History and Modernity]. *Issues of Social-Economic Development of Siberia = Problemy sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri*, no 4, pp. 181–185. Available at: https://brstu.ru/static/unit/journal_2/docs/number-38/181-185.pdf (accessed 22 October 2024) (in Russian).
- Ermisch J., Mulder C. H. (2019) Migration versus Immobility, and Ties to Parents. *European Journal of Population*, vol. 35, no 3, pp. 587–608. Available at: https://www.researchgate.net/publication/326888539_Migration_Versus_Immobility_and_Ties_to_Parents (accessed 20 July 2024).
- Freitag U., Oppen A. von (2010) “Translocality”: An Approach to Connection and Transfer in Area Studies. *Translocality: The Study of Globalising Processes from a Southern Perspective. Series: Studies in Global Social History*, vol. 4 (eds. U. Freitag, A. Oppen von), Leiden: Brill, pp. 1–21.
- Glick Schiller N., Bash L., Szanton-Blanc C. (1992) Towards a Transnational Perspective on Migration: Race, Class, Ethnicity, and Nationalism Reconsidered. *Annals of New York Academy of Science*, vol. 645, pp. 1–24. Available at: https://www.researchgate.net/publication/285339451_Towards_a_Transnational_Perspective_on_Migration_Race_Class_Ethnicity_and_Nationalism_Reconsidered (accessed 17 June 2024).
- Greiner C. (2010) Patterns of Translocality: Migration, Livelihoods and Identity in Northwest Namibia. *Sociologus*, vol. 60, no 2, pp. 131–161. doi: [10.3790/soc.60.2.131](https://doi.org/10.3790/soc.60.2.131)
- Greiner C., Sakdapolrak P. (2013) Translocality: Concepts, Applications and Emerging Research Perspectives. *Geography Compass*, vol. 7, no 5, pp. 373–384. Available at: https://www.academia.edu/2378020/Translocality_Concepts_applications_and_emerging_research_perspectives (accessed 20 July 2024).

- Grigoriev K. V. (2016) Mnogoobrazie prigoroda: suburbanizatsiya v sibirskom regione (sluchay Irkutsk). *Urban Studies and Practices = Gorodskie issledovaniya i praktiki*, vol. 1, no 2, pp. 7–23. Available at: https://www.academia.edu/30892083/Григоричев_К_Многообразие_пригорода_субурбанизация_в_сибирском_регионе_случай_Иркутска_Городские_исследования_и_практики_2016_T_1_2_C_7_23 (accessed 10 October 2024) (in Russian).
- Grigoriev K. V. (2017) Subregionalnye migratsii i phormirovanie prigorodov sibirskogo goroda [Subregional Migrations and the Formation of Suburbs of a Siberian City]. *World of the Great Altai = Mir Bol'shogo Altaja*, vol. 3, no 1, pp. 31–42 (in Russian).
- Grigoriev K. V., Dyatlov V. I., Zulyar R. Yu., Olejnikov I. V., Petrov A. V., Shmidt S. F. (2015) Regionalnyy politicheskiy protsess v usloviyakh pereselencheskogo obshchestva Sibiri: materialy kruglogo stola [Regional Political Process in the Conditions of the Resettlement Society of Siberia: Materials of the Round Table]. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series "Political Science and Religion Studies" = Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Politologiya. Religiovedenie"*, vol. 12, pp. 188–198. Available at: <https://izvestiapolit.isu.ru/en/article/file?id=1494> (accessed 8 November 2024) (in Russian).
- Grigoriev K., Koreshkova I. (2022) 'Chinese' or 'Local'? The Heterogeneous Identity of the Agrarian Assemblage in the Siberian Suburbs. *Inner Asia*, vol. 24, no 1, pp. 31–52. Available at: <https://doi.org/10.1163/22105018-02302016> (accessed 10 October 2024) (in Russian).
- Hallegatte S. (2014) Economic Resilience: Definition and Measurement. World Bank Policy *Research Working Paper*, no 6852. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2432352 (accessed 19 November 2024).
- Kalachikova O. N., Budilov A. P. (2018) Ottok molodezhi iz selskoy mestnosti: motivy i vozmozhnosti regulirovaniya [Youth Outflow from Rural Areas: Motives and Opportunities for Regulation]. *Social Area = Socialnoe prostranstvo*, vol. 15, no 3. Available at: <http://www.socialarea-journal.ru/article/2713> (accessed 10 October 2024) (in Russian).
- Kapustina E. L. (2017) Mezhdru Severom i zemley: doroga iz Zapadnoy Sibiri v Dagestan kak element sotsialnogo prostranstva translokalnogo migranta [Between the North and the Land: the Road from Western Siberia to Dagestan as an Element of the Social Space of a Translocal Migrant]. *Sotsiologicheskie Issledovaniia*, no 5, pp. 26–34. Available at: <https://www.socis.isras.ru/article/6682> (accessed 17 June 2024) (in Russian).
- Leonidova G. V. (2015) Doshkolnoe obrazovanie v Rossii: obespechennost i dostupnost [Preschool Education in Russia: Provision and Accessibility]. *Problems of Territory's Development = Problemy razvitiya territorii* no 5 (79), pp. 7–17. Available at: <http://pdt.isert-ran.ru/article/1290#> (accessed 10 October 2024) (in Russian).
- Massey D. S., Arango J., Hugo G., Kouaouci A., Pellegrino A., Taylor J. E. (1993) Theories of International Migration: A Review and Appraisal. *Population and Development Review*, vol. 19, no 3, pp. 431–466. Available at: <https://www.jstor.org/stable/2938462> (accessed 19 November 2024).
- Mkrtchan N. (2004) "Zapadnyy dreiph" vnutrirossiyskoy migratsii ["Western Drift" of Internal Migration in Russia]. *Otechestvennye zapiski*, no 4 (19), pp. 94–104.
- Mkrtchyan N. V. (2011) Migratsionnyy balans rossiyskih gorodov: k voprosu o vliyaniy razmera i polozheniya v sisteme tsentro-peripherynykh otnosheniy [Migration Balance of Russian Cities: To the Question

of the Influence of Size and Position in the System of Centre-Periphery Relations]. *Scientific Works: Institute of National Economic Forecasting RAS = Nauchnye trudy: Institut narodnohozyaystvennogo prognozirovaniya RAN*, vol. 9, pp. 416–430 (in Russian).

Mkrtchyan N. V. (2013) Goroda vostoka Rossii «pod natiskom» demographicheskogo szhatiya i zapadnogo dreypha [Cities of Eastern Russia ‘Under the Onslaught’ of Demographic Contraction and Western Drift]. *Pereselencheskoe obshchestvo Aziatskoy Rossii: migratsii, prostranstva, soobshchestva. Rubzhi XIX–XX i XX–XXI vv.* [Resettlement Society of Asian Russia: Migrations, Spaces, Communities. Routes of the XIX–XX and XX–XXI Centuries] (eds. V. I. Dyatlov, K. V. Grigoriev), Irkutsk: Ottisk, pp. 41–61 (in Russian).

Mkrtchyan N. V., Karachurina L. B. (2013) Migratsiya i estestvennoe dvizhenie naseleniya gorodov i administrativnykh rayonov Rossii v 1990–2010 gg.: klyuchevye phactory razlichiy [Migration and Natural Motivation of the Population of Cities and Administrative Districts of Russia in 1990–2010: Key Factors of Difference]. *Scientific Works: Institute of National Economic Forecasting RAS = Nauchnye trudy: Institut narodnohozyaystvennogo prognozirovaniya RAN*, vol. 11, pp. 95–114. Available at: https://www.researchgate.net/publication/332738880_Mkrtcan_NV_Karacurina_LB_MIGRACIA_I_EST-ESTVENNOE_DVIZENIE_NASELENIA_GORODOV_I_ADMINISTRATIVNYH_RAJONOV_ROSSII_V_1990-2010_gg_KLUCEVYE_FAKTORY_RAZLICIJ_Nauchnye_trudy_Institut_narodnohozajstvennogo_prog (accessed 18 November 2024) (in Russian).

Mkrtchan N. V., Gilmanov R. I. (2023). Dvizhenie vverkh: migratsiya mezhdu urovnyami poselencheskoy ierarkhii v Rossii v 2010-e gody [Upward Movement: Migration Between Levels of the Settlement Hierarchy in Russia in the 2010s]. *Izvestiya RAN (Akad. Nauk SSSR). Seriya Geographicheskaya*, vol. 87, no 1, pp. 29–41 (in Russian).

Mukomel’ V. I. (2011) Rossiyskie diskursy o migratsii: “nulevye gody” [Russian Discourses on Migration: The ‘Noughties’]. *Reforming Russia. Ezhegodnik* [Rossiya reformiruyushchayasya. Yearbook] (ed. M. K. Gorshkov), vol. 10, St. Petersburg: Institut sociologii RAN, Nestor-Istoriya, pp. 86–108. Available at: https://www.isras.ru/files/File/publ/Mukomel_Reform_Rossia_10_2011.pdf (accessed 10 October 2024) (in Russian).

Oakes T., Schein L. (2006) Translocal China: An Introduction. *Translocal China: Linkages, Identities and the Re-Imagining of Space* (eds. T. Oakes, L. Schein), London; New York: Routledge, pp. 1–35. Available at: <https://www.researchwithrutgers.com/en/publications/translocal-china-an-introduction> (accessed 17 June 2024).

Pries L. (1999) New Migration in Transnational Space. *Migration and Transnational Social Spaces* (ed. L. Pries), Aldershot: Ashgate Publication Ltd., pp. 1–35.

Shahnazaryan N. (2022) Book Review: Olga Brednikova i Sergey Abashin, red. «Zhit’ v dvukh mirakh»: pereosmy-slyaya transnatsionalizm i translokalnost Sbornik statey [Olga Brednikova and Sergei Abashin, eds. ‘Living in Two Worlds’: Re-thinking Transnationalism and Translocality. Collection of articles]. *Laboratorium: Russian Review of Social Research = Laboratorium. Zhurnal socialnykh issledovaniy*, vol. 14, no 3, pp. 168–173. doi: [10.25285/2078-1938-2022-14-3-168-173](https://doi.org/10.25285/2078-1938-2022-14-3-168-173) (in Russian).

Timoshkin D. O., Ermakov T., Ivanov K., Tarasov P. (2023) Podgotovka obuchayushchego massiva dlya vydeleniya i kategorizatsii praktik integratsii migrantov v sotsialnoy seti «VKontakte» s pomoshchyu neyroseti BERT [Preparation of a Training Dataset for Identifying and Categorizing Migrant Integration

Practices in the Social Network “VKontakte” Using the BERT Neural Network]. *VI Gotlibovskie chteniya: Vostokovedenie i regionovedenie Aziatsko-Tihookeanskogo regiona: materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [VI Gottlieb Readings: Oriental Studies and Regional Studies of the Asian-Pacific Region: Proceedings of the International Scientific Conference], Irkutsk: Irkutsk State University Publishing House, pp. 227–235 (in Russian).

Tenhunen S. (2011) Culture, Conflict, and Translocal Communication: Mobile Technology and Politics in Rural West Bengal, India. *Ethnos*, vol. 76, no 3, pp. 398–420.

Varshaver E. A., Rocheva A. L., Ivanova N. S., Andreeva A. S. (2021) *Migranty v rossiyskikh gorodakh: rasselenie, kontsentratsiya, integratsiya* [Migrants in Russian Cities: Settlement, Concentration, Integration], Moscow: Delo (in Russian).

Velayutham S., Wise A. (2005) Moral Economies of a Translocal Village: Obligation and Shame among South Indian Transnational Migrants. *Global Networks*, vol. 5, no 1, pp. 27–47. Available at: https://www.academia.edu/1585776/Moral_economies_of_a_translocal_village_obligation_and_shame_among_South_Indian_transnational_migrants (accessed 17 July 2024).

Verbickaya O. M. (2009) Naselenie rossiyskoy derevni v demographicheskom krizise 1990-kh godov [Population of the Russian Village in the Demographic Crisis of the 1990s]. *Studies in Russian, Soviet and Post-Soviet history = Rossijskaya istoriya*, no 4, pp. 114–131. Available at: <https://российская-история.рф/archive/2009-4> (accessed 10 October 2024) (in Russian).

Vorobiev M. I., Alekseev A. I. (2023) «Optimizatsiya» seti selskikh shkol: plyusy i minusy (primer Uvarovskogo rajona Tambovskoj oblasti) [‘Optimisation’ of the Rural School Network: Pros and Cons (Case Study of Uvarovsky District, Tambov Oblast)]. *Lomonosov Geography Journal = Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5, Geografiya*, no 4, pp. 146–150. Available at: <https://doi.org/10.55959/MSU0579-9414.5.78.4.13> (accessed 18 September 2025) (in Russian).

Zelenyuk Yu. M., Salatin S. A. (2023) Transphormatsiya selskikh sistem rasseleniya Irkutskoy oblasti v usloviyakh depopulyatsii [Transformation of rural settlement systems in the Irkutsk Oblast under conditions of depopulation (on the example of Chunsky Raion Municipality)]. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series: Earth Sciences = Izvestiya Irkutskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya: Nauki o Zemle*, vol. 46, pp. 65–78. Available at: <https://doi.org/10.26516/2073-3402.2023.46.65> (accessed 10 October 2024) (in Russian).

Zontini E. (2010) *Transnational Families, Migration and Gender. Moroccan and Filipino Women in Bologna and Barcelona*, New York; Oxford: Berghahn Books. Available at: https://www.researchgate.net/publication/287060426_Transnational_families_migration_and_gender_Moroccan_and_Filipino_women_in_Bologna_and_Barcelona (accessed 17 June 2024).

Received: March 16, 2025

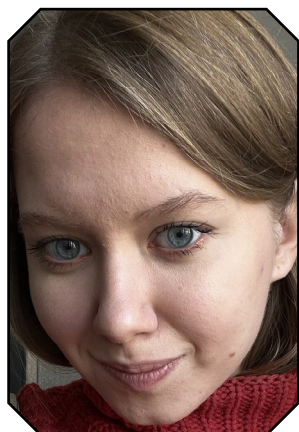
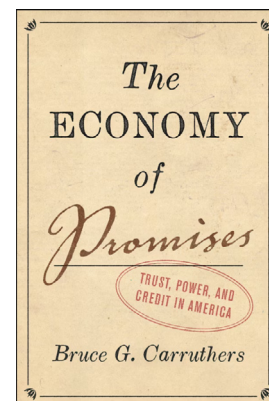
Citation: Koreshkova I., Timoshkin D., Voloshin A., Zborovitskaya N. (2025) Derevnnya—gorodu, gorod—derevne: translokalnye seti vnutrennikh migrantov kak phaktor sotsialno-ekonomicheskoy konvergentssii regionalnogo tsentra i peripherii. Na primere Irkutskaya i Krasnoyarskaya [From Village to City and Back: Translocal Networks of Internal Migrants as a Driver of Socio-Economic Convergence Between Regional Centers and Peripheries]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 26, no 4, pp. 152–175. doi: 10.17323/1726-3247-2025-4-152-175 (in Russian).

НОВЫЕ КНИГИ

М. О. Тушнолобова

Новая история кредита: как понять, кому доверять?

Рецензия на книгу: Carruthers B. G. 2022. *The Economy of Promises: Trust, Power, and Credit in America*. Princeton: Princeton University Press. 408 pp.



ТУШНОЛОБОВА
Мария Олеговна —
стажёр-исследователь
Лаборатории эконо-
мико-социологических
исследований (ЛЭСИ),
Национальный иссле-
довательский универ-
ситет «Высшая школа
экономики» (НИУ ВШЭ).
Адрес: 101000, Россия,
г. Москва, ул. Мясниц-
кая, д. 20.

Email: mtushnolobova@hse.ru

Книга Брюса Каррутерса «*The Economy of Promises: Trust, Power, and Credit in America*» («Экономика обещаний: доверие, власть и кредит в Америке») предлагает историко-социологический анализ эволюции кредитных отношений в США. Ключевой вопрос, на который отвечает автор, такой: как в разные периоды истории США кредиторы принимали решение о том, кому доверять? Б. Каррутерс также систематизирует исторические факты, показывая, что с начала XIX века кредитные отношения существенно изменились. Так, он анализирует переход от неформального кредита, который регулировался двусторонним обещанием, к разветвлённой сети кредитных отношений, в которых участвуют физические лица, корпорации, государство. Каррутерс показывает, что внедрение рейтингов становится способом рационализации кредитных отношений, этот процесс позволил сделать кредит не просто услугой для компаний, но и доступным финансовым инструментом для физических лиц, так как с появлением рейтингов оказалось возможно мгновенно оценить, стоит ли доверять человеку. Более того, автор объясняет, как развитие этой системы привело к финансовому кризису 2008 г. Книга как своего рода энциклопедия и результат систематизации большого объёма фактов из истории развития кредита в США и их анализа сквозь экономико-социологическую призму будет полезна тем, кто интересуется социологией денег, экономикой, историей.

В рецензии раскрываются основные идеи книги Брюса Каррутерса, акцентируется внимание, с одной стороны, на проблеме асимметрии информации, которую решают кредитные рейтинги, с другой — на последствиях их использования. Среди таких последствий — воспроизводство паттернов социального неравенства, лишаящих более бедные слои населения доступа к кредитам. В рецензии затрагивается этическая проблема, возникающая вследствие коммодификации сведений о кредитной истории, и показано, как академическое сообщество восприняло работу Брюса Каррутерса, каким образом исторический подход возможно применить к кредитным отношениям в России.

Ключевые слова: кредит; кредитные отношения; социология денег; социальное неравенство; история кредита; финансовый кризис.

¹ Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Введение

Чьим обещаниям можно доверять, а чьим — нет? Это вопрос, который задаёт Брюс Каррутерс в начале своей новой книги «The Economy of Promises: Trust, Power, and Credit in America» («Экономика обещаний: доверие, власть и кредит в Америке») [Carruthers 2022]. Автор книги подчёркивает, что вопрос не теряет актуальность веками, со времён ростовщичества и по сегодняшний день, когда вместе с быстрым развитием банковских услуг не менее стремительно появляются новые способы отследить действия человека, проверить, достоин ли он доверия. Однозначного и универсального ответа на этот вопрос нет. Тем интереснее разобраться, как на разных этапах развития кредитной системы принималось решение о доверии клиенту: одалживать деньги тому или иному лицу, физическому или юридическому? Как понять, точно ли заёмные средства будут возвращены?

Автор использует историко-социологический подход: реконструирует факты из истории развития кредита в США в XIX–XX веках, рассматривая их сквозь призму социологических концептов. Так, Б. Каррутерс анализирует, как от простого двустороннего обещания в рамках торгового кредита развивается система кредитных отношений в Соединённых Штатах Америки. Автор книги задаётся целью ответить на вопрос: как от такой простой формы кредита в XIX веке американское общество смогло прийти к современному состоянию, когда в основе экономики лежит уже бесчисленное множество обещаний? Как и при помощи чего на протяжении двух последних веков находили ответ на вопрос о том, кому доверять? Б. Каррутерс фокусируется на осмыслении процесса рационализации в этой сфере, а именно на переходе от качественных к количественным характеристикам измерения надёжности заёмщика, от решающей роли сети неформальных связей в регулировании отношений между кредитором и заёмщиком к эпохе больших данных и «безличных» кредитных рейтингов. В книге нет эмпирических данных, используются только исторические факты: работа напоминает эссе, где систематизируются и осмысляются события в истории развития кредита в США в XIX–XX веках с момента кризиса 1837 г., когда возникли первые кредитные рейтинги, и до конца XX века.

Это уже шестая книга, которую написал Брюс Каррутерс, и она дополняет ряд работ, посвящённых развитию экономических институтов. В первой книге «City of Capital: Politics and Markets in the English Financial Revolution» («Город капитала: политика и рынки в английской финансовой революции») Каррутерс отвечает на вопрос, как политические интересы могут определять действия в экономической сфере [Carruthers 1996]. Сам по себе такой поворот уже нетрадиционен: ведь обычно авторы книг и статей по политической экономии развития, экономике и другим направлениям задают вопрос об обратном влиянии. Каррутерс анализирует процесс становления фондового рынка в Лондоне в XVII–XVIII веках [Carruthers 1996]. Ещё две книги, написанные в соавторстве с другими коллегами, посвящены анализу эволюции института банкротства в Англии и Америке [Carruthers, Halliday 1998; Halliday, Carruthers 2009], а книги «Economy/Society: Markets, Meanings and Social Structure» («Экономика и общество: рынки, смыслы и социальная структура») и «Money and Credit: A Sociological Approach» («Деньги и кредит: социологический подход»), в сущности, являются пособиями по экономической социологии: в них Каррутерс и коллеги на примерах истории денег и кредита объясняют, что экономическое действие укоренено в сетях социальных связей, рассматривая более широкий контекст политико-экономического развития стран [Carruthers, Babb 2000; Ariovich, Carruthers 2010]. Один из центральных вопросов всех работ Каррутерса: почему рыночная экономика привела к тому, что лишь небольшая часть людей стала невероятно богатой и, наоборот, огромная часть — бедной? Именно поэтому институциональное развитие, эволюция рынка рассматриваются Каррутерсом в контексте глобального неравенства. Попытки ответить на эти ключевые вопросы мы видим и в последней, рецензируемой книге. Она состоит из 10 глав, в каждой из них более подробно рассматривается тот или иной аспект развития кредитных отношений. В главе 1, вводной («Introduction»), Каррутерс размышляет о роли обещания в человеческих отношениях и показывает, что кредит основан на обещании. Далее он

концептуализирует понятие «доверие» (глава 2 «Trust and Credit» — «Доверие и кредит») и рассматривает истоки современного кредита, а именно — торговое кредитование, и показывает, как возникли кредитные рейтинги (глава 3 «Trade Credit and the Invention of Ratings» — «Торговый кредит и открытие рейтингов»). В главе 4 («Bank Lending» — «Банковское кредитование») автор анализирует роль банка на разных этапах развития кредитных отношений. Также Каррутерс рассматривает эволюцию кредита с точки зрения потребителей (глава 5 «Individual and Consumer Credit» — «Личный и потребительский кредит») и корпораций (глава 6 «Corporate Finance and Credit Ratings» — «Корпоративные финансы и кредитные рейтинги»), анализирует причины и последствия возникновения и активного пользования ипотечными кредитами (глава 7 «Mortgages and Real Estate» — «Ипотечные кредиты и недвижимость»). В последних главах Каррутерс размышляет, чем опасны «сломанные ожидания» (глава 8 «Broken Promises» — «Сломанные обещания»), и показывает, что на сегодняшний день целые государства могут брать кредиты, и такие кредиты со стороны суверенных заёмщиков существенно влияют на экономическую ситуацию в стране (глава 9, «Sovereign Borrowers» — «Суверенные заёмщики»). В последней главе (глава 10, «Conclusion» — «Заключение») автор систематизирует основные идеи книги.

Доверие и надёжность

Обещание — это выражение другому собственного намерения относительно будущего. В книге идёт речь о специфическом виде обещания, а именно об обязательстве выплатить денежный долг [Carruthers 2022]. Основой, которая делает обещание (в данном случае — кредит) возможным, становится доверие, и до возникновения кредитных рейтингов ключевым фактором доверия являлся характер межличностных отношений между заёмщиком и кредитором, репутация заёмщика и его цели, а также финансовое положение — такие характеристики кредитор оценивал, прежде чем дать деньги в долг. Помимо этого, автор книги выделяет и ряд институциональных факторов доверия, таких как правовые гарантии, стабильность экономической ситуации. Однако институциональные характеристики первое время имели пониженное значение, так как в XIX веке в Америке не существовало единой финансовой системы и правового регулирования кредитных отношений, гарантии необходимо было обеспечивать самостоятельно и неформально [Carruthers 2022].

Каррутерс опирается на определение доверия, разработанное К. Кук, Р. Хардином и М. Леви, согласно которым, если индивид А доверяет индивиду В, то А исходит из ожидания, что В будет действовать определённым образом или совершит определённые действия [Cook, Hardin, Levi 2005]. Важной характеристикой оценки потенциального заёмщика является надёжность (*trustworthiness*), то есть склонность выполнять собственные обещания [Carruthers 2022]. При этом надёжность — не совсем личностная характеристика, так как она обеспечивается институционально — кредитными рейтингами, залогами, в целом формальными контрактными обязательствами [Guinnane 2001].

Кому верить, когда нет формальных институтов?

В XIX веке основным видом займа был торговый кредит. Это форма отношений, когда торговец берет товар у производителя, но не платит деньги сразу, а возвращает их только после реализации товара. Такая ситуация — пример асимметрии информации на рынке [Akerlof 1970]: заёмщик знает больше кредитора о собственной способности выплатить долг; он может действительно сделать это, а может забрать товар и исчезнуть навсегда либо не продать его и слишком долго возвращать деньги.

В первое время проблему асимметрии информации решало сообщество, а кредитные отношения были глубоко укоренены в социальных отношениях. В начале XIX века торговые связи не были столь широкими, потенциальные заёмщики и кредиторы знали друг друга или легко могли получить у знако-

мых информацию о том, стоит ли вступать в сделку с определённым человеком. Сообщество могло довольно успешно формировать репутацию ответственного заёмщика, ведь принятые тогда долговые отношения, в отличие от банковского кредита, обладали более серьёзной моральной окраской [Carruthers 2022]. Так, любые попытки оппортунистического поведения могли надолго испортить репутацию и лишить возможности развивать дело, привлекая заёмные средства. Согласно Бенджамину Франклину, на которого ссылается М. Вебер в книге «Протестантская этика и дух капитализма», «тому, кто точно платит, открыт кошелек других. Человек, рассчитывающийся точно к установленному сроку, всегда может занять у своих друзей деньги, которые им в данный момент не нужны» [Вебер 1990: 24]. Такова аксиома неформальных кредитных отношений.

Какова роль банка?

Ближе к середине XIX века стало ясно, что в США кредитование на прежних условиях ненадёжно: если ранее поставки товаров не выходили за рамки отдельных штатов, в которых действовало своё законодательство и права можно было хоть как-то защитить, то в 1830-е гг. торговля значительно расширилась, а проблема неопределённости существенно обострилась. Кредиты в основном выдавались без залога (на который можно наложить арест в случае неуплаты долга), законодательства действовали локально на уровне отдельных штатов, при этом отказывать в кредите было нецелесообразно, поскольку торговля и заёмные средства слишком сильно связаны, и кредитор в таком случае терял ещё больше [Carruthers 2022].

В результате кризиса 1837 г. Льюис Тэппен создал агентство, которое предоставляло кредитную информацию. Для того, чтобы проверить заёмщика, достаточно было связаться с агентством и получить сведения о компании. Кредитное поведение стало предсказуемой величиной: теперь понять, насколько надёжен тот или иной заёмщик, можно было опираясь на специально собранные данные о компаниях, хотя пока и не на статистическую информацию [Carruthers 2022]. Чуть позже, когда информации стало слишком много, потребовалась её систематизация, и появились кредитные рейтинги. Кредитные отношения в Америке перешли из неопределённости в плоскость рисков [Knight 1921], так как появилась возможность не просто узнать, вернёт ли долг потенциальный заёмщик, но и ранжировать его, поместить в систему на определённое место в зависимости от того, насколько он надёжен.

Учёт кредитного рейтинга давал кредитору возможность минимизировать издержки, проведя анализ заранее (лат. *ex ante*), то есть обезопасить себя от рисков потерять деньги, выбирая самых благонадёжных заёмщиков. При этом кредитный рейтинг не решал проблему издержек *ex post*², поскольку не было гарантий того, что в прошлом благонадёжный заёмщик и на этот раз в срок вернёт долг. Каррутерс отмечает, что именно поэтому параллельно развивается правовое регулирование на федеральном уровне: государство чётко определило постоянное значение термина «банкрот» [Carruthers 2022]. Фактически кредитная страховка могла действительно спасти только при понимании, что такое непредвиденная ситуация, определение которой и возникло на законодательном уровне.

Когда была создана Федеральная резервная система (ФРС), банки стали полноценными посредниками между кредиторами и заёмщиками. При этом они приобретали информацию о заёмщиках у всё тех же кредитных агентств. Формирование информационной базы кредитными агентствами строилось на социальных связях. Сбор данных носил неофициальный характер, информацию получали у разных кредиторов, преследовавших свои интересы. Такой порядок не предполагал прозрачной системы учёта, определённого стандарта в объёме информации. Только к началу XX века банки стали самостоятельно и напрямую от заёмщиков собирать информацию, становясь ключевыми игроками в формировании

² После случившегося (лат.).

кредитных рейтингов [Carruthers 2022]. Банки имели возможность отслеживать транзакционную активность фирм, оценивать не личностные качества заёмщиков, а систематизировать данные о прибыли, убытках, доходах и расходах компаний. Социальные связи и получение информации из разных источников полностью уступили место структурированному и регулярному отслеживанию бухгалтерских показателей, на основе которых банки стали вычислять кредитные рейтинги [Carruthers 2022].

Более того, знания о локальных сообществах и кредитных отношениях в них окончательно потеряли своё значение в процессе трансформации банковской системы. В начале XX века через государственное регулирование экономической деятельности произошли слияния мелких банков, возникли крупные сети, которые потеряли доступ к неформальным источникам информации о кредитной деятельности [Carruthers 2022]. Так, оценивать кредитоспособность компаний, а позже и физических лиц стали банки, обладающие доступом к текущей информации о финансовой активности, на основе которой появилась возможность формировать более устойчивые оценки кредитоспособности.

Массовое кредитование: «вклад» в воспроизводство неравенства

Принципы подсчёта кредитного рейтинга, разработанные для компаний, действовали и для физических лиц, массовое распространение кредитования среди которых было бы невозможно без внедрения чёткого стандарта подсчёта рейтинга на основе бухгалтерских показателей. Автор книги в этом контексте подчёркивает, что банки стали не просто ключевым экономическим агентом, но и серьёзной политической силой: в условиях, когда кредит — основа экономического роста, разрешение или запрет на него серьёзно влияет на платёжеспособность [Carruthers 2022]. Следовательно, кредитная система воспроизводит социальное неравенство, ограничивая финансовые возможности более бедных категорий населения, а также женщин и представителей других меньшинств, в результате чего они вынуждены обращаться к другим способам получения финансов. Таким образом, доступ к кредиту является существенной привилегией и маркером финансовой состоятельности, а также доверия со стороны банковской системы.

Брюс Каррутерс особое внимание уделяет ипотечному кредитованию: в XIX веке оно имело огромную ценность для сельского хозяйства и регулировалось на уровне локальных сообществ, эта форма кредита давала возможность развиваться фермерствам. На сегодняшний день ипотечный кредит представляет собой особую форму обещания: жильё в Америке — самый крупный и дорогой экономический актив, многие люди не могут быстро накопить на квартиру или дом (при этом стремятся к лучшему жилью, ведь место проживания определяет культурную жизнь семьи, уровень комфорта, круг общения), поэтому имеют задолженность по ипотеке [Carruthers 2022].

Параллельно с широким распространением ипотек популярность приобретают кредитные карты, на которые не требуется специальное разрешение и подтверждение достаточного уровня доходов. Кредитная карта на первый взгляд — финансовый инструмент, способный дать множество возможностей человеку с невысокими доходами, однако на самом деле долги по кредитным картам намного выше, чем по другим кредитам. Б. Каррутерс в этом контексте использует язык Ж. Бодрийяра: опережающее потребление становится «волшебной таблеткой», дающей, на первый взгляд, формальную свободу, но в действительности — непосильные, кабальные обязательства. Так распространение кредитных карт сближает сегодняшний день с эпохой ростовщичества [Бодрийяр 1995].

Большие данные — благо или зло?

Информация о кредитной истории в XIX веке стала интеллектуальной собственностью. Коммодификация этого блага повлекла за собой внедрение алгоритмов в ценообразование страховых (в зависимости

от кредитного рейтинга), например, а также определила развитие IT-технологий в этом направлении: из-за имеющейся возможности быстро оценить надёжность заёмщика оформление кредитной карты, рассрочки, а порой и крупного кредита теперь доступно в несколько кликов.

Широкое распространение рейтингов, их легитимный и легальный статус для (не)одобрения кредита — результат процесса рационализации, который обеспечивает воспроизводимость процесса, возможность прогнозировать результат, то есть кредитоспособность в нашем случае. Но насколько кредитоспособность действительно прогнозируется при помощи рейтинга? Каррутерс подчёркивает проблему «сломанных обещаний»: рационализация привела к тому, что кредитный рейтинг стал инструментом, шкалой с непрозрачной системой измерения, которая наделена большим значением, но теряет означаемое, то есть действительно важную информацию о личностных, моральных качествах заёмщика, его репутации, те гибкие данные, которые не могут быть получены из анализа бухгалтерских операций и действительно помогли бы оценить кредитоспособность. Сообщество больше не выполняет ключевую роль в регулировании кредитного поведения ни фирм, ни отдельных индивидов, и банки теперь не локальны, а образуют сеть безличных финансовых институтов. В таких условиях оценки заёмщиков инструментальны, и в случае экономического спада это может привести к катастрофическим последствиям. Так, в 2008 г. стало ясно, что за большинством обещаний, на которых строилась американская экономика, ничего не стоит, кроме иллюзорного чувства надёжности, обеспечиваемого высокими оценками как заёмщиков, так и ценных бумаг.

Ещё одна тема рецензируемой книги — этические проблемы, возникающие вследствие коммодификации сведений о кредитной истории. Каррутерс не уделяет этим проблемам особого внимания из-за того, кажется, что предложить решение не представляется возможным: в сущности, кредитный рейтинг — это продукт «надзорного капитализма», который, по мнению Ш. Зубофф, «претендует на человеческий опыт как на бесплатное сырьё для превращения его в данные о человеческом поведении» [Зубофф 2022: 10]. В саму логику оценивания кредитоспособности, основанную на трекинге банковских операций, легли принципы инструментальной власти, но книга не содержит дискуссии о вопросах безопасности и приватности данных: автор понимает необратимость процесса и лишь подчёркивает неэффективность системы оценок при её кажущейся точности.

Заключение

В настоящей рецензии обсуждаются основные сюжеты книги, дана интерпретация только ключевых, поворотных моментов в развитии кредитных отношений в Америке XIX–XX веков, а также некоторые размышления о сегодняшнем дне и современной ситуации.

Брюс Каррутерс в книге «The Economy of Promises: Trust, Power, and Credit in America» («Экономика обещаний: доверие, власть и кредит в Америке») делает серьёзную попытку реконструкции истории развития кредитных отношений в США. Автор утверждает, что вся американская экономика построена на обещаниях, и, по мере развития институтов, обещаний становилось всё больше [Carruthers 2022]. В рецензии отмечены основные участники экономики обещаний — государство, компании, физические лица.

Центральная тема книги — анализ развития кредитных рейтингов. Б. Каррутерс подробно объясняет, какую роль в экономике обещаний кредитные рейтинги играли с момента их появления до сегодняшних дней. В книге автор ссылается в основном на аналитические работы, и, хотя он часто упоминает названия исторических источников, далеко не всегда в библиографии можно найти ссылки на них. Несмотря на то что работа сделана не историком или юристом, а социологом, было бы уместно более досконально поработать с законодательными источниками, сделать более глубокий анализ их, пред-

ложив более глубокое осмысление поворотов в истории кредитных отношений. Сам автор называет книгу интерпретационным эссе, однако в гораздо большей степени она лишь реконструирует факты из истории кредитных отношений в Америке.

Книгу тем не менее положительно восприняли в академическом сообществе. Экономист Б. Хансен в рецензии подчёркивает, что книгу Каррутерса можно было бы даже назвать энциклопедией, так как в ней систематизированы основные формы кредита, описан процесс его эволюции с начала XIX века [Hansen 2023]. При этом отмечается, что книга написана доступным для широкого круга читателей языком, в том числе для тех, кто только начинает изучать феномен кредитной экономики³. В целом подчёркивается высокая значимость проделанной автором работы по интерпретации развития кредитных отношений в Америке сквозь экономико-социологическую призму.

Книга Б. Каррутерса может быть полезной не только для социологов, изучающих финансовое поведение, но и для экономистов и политологов, так как автор включает в анализ широкий круг аспектов темы, особенности и тонкости эволюции кредита и встраивает их в более широкий политико-институциональный контекст. Отметим, что данная работа посвящена только кредиту в Америке, и по ходу чтения возникает мысль о необходимости реконструкции развития кредитных отношений в России. Интересно было бы сравнить, насколько разный институциональный контекст повлиял на развитие кредита в этих странах.

Литература

- Зубофф Ш. 2022. *Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти*. М.: Издательство Института Гайдара.
- Вебер М. 1990. Протестантская этика и дух капитализма. В кн.: Вебер М. Избранное. *Протестантская этика и дух капитализма*. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив; 19–185.
- Бодрийяр Ж. 1995. Система вещей. М.: Рудомино.
- Ariovich L., Carruthers B. 2010. *Money and Credit: A Sociological Approach*. Cambridge: Polity Press.
- Akerlof G. 1970. The Market for “Lemons”: Quality Uncertainty and the Market Mechanism. *The Quarterly Journal of Economics*. 84 (3): 488–500.
- Carruthers B. 1996. *City of Capital: Politics and Markets in the English Financial Revolution*. Princeton: Princeton University Press.
- Carruthers B., Halliday T. 1998. *Rescuing Business: The Making Of Corporate Bankruptcy Law in England and the United States*. Oxford: Oxford University Press.
- Carruthers B., Babb S. 2000. *Economy/Society: Markets, Meanings, and Social Structure*. Thousand Oaks: Pine Forge Press.
- Carruthers B., Halliday T. 2009. *Bankrupt: Global Lawmaking and Systemic Financial Crisis*. Stanford: Stanford University Press.

³ На сайте издательства есть несколько комментариев социологов и экономистов к книге; см. подробнее: Электронный ресурс [код доступа]: <https://press.princeton.edu/books/hardcover/9780691235387/the-economy-of-promises?srsId=AfmBOooIHqcbEM4lQoLotNdkHdYu4B4cveHhqtswHzP21Xdi62tOv338> (дата обращения: 29 августа 2025 г.).

- Carruthers B. 2022. *The Economy of Promises: Trust, Power, and Credit in America*. Princeton: Princeton University Press.
- Cook K., Hardin R., Levi M. 2005. *Cooperation Without Trust?* New York: Russell Sage Foundation.
- Guinnane T. 2001. Cooperatives as Information Machines: German Rural Credit Cooperatives, 1883–1914. *Journal of Economic History*. 61 (2): 366–389.
- Hansen B. A. 2023. Review: Bruce Carruthers. *The Economy of Promises: Trust, Power, and Credit in America*. Princeton: Princeton University Press, 2022... *EH.Net*. Available at: https://eh.net/book_reviews/the-economy-of-promises-trust-power-and-credit-in-america/ (accessed 29 August 2025).
- Knight F. 1921. *The Meaning of Risk and Uncertainty*. Boston: Houghton Mifflin Co.

NEW BOOKS

Maria Tushnolobova

A New Credit History: How to Understand Whom to Trust?

Book Review: Carruthers B. G. (2022) *The Economy of Promises: Trust, Power, and Credit in America*, Princeton: Princeton University Press. 408 pp.

TUSHNOLOBOVA, Maria —
Research Assistant, Laboratory
for Studies
in Economic Sociology,
HSE University. Address:
20 Myasnitskaya str., Moscow,
101000, Russian Federation.

Email: mtushnolobova@hse.ru

Abstract

Bruce Carruthers' book "The Economy of Promises: Trust, Power, and Credit in America" is devoted to a historical and sociological analysis of the evolution of credit relations in the United States. The key question that the author answers is how did creditors decide whom to trust in different periods of U. S. history? The author draws on earlier work by sociologists, historians, and economists, and also systematizes historical facts, showing that credit relations have changed significantly since the beginning of the 19th century. Thus, he analyzes the transition from informal credit, which

was regulated by a bilateral promise, to an extensive network where credit relations are regulated by legislation, the state, as well as corporations and individuals. Carruthers shows that the invention of ratings became a way to streamline credit relations. This process has made it possible to make credit not just a service for companies, but also to provide an opportunity to lend to individuals, since with the advent of ratings it became possible to instantly assess how much a person can be trusted.

The review reveals the main ideas of Bruce Carruthers' book, focusing, firstly, on the problem of information asymmetry, which is solved by credit ratings, and secondly, on the consequences of their use. Thus, credit ratings reproduce patterns of social inequality, depriving poorer segments of the population of access to credit. Secondly, the review touches upon the ethical problem that arises as a result of the commodification of credit history information. In conclusion, it is shown how the academic community has perceived the book, and how such an approach can be applied to the history of credit relations in Russia.

Keywords: credit; credit relations; sociology of money; social inequality; history of credit; financial crisis.

Acknowledgements

This work is an output of a research project implemented as part of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University).

References

- Ariovich L., Carruthers B. (2010) *Money and Credit: A Sociological Approach*, Cambridge: Polity Press.
- Akerlof G. (1970) The Market for "Lemons": Quality Uncertainty and the Market Mechanism. *The Quarterly Journal of Economics*, vol. 84, no 3, pp. 488–500.

- Baudrillard J. (1995) *Sistema veshchey* [Le Système des objets], Moscow: Rudomino (in Russian)
- Carruthers B. (1996). *City of Capital: Politics and Markets in the English Financial Revolution*, Princeton: Princeton University Press.
- Carruthers B., Halliday T. (1998) *Rescuing Business: The Making of Corporate Bankruptcy Law in England and the United States*, Oxford: Oxford University Press.
- Carruthers B., Babb S. (2000) *Economy/Society: Markets, Meanings, and Social Structure*, Thousand Oaks: Pine Forge Press.
- Carruthers B., Halliday T. (2009) *Bankrupt: Global Lawmaking and Systemic Financial Crisis*, Stanford: Stanford University Press.
- Carruthers B. (2022) *The Economy of Promises: Trust, Power, and Credit in America*, Princeton: Princeton University Press.
- Cook K., Hardin R., Levi M. (2005) *Cooperation Without Trust?* New York: Russell Sage Foundation.
- Guinnane T. (2001) Cooperatives as Information Machines: German Rural Credit Cooperatives, 1883–1914. *Journal of Economic History*, vol. 61, no 2, pp. 366–389.
- Hansen B. A. (2023) Review: Bruce Carruthers. *The Economy of Promises: Trust, Power, and Credit in America*. Princeton: Princeton University Press, 2022... *EH.Net*. Available at: https://eh.net/book_reviews/the-economy-of-promises-trust-power-and-credit-in-america/ (accessed 29 August 2025).
- Knight F. (1921). *The Meaning of Risk and Uncertainty*, Boston: Houghton Mifflin Co.
- Weber M. (1990) *Protestantskaya etika i dukh kapitalizma* [The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism]. Weber M. *Izbrannoe. Protestantskaya etika i dukh kapitalizma* [Selected. The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism], Saint Petersburg: The Center for Humanitarian Initiatives (in Russian); 19-185.
- Zuboff Sh. (2022) *Epokha nadzornogo kapitalizma. Bitva za chelovecheskoe budushchee na novykh rubezhakh vlasti* [The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power], Moscow: Gaidar Institute Press (in Russian).

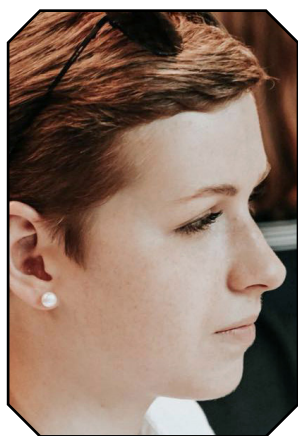
Received: May 15, 2025

Citation: Tushnolobova M. (2025) Novaya istoriya kredita: kak ponyat komu doveryat? [A New Credit History: How to Understand Whom to Trust? Book Review: Carruthers B. G. (2022) *The Economy of Promises: Trust, Power, and Credit in America*, Princeton: Princeton University Press. 408 pp.]. *Journal of Economic Sociology*, vol. 26, no 4, pp. doi: [10.17323/1726-3247-2025-4-176-185](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2025-4-176-185) (in Russian).

КОНФЕРЕНЦИИ

Д. Р. Лебедева

Промежуточная конференция исследовательской сети по экономической социологии Европейской социологической ассоциации (ESA RN09)



ЛЕБЕДЕВА Дарья Руслановна — младший научный сотрудник Лаборатории экономико-социологических исследований (ЛЭСИ), преподаватель кафедры экономической социологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Адрес: 101000, Россия, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

Email: dlebedeva@hse.ru

В Берлине 3–5 сентября 2025 г. прошла промежуточная конференция Европейской социологической ассоциации, исследовательской сети № 09 «Экономическая социология» (ESA RN09 Mid-term Conference), организованная Институтом Вайценбаума (Weizenbaum Institute). Тема конференции — «Поиск решений актуальных вызовов нашего времени: позитивный поворот в экономической социологии?» («Exploring Solutions to the Challenges of Our Time: A Positive Turn in Economic Sociology?»).

Программа включала пленарные доклады и параллельные сессии. Тематика секций охватывала широкий спектр вопросов — от долговой нагрузки и финансового поведения домохозяйств до цифровых платформ труда, блокчейна и управления устойчивыми инвестициями. В центре обсуждений оказались также проблемы индустриальной политики, «зелёного перехода», цифровых платежных систем и новых форм кооперации.

Конференция показала, что экономическая социология сегодня располагает богатым понятийным и методологическим арсеналом, который делает её востребованной не только в академической среде, но и в общественных дискуссиях о будущем экономики и общества.

Ключевые слова: экономическая социология; позитивный поворот; поликризис; цифровая экономика; «зелёный переход»; отношенческий подход.

Промежуточная конференция Европейской социологической ассоциации, исследовательской сети 09 «Экономическая социология» (European Sociological Association, Research Network 09 Economic Sociology. Mid-term Conference)¹, организованная Институтом Вайценбаума (Weizenbaum Institute)², прошла 3–5 сентября 2025 г. в Берлине.

¹ См. анонс и программу конференции на сайте Европейской социологической ассоциации. Электронный ресурс [код доступа]: <https://www.europeansociology.org/research-networks/rn09-economic-sociology> (дата обращения: 12 сентября 2025 г.).

² См. подробнее об Институте на его официальном сайте. Электронный ресурс [код доступа]: <https://www.weizenbaum-institut.de/en/> (дата обращения: 12 сентября 2025 г.).

Фотография автора статьи. 2025 г. 3 сентября



Рис. 1. Институт Вайценбаума

Фотография автора статьи. 2025 г. 3 сентября



Рис. 2. Взгляд изнутри: рабочее пространство в Институте Вайценбаума

Тематика конференции была обозначена как «Поиск решений актуальных вызовов нашего времени: позитивный поворот в экономической социологии?» («Exploring Solutions to the Challenges of Our Time: A Positive Turn in Economic Sociology?»). Мероприятие было посвящено тому, как экономическая социология может не только критически интерпретировать экономические и социальные процессы, но и активно предлагать решения таких комплексных вызовов, как рост неравенства, климатические изменения и стремительная цифровизация.

На конференции особое внимание уделялось следующим направлениям:

- переосмысление экономического роста: разработка альтернативных критериев оценки благосостояния на основе не только ВВП, но и благополучия, прав человека, справедливости, экологического здоровья;
- цифровые экономики и общество: исследование социальных и экономических последствий цифровизации, искусственного интеллекта, автоматизации и платформенной экономики;
- адаптивность (*resilience*) и восстановление: анализ социального измерения экономического восстановления после кризиса;
- глобализация и новый взгляд на неё: поиск баланса между глобальной взаимосвязанностью и локальной автономией, устойчивым развитием;
- этика в экономике: исследование моральных и этических аспектов в экономической практике и политике.

Conference Themes

The conference is organized into **five thematic tracks**. Below are the themes with their scope and the sessions included in each:

Скриншот. 2025 г. 3 сентября	Theme 1 – #Ethics – Ethics & Public Innovation for Just Economies These panels look at moral frameworks, policy design and civic initiatives that reshape markets toward greater equity and access—spanning essential infrastructures, illicit economies, taxation and public engagement by sociologists. / Panel 2.2 "Valuing Access: Participation & Inequality in Essential Infrastructures" / Panel 2.3 "Rethinking Economic Sociology: Public Engagement, Policy & Transformation" / Panel 4.1 "States in Transition: Policy, Taxation & Inequality" / Panel 5.1 "Contested Governance: Illicit Markets, Institutional Embeddedness & Resource Extraction" / Panel 5.2 "Moral Frameworks & Emotions in Economic Life" / Panel 6.3 "Economic Pluralism & Democratizing Consumption, Ownership & Organization"
	Theme 2 – #Value – Re-imagining Value: Financial Innovation for Equitable Futures From alternative metrics and moral finance to household debt and wealth imaginaries, these panels ask how valuation and financial tools can be redesigned to foster stability, fairness and shared prosperity. / Panel 1.1 "Debt and Value: Financialization, Households, and the Politics of Valuation" / Panel 1.3 "Market Uncertainty: Risk, Emotion & Economic Futures" / Panel 2.1 "Valuation, Innovation, and Governance in Contemporary Capitalism" / Panel 3.3 "Constructing Value: Governance, Morality, and Innovation in Contemporary Economies" / Panel 7.1 "Constructing Economic Value: Governance, Morality & Innovation" / Early Career Session 1 "Transforming Economic Relations: Cooperation, Financialization & Transnational Care" / Early Career Session 2 "Wealth & Investment: Imaginaries, Discourses & State Capacity"
	Theme 3 – #Green – Building Resilient & Green Transitions Focusing on climate, energy and territorial disparities, this theme highlights social, institutional and financial strategies that accelerate the green transition while strengthening communities' capacity to cope with crises. / Panel 4.3 "Transformations at the Margins: Finance, Labor & the Green Transition" / Panel 4.2 "Imagining Fair & Sustainable Futures: Networks, Scenarios & Participation" / Panel 7.2 "Spatial Economies: Housing, Platforms & Last-Mile Delivery" / Early Career Session 3 "Institutionalizing Sustainability: Corporations & Urban Governance"
	Theme 4 – #Work – Empowering Work in Transforming Industries What concrete practices and policies can reduce precarity and foster decent work as industries digitalise and reorganise? Panels here examine labour strategies, state roles and collaborative networks that protect and empower workers. / Panel 3.2 "Industrial Transformation: Strategies, Networks & State Roles" / Panel 6.1 "Social Responses to Uncertainty: Categorisation, Control, and Collective Action" / Panel 7.3 "Precarity & Vulnerability: New Workplace Strategies"
	Theme 5 – #Digital – Digital Solutions for Inclusive Economies How can digital infrastructures, algorithms and online communities be steered toward broader access, transparency and participation? This theme explores platform governance, the social impact of fintech, and regulatory paths that make technological change work for everyone. / Panel 1.2 "Navigating Transitions: Digital Economies, Sustainability & Regulatory Limits" / Panel 3.1 "Individualisation & Socio-Economic Transformation: Culture, Identity & Digital Economies" / Panel 5.3 "The Sociology of Digital Payments: Infrastructure, Governance & Trust" / Panel 6.2 "Digital Platforms & Market Organization: Agency & Transformation"

Рис. 3. Выдержка из программы конференции: основные темы

Организаторы конференции также намеревались углубить обсуждение классических для новой экономической социологии тем, таких как рыночные процессы, труд и капитал, институты и организации, задаваясь вопросом о том, как эти концепты можно трансформировать ради более справедливого и устойчивого будущего.

Открыла конференцию первая пленарная лекция — доклад Марка Дэвиса, профессора Университета Лидса (University of Leeds, School of Sociology and Social Policy), на тему «Как Зелизер может решить климатический кризис и что это значит?» («How Can Zelizer Solve the Climate Crisis and What Does That Mean?»). М. Дэвис показал, как отношенческий подход Вивианы Зелизер способен помочь по-новому взглянуть на финансирование климатических решений.

На примерах проектов в Великобритании — локальных климатических облигаций, краудфандинга «нулевых выбросов» и реновации жилья — Дэвис продемонстрировал, что ключевым препятствием для реновации районов в сторону энергетической эффективности является не только нехватка денег, но и то, как именно люди «маркируют» и распределяют средства внутри домохозяйств. Его вывод заключался в предложении о том, что государство должно помогать обществу снимать нагрузку этой «отношенческой работы» (*relational work*, в терминах В. Зелизер) и находить язык, способный связывать личные беспокойства, установки и ценности с климатической политикой.

Доклад вызвал оживлённую дискуссию. По словам Йенса Беккерта, ценность предложенного подхода состоит в том, что он делает местные сообщества активными участниками борьбы с климатическим кризисом.



Фотография автора статьи. 2025 г. 3 сентября

Рис. 4. Первый ключевой докладчик Марк Дэвис рассказывает о переосмыслении климатической политики через теорию отношенческой работы В. Зелизер

Программа первого дня включала семь секций. Участники обсуждали широкий спектр тем — от долговой нагрузки и домохозяйств до цифровых платформ труда, циркулярной экономики и социологических подходов к инфляции. В фокусе внимания также оказались вопросы доверия и блокчейна в управлении цепочками поставок и участие граждан в устойчивых инвестициях. Особый интерес и оживлённые обсуждения вызвала секция, посвящённая переосмыслению экономической социологии, её трансформации и публичной роли в эпоху неолиберального капитализма. Много и воодушевляющего, и угнетающего было сказано о перспективах выстраивания коммуникации между экономсоциологами и управленцами, то есть чиновниками и администраторами, которые работают в местных государственных структурах (*local public administrator*).

Стоит также отметить наличие на конференции отдельных сессий для молодых исследователей, на которых аспиранты не только представляли свои доклады, но и получали ответную реакцию на свои исследовательские проекты от модераторов секции. Модераторы выступали не только менеджерами разворачивающихся дискуссий, но и рецензентами заранее высланных текстов. По отзывам участников, этот формат стал для них безопасным пространством (*safe space*) для обсуждения своих диссертационных исследований и развёрнутых комментариев от опытных и именитых исследователей.

Второй день конференции был посвящён трансформациям в цифровой экономике, индустриальной политике и практиках ценностного регулирования. На утренних сессиях обсуждались рыночные изменения в сфере психического здоровья в Турции, роль цифровых технологий в восстановлении экономики Греции, а также новые формы удалённой работы и глобального трудового регулирования. После обеда участники обратились к темам налоговой политики, «зелёного перехода» и цифровых платёжных систем. Особый интерес вызвали дискуссии о санкциях и финансовых инфраструктурах в России, о восприятии экологической трансформации в среде так называемой «коричневой экономики», то есть в традиционной сырьевой экономике, и рыночных механизмах регулирования природопользования в сельском хозяйстве. На секции для молодых исследователей через призму дискурс-анализа обсуждались проекты о богатстве, инвестициях и финансовых рынках. Дискуссии этого дня позволили соединить фундаментальные теоретические вопросы с конкретными эмпирическими кейсами, что сделало обсуждение насыщенным и многоплановым.



Фотография автора статьи. 2025 г. 4 сентября

Рис. 5. Одна из секций конференции: доклад Себастиана Кооса о восприятии климатической политики работниками из секторов «коричневой экономики»

Второй день конференции завершился вторым пленарным докладом: Йенс Беккерт, профессор Института Макса Планка по изучению обществ (Max Planck Institute for the Study of Societies), говорил об экономической социологии поликризиса — «The Economic Sociology of the Polycrisis».

Профессор построил своё выступление вокруг вопроса, предложенного в информационном письме (*call for papers*) конференции: каким образом экономическая социология может усилить свой вклад в формирование экономик и обществ, которые не только эффективны, но также справедливы и устойчивы (*how the discipline can enhance its impact in shaping economies and societies that are not only efficient but also equitable and sustainable*). В центре доклада оказалось понятие «поликризис», то есть взаимно

усугубляющие друг друга проблемы современности — от неравенства и климатических изменений до политической нестабильности и кризиса демократии. Беккерт отметил: «Современные кризисы взаимосвязаны, и решать их изолированно невозможно; необходимо рассматривать их через призму равенства, справедливости и устойчивости». В своём выступлении профессор Беккерт не раз подчёркивал, что экономическая социология как дисциплина за последние десятилетия накопила мощный инструментарий, включающий концепты укоренённости, отношенческой работы (*relational work*), моральной экономики, воображаемых проектов будущего и неопределённости, которые позволяют связывать микро- и мезоуровни с макропроцессами капиталистического развития.

Особое внимание было уделено тому, как экономическая социология эволюционировала с 1980-х гг., обратившись к концептам политической экономии после кризиса 2008 г. По мнению Беккерта, задача исследователя — применять эти инструменты с технической компетентностью, страстью и социологическим воображением. Будущее дисциплины заключается не только в академической рефлексии, но и в практическом вкладе в бизнес, финансы, консалтинг, в компании, принимающие решения. При этом исследователи должны сохранять заданную М. Вебером ценностную нейтральность, но одновременно стремиться к этической и устойчивой науке, задаваясь вопросом о том, что необходимо знать, чтобы помочь политическим и публичным акторам действовать ради более справедливого и устойчивого мира.

При обсуждении доклада участники поднимали вопросы о том, как экономсоциологи могут влиять на публичные и политические дискуссии, где проходит граница между наукой и гражданской позицией исследователя. Обсуждение подчеркнуло актуальность поиска баланса между теоретическим наследием и новыми вызовами — от неравенства до климатических изменений. По мнению исследователей, экономическая социология должна быть открытой к смелым теоретическим поворотам, рождающимся в том числе в диалоге с активистами и обществом, то есть оставаться, как отметил Беккерт, динамическим проектом.



Фотография автора статьи. 2025 г. 4 сентября

Рис. 6. Второй пленарный доклад: Йенс Беккерт об экономической социологии поликризиса

На третий день конференции состоялся последний пленарный доклад. Профессор социологии Университета Триера (University of Trier) Андреа Маурер рассуждала на тему «Как экономическая социология может стать актуальной для практики и какие инструменты она может для этого использовать?» («How Can Economic Sociology Become Relevant for Practice and What Tools Can it Use for This?»).

Маурер подчеркнула, что практическая значимость экономической социологии кроется не только в критике базовой экономической теории, но и в умении показать, что формы жизни, труда и потребления не возникают сами по себе и не функционируют автоматически. Она предложила заново взглянуть на ключевые координационные формы — рынки и фирмы — и исследовать их с учётом новых вызовов современности, включая устойчивое развитие. В центре доклада были предложения по выработке исследовательской программы, которая позволила бы учёным в области экономической социологии более эффективно делать выводы, ценные не только академически, но и практически. Для этого, полагает исследовательница, нужно усилить методологический акцент на выявлении причинных связей в реальном социальном мире, признать неопределённости как базовую характеристику социальной реальности и использовать объяснения, соединяющие действие (*action-based explanations*) с микрооснованиями и макропоследствиями.

Также профессор обратилась к теоретическому инструментарию экономической социологии — от моделей рационального выбора до теорий среднего уровня. Особое внимание Маурер уделила идеям Элинора Остром об управлении общинами (*Commons*), подчеркнув значение правил, учитывающих локальный контекст, участия в принятии решений и встроенности сообществ в более широкие сети. В качестве примеров практического применения ею были рассмотрены альтернативные формы координации в энергетике: кооперативы, локальные сообщества и муниципальные поставщики.

В заключение Маурер отметила, что практическая значимость возникает там, где мы ставим чёткий социальный вопрос и находим инструменты, которые позволяют хотя бы наметить решение. Она подчеркнула, что самая увлекательная исследовательская задача на сегодня, по её мнению, заключается в анализе динамики возникновения и распада альтернативных форм социальной координации.

В дискуссии после выступления участники поднимали вопросы о том, кому служат наши исследования и как экономическая социология может сохранить баланс между теоретической глубиной и общественной значимостью. Обсуждение затронуло также роль классиков — М. Вебера, Г. Зиммеля, Э. Дюркгейма — и необходимость постоянной рефлексии над тем, что делает их работы актуальными для современности.



Фотография автора статьи. 2025 г. 5 сентября

Рис. 7. Третий пленарный доклад: Андреа Маурер об экономической социологии, основанной на действии

Третий день конференции, короткий, но продуктивный, был наполнен дискуссиями, затрагивающими широкий спектр тем и посвящёнными тем же магистральным направлениям (трансформациям труда, цифровых рынков и «зелёного перехода»), но вместе с тем углубляющими их экономсоциологическое понимание. Так, участники рассматривали в своих докладах роль специалистов по цифровой рекламе и консалтинга в платформенной экономике, альтернативные формы собственности и самоорганизации потребителей. Молодые исследователи представили кейсы институционализации устойчивости на уровне корпораций и городов. Во второй половине дня дискуссии затронули такие вопросы, как возможности посткапитализма, автоматизация, уязвимость домохозяйств в энергетическом и жилищном секторах, влияние платформы Airbnb на городские пространства и новые формы прекарности — от гиг-работников в Великобритании до коворкингов в Италии. День показал, что будущее экономики требует внимания как к технологиям, так и к социальным практикам, формирующим условия труда и жизни.

Несомненно, все три конференционных дня были очень плодотворными и насыщенными. На заключительном кофе-брейке исследователи делились своими мыслями, впечатлениями и планами. Многие были рады встретить давних коллег и друзей, получили заряд вдохновения и исследовательских идей. Вместе с тем учёные были обескуражены и озадачены вопросами о том, как же экономическая социология может найти новые и более эффективные способы решения насущных и сложных проблем современности. Впрочем, в подсвечивании и озвучивании самых сложных задач и состоял смысл прошедшего мероприятия. Попытки ответить на множество вопросов появятся, вероятно, на страницах академических журналов в статьях участников конференции. Прощаясь, исследователи выразили надежду на новую встречу летом 2026 г. в Варшаве, где пройдёт 17-я ежегодная конференция Европейской социологической ассоциации, посвящённая демократии, социальным действиям, солидарности и устойчивому будущему³.

Фотография автора статьи. 2025 г. 5 сентября



Рис. 8. Взгляд изнутри: кофе-брейк

³ См. описание предстоящей конференции и новости об анонсах на сайте конференции. Электронный ресурс [код доступа]: <https://www.europeansociology.org/conference/2026> (дата обращения: 12 сентября 2025 г.).

CONFERENCES

Daria Lebedeva

Mid-term Conference of the European Sociological Association, Research Network 09 Economic Sociology

LEBEDEVA, Daria R. —

Junior research fellow,
Laboratory for Studies in
Economic Sociology (LSES),
Lecturer, Department
of Economic Sociology,
HSE University. Address:
20 Myasnitskaya str., 101000,
Moscow, Russian Federation.

Email: dlebedeva@hse.ru

Abstract

From September 3 to 5, 2025, Weizenbaum Institute in Berlin hosted the mid-term conference of the European Sociological Association, Research Network 09 'Economic Sociology'. The theme of the conference was 'Exploring Solutions to the Challenges of Our Time: A Positive Turn in Economic Sociology?'

The program included plenary lectures and parallel sessions. The sessions covered a wide range of topics: from household indebtedness and financial behavior to digital labor platforms, blockchain, and sustainable investment

governance. Key discussions also addressed industrial policy, the green transition, digital payment systems, and new forms of cooperation.

The conference demonstrated that economic sociology today possesses a rich conceptual and methodological arsenal, making it highly relevant not only within academia but also in broader public debates on the future of economy and society.

Keywords: economic sociology; positive turn; polycrisis; digital economy; green transition; relational approach.

Received: September 5, 2025

Citation: Lebedeva D. (2025) Promezhutochnaya konpherentsiya issledovatel'skoy seti po ekonomicheskoy sotsiologii Evropeyskoy sotsiologicheskoy assotsiatsii (ESA RN09) [Mid-Term Conference of the European Sociological Association, Research Network 09 Economic Sociology]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 26, no 4, pp. 186–194. doi: [10.17323/1726-3247-2025-4-186-194](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2025-4-186-194) (in Russian).

**Экономическая
социология**
Т. 26. № 4.
Сентябрь 2025

Электронный журнал
[ojs.hse.ru/index.php/
ecsoc](https://ojs.hse.ru/index.php/ecsoc)
www.ecsoc.hse.ru

ISSN 1726-3247

Адрес редакции

101000, Россия,
г. Москва,
ул. Мясницкая,
д. 11, комн. 530
тел.: (495) 628-48-86
email: ecsoc@hse.ru



**Journal of
Economic Sociology**
Vol. 26. No 4.
September 2025

Electronic journal
[ojs.hse.ru/index.php/
ecsoc](https://ojs.hse.ru/index.php/ecsoc)
www.ecsoc.hse.ru

ISSN 1726-3247

Contacts

11 Myasnitskaya str., room
530
101000 Moscow,
Russian Federation
phone: +7 (495) 628-48-86
email: ecsoc@hse.ru

Доступ к журналу

- Доступ ко всем номерам журнала — постоянный, свободный и бесплатный.
- Каждый номер содержится в едином файле (10–12 п. л. в PDF).
- Если хотите, чтобы Вас оповещали о выходе очередного номера, пожалуйста, заполните форму подписки: <https://www.hse.ru/expresspolls/poll/23725626.html>

Open Access Policy

- All issues of the Journal of Economic Sociology are always open and free access.
- Each entire issue is downloadable as a single PDF file.
- If you wish to receive notification when new issues are published, please fill out the following form: <https://www.hse.ru/expresspolls/poll/23725626.html>